

О.В. КОРОТКИХ

**ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ
В ДУХЕ МИРОЛЮБИЯ
В ТРАДИЦИЯХ НАРОДНОЙ
ПЕДАГОГИКИ**

Москва
ИНФРА-М
2011

УДК
ББК

Коротких О.В.

Воспитание детей в духе миролюбия в традициях народной педагогики. — М.: ИНФРА-М, 2011. — с.

ISBN 978-5-16-

В монографии систематически рассматривается традиция воспитания детей в духе миролюбия, сложившаяся в русской народной педагогике. Впервые в отечественной педагогике на основании архивных материалов и широкого круга источников из различных областей гуманитарного знания восстанавливается исторический контекст становления идеи миролюбия в отечественной педагогике, анализируются социальные и культурные факторы зарождения и развития традиции воспитания миролюбия, представлено последовательное рассмотрение основных средств воспитания миролюбия в народной педагогике. Монография предназначена для исследователей в области истории педагогики и образования, истории русской народной культуры, она может быть использована в работе педагогов-практиков дошкольных учреждений и системы начального образования.

ББК

ISBN 978-5-16-

© Коротких О.В., 2011

Подписано в печать 25.07.2010. Формат 60x88/16.

Гарнитура Newton. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 15,0. Уч.изд. л. 18,72.

Тираж 500 экз. Заказ №

Цена свободная.

Издательский Дом «ИНФРА-М»

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в.

Тел.: (495) 3800540, 3800543. Факс: (495) 3639212

Е-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

Отпечатано по технологии «печать по требованию»

Тел.: (495) 363-92-15; e-mail: info@rior.ru

www.rior.ru

Вступительные замечания

Современный этап развития российского многонационального общества характеризуется возрождением интереса к национальной культуре, к традициям народной педагогики, ростом национального самосознания, стремлением понять и познать историю и культуру своего народа.

Глубинные изменения в политической и экономической жизни нашего общества, которые имели место в конце прошлого века, оказали существенное влияние на сферу межнациональных отношений. Результатом распада Советского Союза стало возникновение множества политических, социальных, территориальных конфликтов, стремительно перераставших из стадии потенциальных в реальные конфликтные действия, резко осложнили межнациональные отношения. Социальные кризисы породили и кризис в духовной жизни общества, проявляющийся, прежде всего, в распространении равнодушия и грубости, в недостатке бережного и чуткого отношения людей друг к другу. Наличие множества нерешённых социальных проблем обусловило и большую общественную значимость исследования проблемы воспитания миролюбия у детей.

В современном мире социально-политическая безопасность России всё в большей степени определяется внутренними порождающими конфликты факторами. В спектре внутривнутриполитических угроз современной России, согласно положениям Закона Российской Федерации «О безопасности» и Концепции национальной безопасности Российской Федерации, особое место занимает угроза возникновения конфликтов.

В российском законодательстве и в международном праве содержатся положения, способствующие созданию правовых и социальных условий для решения проблемы воспитания миролюбия. Так, в законе Российской Федерации «Об образовании» говорится о необходимости придания образованию гуманистического характера, о необходимости создания в обществе условий для свободного развития личности. В «Конвенции о правах ребёнка» констатируется, что образование должно быть направлено на воспитание уважения к культурной самобытности ребёнка, к национальным ценностям страны, в которой он проживает. В «Конвенции государственной национальной политики Российской Федерации», принятой в 1996 году, подчеркивается необходимость обеспечения единства и целостности России в новых исторических условиях, необходимость согласования интересов всех населяющих её народов, развития национальных языков и культур.

Нестабильность в области межнациональных отношений, необходимость гуманизации педагогического процесса в образовательных учреждениях актуализировали задачу приобщения младших школьников к культурным ценностям, накопления позитивного опыта межнационального общения, воспитания у детей взаимной терпимости, благожелательного отношения друг к другу, чувства товарищества, миролюбия. Контекст современной жизни далеко не всегда оказывается благоприятным для решения этих педагогических задач. В современном мире детям предлагаются «военизированные» игрушки, компьютерные игры, мультфильмы. Эффективно противостоять влиянию негативных социально-культурных факторов можно лишь при условии активного использования опыта традиционной народной культуры, которая, несмотря на все потери, продолжает жить в памятниках фольклора, традиционных народных играх, моральном и религиозном сознании нашего народа.

Часть первая.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МИРОЛЮБИЯ
КАК ФЕНОМЕНА РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ**

Культура каждого народа несет в себе общечеловеческие ценности - те ценности, которые определяют нашу причастность к истории и культуре человечества в целом. Вместе с тем исторический опыт каждого народа своеобразен, его специфика, определяемая природными условиями жизни этноса, взаимоотношениями с соседними народами, особенностями социальной и культурной истории, предопределяет наличие в народном сознании доминирующих идей и представлений, выражающих само существо культуры народа, его «душу». Именно эти идеи и представления формируют, главным образом, облик национальных культур, их самобытность и индивидуальность, они определяют те характерные черты, которые отличают данную культуру от всех других культур.

Изучение истории России и отечественной культуры свидетельствует о том, что подобной идеей, принадлежащей к числу общечеловеческих ценностей и в то же время выражающей всю полноту исторического опыта народов России, идеей, вокруг которой сформировалось национальное самосознание и вся культура народа, является идея **миролюбия**.

Развитие этой идеи было обусловлено всей историей России. Народы нашей страны, жившие на протяжении длительного времени в непосредственном соседстве друг с другом и взаимодействовавшие в хозяйственной, политической и культурной сферах, не могли не осознать на глубинном уровне связь своей жизни с умением мирно уживаться с людьми других этносов, других религиозных и культурных укладов. Сформировавшись как ведущая идея российской культуры, идея миролюбия должна была найти способы передаваться от поколения к поколению, а, следовательно, и традиционная народная педагогика должна была сформировать механизмы передачи опыта межнационального и межконфессионального общения людей, способствовать формированию у них умения уживаться в неоднородном в национальном и религиозном отношении обществе.

В России, которая всегда была полиэтничным государственным образованием, традиция мирного сосуществования различных этносов и религиозных конфессий сформировалась ещё в древности. К возрождению этой традиции призвали лидеры различных религий нашей страны на состоявшейся в 1989 году встрече в Свято-Даниловом монастыре, посвящённой проблеме возрастания межнациональной напряжённости: «Нас объединяет общее признание понятий любви, братства, справедливости и мира высшими началами человеческих взаимоотношений и присущая последователям всех религий устремлённость к познанию смысла бытия человека. Осознание нами единства рода человеческого и по происхождению, и по

предназначению питает в нас чувство братской солидарности с другими людьми, ближними и дальними, углубляет сознание личной ответственности за их жизнь. Сознание того, мы верим, способно оградить межнациональные отношения от проявлений вражды и жестокости, пробудить стремление к взаимопониманию, общению и взаимопомощи всех народов».¹

Педагогическая проблема воспитания миролюбия у детей возникла, таким образом, как естественная потребность жизни народов России, которые должны были найти путь к взаимопониманию и мирной жизни. Эту педагогическую задачу и решает, прежде всего, народная педагогика, сформировавшая в течение столетий свои особые средства воспитательного воздействия на ребёнка. Педагогические ценности определены в многочисленных произведениях народного искусства, обычаях, обрядах, нравах, типичном поведении русских людей, что составляет существо этнопедагогической культуры общества. Поэтому обращение к традициям народной педагогики оказывается в данном случае оправданным не только с точки зрения развития педагогической мысли, но и с точки зрения насущных потребностей современной жизни.

Понятие миролюбия вернулось в современный культурный обиход, проделав большой исторический путь. Платон в древности определял его как «спокойствие перед лицом воинственной враждебности».² Это самое раннее из известных нам определений миролюбия. Согласно «Словарю русского языка 11-17 веков», в русской культуре на протяжении длительного времени «миролюбие» было широко употребительным в значении «восстановления мира, согласия, прекращения войны, заключения мирного договора».³ Совсем недавно оно считалось отжившим, включалось в некоторые словари русского языка с пометкой «архаичное».

В современной справочной и научной литературе «миролюбие» определяется как «стремление к миру, согласию»,⁴ «социально-психологическая позиция личности, имеющая целью установление максимально бесконфликтных отношений в обществе»,⁵ «стремление к

¹ Русская школа: Духовно-нравственные проблемы воспитания. – М.: Русское слово, 1996. – С. 9.

² Платон. Собр. Соч. в 4-х томах. Т.4. - М.: Мысль, 1994. - С. 618.

³ Словарь русского языка 11-17 веков. - М.: Наука, 1982.

⁴ Словарь русского языка: В 4-х томах. Т. 2. - М.: Русский язык, 1981.

⁵ Политология: энциклопедический словарь. - М.: Изд-во Моск. комм. ун-та, 1993.

сохранению мира, мирных отношений»,⁶ а «миролюбивый» определяется как «не склонный к вражде и ссорам, любящий мир, согласие».⁷ В «Словаре православной церковной культуры», составленном Г.Н. Складневской, «мир» определяется как «отсутствие войн, раздоров; покой, спокойствие, отсутствие страстей»,⁸ а «миротворец» - как «тот, кто восстанавливает мир, способствует миру, устраняет вражду».⁹ Е.П. Белозерцев в приложении к монографии «Образ и смысл русской школы» («Забытые, но нужные слова») восстанавливает смысл традиционных для русской речи слов «миротворец» и «мирствовать»: «миротворец, – пишет Е.П. Белозерцев, - тот, кто и сам не подает никаких поводов к раздору и несогласию, и других враждующих между собой примиряет и соглашает», а «мирствовать» – «жить мирно, располагать к миру».¹⁰

Осмысление понятия миролюбия предполагает необходимость глубокого понимания самого слова «мир», того образа, который это слово вызывало в сознании многих и многих поколений русских людей. Всесторонний анализ смыслового содержания этого слова даёт В.В. Колесов в своем исследовании по истории русского языка.¹¹ В контексте данной работы необходимо обратить внимание, прежде всего, на следующие аспекты: а) «мир» - древнейшее слово, что говорит о важности этого понятия для народного сознания; б) первоначальным значением этого многозначного ныне слова было «спокойствие», «согласие»; в) другие значения слова - мир как сообщество людей и мир как вселенная - «развились» (выражение автора) из этого исходного значения, то есть «мира» как «спокойствия» и «согласия». Характеризуя эти стороны понятия «мир», В.В. Колесов пишет: «Мир - древнейшее слово ... Корень в нём тот же, что и в слове «ми-лый», то есть любимый, чем-то особенно дорогой; он выражает приязнь и доброжелательство ... Следовательно, и мир - то, что мило, а милы прежде всего спокойствие, тишина, покой и согласие между людьми и племенами».¹² «Отсутствие мира - разногласие, конфликты, -

⁶ Словарь современного русского литературного языка. Т.6. - М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

⁷ Там же.

⁸ Складневская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб.: Наука, 2000. - С.138.

⁹ Там же, с.140.

¹⁰ Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы: Очерки прикладной философии образования. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 411.

¹¹ Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. (Серия «Филология и культура»). - СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. - С. 238-245.

¹² Там же, с. 238.

продолжает В.В. Колесов. - Мир как согласие и есть самое ценное свойство человеческих отношений. Подобных сочетаний очень много в древних текстах. Мир - всегда пожелание спокойствия, необходимого для мирных трудов».¹³

Понятие миролюбия связано с целым рядом философских и этических понятий. Однако в справочной литературе по философии и этике отсутствуют определения понятия миролюбия, хотя при этом даётся определение близкого к нему по концептуальному содержанию понятия милосердие. В частности, в академическом издании «Этика. Энциклопедический словарь» предлагается следующее определение «милосердия»: «Сострадательное, доброжелательное, заботливое, любовное отношение к другому человеку; противоположное милосердию – равнодушие, жестокосердие, злонамеренность, враждебность, насилие».¹⁴ Значение приведённого определения понятия милосердия в контексте настоящего исследования заключается в том, что оно позволяет уточнить место близкого ему понятия миролюбия в системе философско-этических понятий и представить и конкретизировать его смысл.

В предлагаемом вниманию читателя исследовании под «миролюбием» понимается характеристика индивидуального и коллективного сознания, которая заключается в стремлении к согласию, в стремлении избегать конфликтов либо разрешать их без использования насилия, принуждения, мести; «миролюбие» противостоит в этом смысле «вражде», «ссорам», «неприязни». Оказываясь одним из элементов «человеколюбия», миролюбие является и неотъемлемой частью всякого гуманистического мировоззрения. В качестве смысловых компонентов понятия миролюбия выступают терпимое, доброжелательное отношение к различным национальным, религиозным, социальным группам, стремление к нахождению компромиссов, сотрудничество в решении общих проблем, уважение к культурной самобытности и индивидуальности каждого народа и человека. Поскольку в исследовании идет речь о целенаправленном воспитании миролюбия, можно сказать, что оно продолжает ту философско-педагогическую традицию, которая предполагает возможность формирования в сознании человека в процессе воспитания определенных нравственных качеств, способностей и характеристик.

В течение длительного времени проблема воспитания миролюбия не рассматривалась в качестве научной проблемы. В.А. Ситаров и В.Г. Маралов справедливо пишут по этому поводу: «Это

¹³ Там же, с. 239.

¹⁴ Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гуссейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 262.

было связано с тем, что признание в качестве центрального понятия общественной жизни классовой борьбы практически исключало саму постановку вопроса, так классовая борьба есть проявление нетерпимости одного класса к другому, одной группы людей к другой, вплоть до нетерпимости одного человека к другому».¹⁵ Постановка вопроса о необходимости воспитания миролюбия как сознательно поставленной педагогической задаче должна означать, таким образом, возвращение к традиции, частично утерянной или забытой. Возможность подобного возвращения к традициям обусловлена тем, что в их основе всегда лежит «коллективная память» народа, воспроизводящая себя от поколения к поколению в нормах нравственного поведения, обрядах и обычаях, фольклоре и т.д. Заложенный в них смысл сохраняет своё значение для индивида в течение длительного исторического времени. Понятие традиции выражает момент преемственности и устойчивости бытия человеческой (и в частности, национальной) культуры, и во власти индивида или групп людей вернуться к традиции, возродить её.¹⁶ Особенно естественным выглядит возвращение к традициям, которые – как, например, традиция воспитания миролюбия в русской народной педагогике – сформировались ещё в глубокой древности и были зафиксированы в многочисленных памятниках фольклора, стали для народа естественными, а их требования – сами собой разумеющимися.

С другой стороны, и сами традиции – это «явление педагогическое, ведь в них заключена многовековая мудрость житейского опыта, многие приёмы, советы, рекомендации представляют интерес, благотворно влияют на личность».¹⁷ В этой связи становится понятным, почему именно педагоги часто оказываются заинтересованными в возрождении традиций: «Во все времена люди были озабочены тем, какими вырастут их дети, смогут ли успешно участвовать в производстве, достигнут ли мастерства, усвоят ли необходимые знания и умения».¹⁸ Итак, постановка вопроса о воспитании миролюбия как педагогической задаче, ставшей особенно актуальной в последние годы, означало возвращение к традициям культуры народов нашей страны. А формой культуры, на протяжении веков вбиравшей в себя лучшие традиции народов России в деле нравственного воспитания детей и молодёжи, является народная педагогика. Поэтому изучение проблемы воспитания миролюбия

¹⁵ Ситаров В.А., Маралов В.Г. Психология и педагогика ненасилия. - М.: Клуб «Реалисты», 1997. – С. 111.

¹⁶ Осетров Е.И. Живая Древняя Русь. – М.: Просвещение, 1984. – С. 15-30.

¹⁷ Там же, с. 22.

¹⁸ Там же.

естественно начинать с историко-педагогического исследования о предпосылках, условиях и средствах воспитания миролюбия, использовавшихся в народной педагогике. Однако подобное исследование не является лишь историческим по своей направленности, народная педагогика как *живая* традиция народной культуры способна оказываться современной в любую эпоху жизни народа. Её содержание может быть актуализировано, включено в новые педагогические и социально-культурные контексты, способно оказаться востребованным в современной ситуации. И особенно важно учитывать педагогический опыт народа в воспитании тех нравственных качеств, от которых зависело само его существование (миролюбие, несомненно, принадлежит к их числу); можно быть уверенным, что как раз в этом случае мудрость народной педагогики окажется полезной и «современной».

При кажущейся стихийности народного воспитания, в нем усматриваются продуктивные идеи, закономерности, принципы, создающие целостную систему народной педагогики. Основой этой системы является воспитывающая среда, которая воздействует на ребенка через определенные элементы культуры. Воспитание у каждого народа проходит в соответствии с особенностями национальной психологии и народной культуры. В.О. Ключевский говорит о «живом примере, наглядном образце»¹⁹ как главном инструменте древнерусской педагогики: «Ребёнок должен был воспитываться ... тою нравственной атмосферой, которою он дышал. Это было ... ежеминутное действие, посредством которого дитя впитывало в себя сведения, взгляды, чувства, привычки».²⁰

Рассматривая данную проблему, В.Д. Шадриков отмечает, что русского человека традиционно отличали такие нравственные качества, как сострадание, способность встать на точку зрения другого человека и понять его во всей полноте его переживаний, способность пережить чужую беду как свою, миролюбие, духовность, собранность, стремление к единению с другими людьми и т.д.²¹ По определению В.А. Николаева, эти качества «выступали в роли «защитного пояса» личности, обеспечивая ей полноценную, бесконфликтную жизнь, возможность сотрудничества с окружающими в социальной и экономической сфере».²² Названные качества личности характерны, конечно, для

¹⁹ Ключевский В.О. Два воспитания // Ключевский В.О. О нравственности и русской культуре. – М.: Институт российской истории РАН, 1998. – С. 118.

²⁰ Там же.

²¹ Шадриков В.Д. Происхождение человечности. - М.: Логос, 1999. – С. 133.

²² Николаев В.А. Этнопедагогическая подготовка учителя русской национальной школы. - М.: МПГУ, Орел: ОГУ, 1998. – С. 79.

большинства народов. Различия в их восприятии определяются системой ценностей национальной культуры, спецификой ментальности каждого народа. Народная педагогика у всех народов стремится выявить и развить положительные качества и смягчить действие обусловленных спецификой исторического развития негативных факторов.

Необходимость исследования проблемы воспитания детей в духе миролюбия на современном уровне развития педагогической науки очевидна. При этом предметом историко-педагогического рассмотрения становится, прежде всего, традиция воспитания миролюбия у детей, сформировавшаяся в народной педагогике. В решении этой задачи должна сыграть свою роль современная педагогическая наука. Она позволяет увидеть реальное противоречие между широкими возможностями средств народной педагогики и недостаточностью их использования в процессе воспитания миролюбия у детей. Самые актуальные потребности современной социально-педагогической ситуации побуждают нас задаться вопросом о том, как осуществлялось воспитание детей в духе миролюбия в традициях русской народной педагогики. Достижение этой цели требует охарактеризовать существующие в современной научной литературе подходы к изучению проблемы воспитания миролюбия, выявить и проанализировать исторические, социальные и культурные предпосылки становления и развития идеи миролюбия в отечественной культуре, проанализировать традиции, сложившиеся в народной культуре труда и праздника как социально-педагогическую среду воспитания миролюбия, рассмотреть традиционные народные игры и народную игрушку как факторы воспитания миролюбия у детей, выявить возможности использования фольклора в воспитании у детей миролюбия и уточнить его значение как фактора воспитательного воздействия в современном педагогическом процессе.

Теоретико-методологическими основаниями подобного исследования выступают основные принципы отечественной педагогики - принцип природосообразности, принцип культуросообразности, принцип личностного подхода. В ходе исследования учитывались положения о развитии личности в процессе освоения культурно-исторического опыта человечества, о единстве сознания и деятельности. В качестве важного методологического ориентира исследования выступал этнопедагогический подход, который акцентирует внимание на необходимости следования принципу народности воспитания.

Общенаучными принципами, используемыми в исследовании, являются принципы достоверности, объективности, диалектической взаимосвязи и взаимоперехода общего, особенного и единичного, связи

истории с современностью, системный подход к анализу явлений и фактов воспитания и образования. Важную роль в процессе осмысления методологических и теоретических оснований исследования сыграл анализ отечественного философско-теоретического наследия. Русские философы говорили не только о возможности, но и о необходимости учёта взаимосвязи и единства общечеловеческого и национального для понимания развития культуры отдельных народов и для постижения человеческой культуры как целого. Концептуальные положения отечественных философов, психологов и педагогов по вопросам народной культуры и народной педагогики позволяют систематизировать привлекаемый в работе эмпирический материал и осуществить его анализ с целью решения основных задач исследования. Важнейшую роль в проведении исследования способны сыграть теоретический анализ педагогической, исторической, этнографической, философской литературы; изучение архивных материалов и периодических изданий изучаемого периода, произведений устного народного творчества, сравнительно-сопоставительный анализ фактов, документов, взглядов.

В ходе работы использовались исследования крупнейших отечественных историков, философов, специалистов по истории народной культуры (Т.А. Бернштам, А.Я. Гуревич, В.М. Жирмунский, В.О. Ключевский, Д.С. Лихачёв, Н.О. Лосский, С.М. Соловьёв), историко-педагогическая литература, освещающая опыт воспитания детей в крестьянской семье (Е.В. Борисова, Г.С. Виноградов, Г.Н. Волков, М.М. Громько, Д.И. Латышина, А.Ф. Некрылова, В.А. Николаев, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский, И.И. Шангина), а также архивные материалы Российского государственного музея этнографии (Рукописный отдел). Важными источниками явились также журналы «Живая старина», «Этнографическое обозрение» и другие периодические издания, недостаточно используемые современными авторами в процессе исследования народной педагогики.

В процессе работы использовались современные, наиболее полные, издания произведений народной культуры, при этом привлекались главным образом традиционные источники.²³ Это

²³ Библиотека русского фольклора. Т. 1. Былины / Сост. М.Ф. Селиванова. - М.: Советская Россия, 1988 (576 с.); Т. 2. Сказки, кн. 1 / Сост. Ю.Г. Круглов. - М.: Советская Россия, 1988 (544 с.); Т. 2. Сказки, кн. 2 / Сост. Ю.Г. Круглов. - М.: Советская Россия, 1989 (576 с.); Т. 2. Сказки, кн. 3 / Сост. Ю.Г. Круглов. - М.: Советская Россия, 1989 (624 с.). Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. – Вып. 1: Младенчество. Детство / Сост. В.П. Аникин. - М.: Художественная литература, 1991 (589 с.); Вып. 2: Детство. Отрочество / Сост. В.П. Аникин. - М.: Художественная литература, 1994 (525 с.); Вып. 3:

обусловлено тем, что при сегодняшнем высоком уровне развития гуманитарных наук в процессе историко-педагогического исследования просто нет необходимости вводить в научный оборот новые, не изученные прежде, источники. С точки зрения предлагаемого исследования, новизна источника не играет принципиальной роли; скорее даже наоборот, наиболее важными оказываются те памятники культуры, которые были широко известны в народе и активно использовались в народной педагогике. Следует также подчеркнуть, что в качестве предмета исследования в предлагаемой диссертации выступает, прежде всего, нравственная сфера, которая сходным образом отражается во многих памятниках духовной культуры, - вопрос заключается часто лишь в интерпретации источника, в отсеивании чуждых влияний, в отыскании общих для группы источников черт, выявляющих соответствующие ценности и, в качестве системы ценностей, - нравственный идеал.

В историко-педагогическом исследовании важным является определение хронологических границ, в которых рассматривается избранное в качестве предмета анализа явление культуры. Миролюбие как черта народного характера формируется в русском народе и у других народов России издревле, поэтому «нижнюю» границу в нашем случае указать было бы вряд ли возможно. Например, многие виды фольклора, которые до наших дней используются в педагогической практике, возникли в глубокой древности, однако, с другой стороны, они и вполне «современны» - они живут и в современной культуре как эстетический феномен, как элемент нравственного сознания народа, как используемый в педагогике фактор воздействия на ребёнка с целью формирования у него определённых нравственных качеств.

Иначе обстоит дело с определением «верхней» границы того периода истории культуры, факты которого принимаются как значимые в настоящем исследовании. История России в XX веке складывалась драматически и даже трагически; революции, мировые войны, в которые была втянута наша страна, социальные преобразования, иногда принимавшие, к сожалению, форму плохо продуманных экспериментов над социальными и национальными группами, нанесли огромный ущерб традиционной культуре народов России. Но традиционная культура в результате этих драматических преобразований не погибла, о чём свидетельствует живой интерес к историческим и культурным истокам, пробуждающийся в последние десятилетия. Однако нельзя не принимать во внимание того, что та власть, которой традиционная

культура обладала над человеком в прежние столетия, в XX веке была разрушена.

Поэтому в предлагаемой монографии представлены, главным образом, те материалы истории российской культуры, которые относятся к дореволюционному периоду. Таким образом, хронологическим периодом, который принимается в исследовании как значимый для изучения проблемы воспитания миролюбия средствами народной педагогики, является история Руси и России до начала XX века. Однако историка, в том числе, и историка культуры, всегда интересует не просто прошлое, но то прошлое, которое живет в настоящем, которое продолжает оставаться фактором развития современного общества и культуры. И сегодня невозможно сомневаться в том, что традиция воспитания миролюбия, сложившаяся в отечественной педагогике и народной традиции воспитания, жива. Более того, интересы народов России требуют, чтобы она была восстановлена и дополнена новым историческим и культурным опытом.

Часть вторая.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ МИРОЛЮБИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ

Становление народной педагогики происходило в течение длительного исторического времени, оно инициировалось и поддерживалось многообразными социально-историческими и культурными факторами; его результатом стало обобщение многообразного опыта народа в воспитании и обучении детей.

Важнейшей составной частью нравственного воспитания на протяжении столетий являлось в народной педагогике воспитание миролюбия.

Традиция народной педагогики имеет в нашей стране длительную и богатую историю. Хотя в далеком прошлом и не создавались специальные педагогические трактаты, но педагогические по своей сути идеи, цели воспитания, воспитательные идеалы были представлены уже в древнерусских литературно-педагогических памятниках различных жанров, устных проповедях, церковной и бытовой практике.²⁴

На определенном этапе развития культуры сама традиция народной педагогики становится объектом исследовательского интереса. В истории русской культуры осмысление народной педагогики начинается в работах и практической деятельности К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого.

Основоположником русской народной педагогики справедливо считают К.Д. Ушинского.²⁵ Возникновение желания изучать народную педагогику у К.Д. Ушинского было обусловлено вовсе не стремлением замкнуться в русской народной культуре, а, напротив, оказалось следствием его широких и разносторонних культурных интересов. Изучив педагогическую теорию и практику в разных государствах, он пришел к выводу, что у каждого народа имеется своя идея воспитания, в основе которой лежит «особенная идея о человеке, о том, каков должен быть человек по понятиям народа в известный период народного развития».²⁶ Центральной идеей всей педагогической системы К.Д. Ушинского является идея народности, органически сочетающаяся с принципами миролюбия и гуманности. Считая народность важнейшим условием успешного воспитания, он призывает сознательно опираться на народную педагогику. Воспитание, созданное самим народом, имеет, в представлении Ушинского, особую воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у других народов.²⁷

Использование народной педагогики в общественном и семейном воспитании укрепляет и развивает в человеке народность, народное самосознание, народный характер и «оказывает сильное и

²⁴ См.: Черник Т.В. Идеи и традиции русской педагогики в воспитании культуры отношений современных дошкольников. Дис. ... канд. пед. н. – М., 1996.

²⁵ См.: К.Д. Ушинский и русская школа: Беседы о великом педагоге. Под общ. Редакцией Е.П. Белозерцева. - М.: Роман-Газета, 1994.

²⁶ Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.1. – М.: Педагогика, 1988. - С. 228.

²⁷ См.: там же, с. 253.

благотворное влияние на развитие общества, его языка, его литературы, его законов, словом, на всю его историю».²⁸

В статье «О нравственном элементе в русском воспитании» К.Д. Ушинский говорит о целесообразности различных средств народной педагогики в общественном воспитании. Глубину и сердечность отношений, которые существуют между мужем и женой, родителями и детьми во всякой порядочной семье, К.Д. Ушинский считает эффективным средством народной педагогической культуры, благотворно влияющим на духовное развитие ребёнка.²⁹

Важнейшим средством народного воспитания, по убеждению К.Д. Ушинского, является вся народная культура как единое целое. Все элементы народной культуры - язык, сказки, духовная и литературная традиции, - оказывают влияние на формирование базовых качеств личности и свойств национального характера. Но особое место в воспитании он отводит всё же родному языку как части народной культуры. Именно родная речь, по мнению К.Д. Ушинского, оказывает наиболее сильное духовное влияние на развитие ребёнка: «Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выразались в слове. Каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа. Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства передавать наши мысли и чувства. От всей жизни народа это единственный живой остаток на земле, и мы – наследники этих живых богатств, в которых сложились все результаты духовной жизни народа».³⁰

Язык народа, полагает К.Д. Ушинский, является наиболее полным отражением Родины, «знакомит с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живёт, с его историей и его стремлениями ... вводит в народные верования, в народную поэзию, он, наконец, даёт такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребёнку ни один философ».³¹

Рассмотрение устного народного творчества способствует проникновению в самую суть народного воспитания: «В сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования,

²⁸ Там же, с. 254.

²⁹ См.: Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.2. – М.: Педагогика, 1988. С. 27-57.

³⁰ Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.4. – М.: Педагогика, 1989. С. 15-16.

³¹ Ушинский К.Д. Родное слово // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.2. – М.: Педагогика, 1988. - С. 110.

воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, - словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове». ³² Например, отмечая педагогическое значение сказок, он писал: «Это - первые и блестящие попытки русской народной педагогики, и я не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии состязаться в этом случае с педагогическим гением народа». ³³ Столь же высоко оценивалось К.Д. Ушинским и педагогическое значение былин, пословиц, поговорок, в которых отражён народный идеал человека, «определяемый общественной жизнью, развивающейся вместе с её развитием». ³⁴

Верный идее народности, К.Д. Ушинский обогащает содержание «Детского мира» и «Родного слова» фольклорными произведениями. ³⁵ Устное народное творчество, по мнению К.Д. Ушинского, ценно тем, что оно вводит детей в гущу духовной жизни народа и воспитывает важнейшие, согласно народным представлениям, нравственные качества. Много места в книгах отводится сказкам, былинам, загадкам, пословицам, живым проявлениям родного слова. К.Д. Ушинский считает, что в пословицах нашла своё отражение система нравственных понятий, требований, суждений целого ряда поколений. «В них отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, общественная жизнь, его потребности, привычки, его взгляды на природу, на людей, на значение всех явлений жизни». ³⁶

Он выступал против включения в учебники искусственных нравоучений, против употребления слов, которые не выражают и не возбуждают ярких чувств. Материал учебников должен активизировать мысль и воображение, способствовать формированию нравственных чувств детей. Язык учебника, стиль изложения должны быть простыми, ясными, доступными. К.Д. Ушинский указывал, что бездоказательные утверждения, морализирование, повторяющиеся постоянно глубокомысленные рассуждения не влияют на душу ребёнка. Только те литературные произведения и учебники могут считаться значимыми для нравственного воспитания, которые заставляют ребёнка искренне полюбить нравственные поступки, проникнуться нравственным

³² Там же.

³³ Ушинский К.Д. Родное слово, книга для учащихся: советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику «Родное слово» // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.4. – М.: Педагогика, 1989. - С. 64.

³⁴ Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании. - С. 228. -Здесь и далее при повторной ссылке на источник указываются только автор и название работы, если в монографии цитируется только одно произведение автора, его название не приводится.

³⁵ Ушинский К.Д. Детский мир // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.3. – М.: Педагогика, 1989. – С. 146.

³⁶ Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка. - С. 13.

чувством и нравственной мыслью. «Сухая сентенция несколько не поможет делу, но, напротив, только повредит ему».³⁷

К.Д. Ушинский пристально изучает системы воспитания разных народов, даёт их конкретные характеристики, но не останавливается на этом и выделяет также и общую основу реального многообразия народных воспитательных систем. Такой единой основой является, по его мнению, идеал человека, принятый в данном народе: «В основании особенной идеи воспитания у каждого народа лежит, конечно, особенная идея о человеке. Каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Идеал этот у каждого народа соответствует его характеру, определяется его общественной жизнью, развивается вместе с его развитием, и выяснение его составляет главнейшую задачу каждой народной литературы».³⁸ К.Д. Ушинский считает необходимым объединить в воспитательной теории всё, что было накоплено за тысячелетия человеческой истории. В деле нравственного воспитания преемственность, опора на глубину и величие мысли наших предков играет самую существенную роль. «Словом, во всех областях воспитания мы стоим только при начале великого искусства, тогда как факты науки указывают на возможность для него самой блестящей будущности, и можно надеяться, что человечество, наконец, устанет гнаться за внешними удобствами жизни и начнёт создавать гораздо прочнейшие удобства в самом человеке, убедившись не на словах только, а на деле, что главные источники нашего счастья и величия не в вещах и порядках, нас окружающих, а в нас самих».³⁹

Нравственность опирается, по мнению К.Д. Ушинского, не на схемы «из области должного», а на реальные человеческие отношения между людьми. Выделяет он и положительные нравственные черты в русском воспитании. Основной чертой славянской семьи, по мысли Ушинского, является «та особенная теплота, задушевность, сердечность отношений, не допускающая мысли об эгоистической отдельности одного лица от другого».⁴⁰

В фундаментальной работе «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» педагог выдвинул идею поэтапного возрастного развития мировоззрения детей в процессе овладения знаниями, наукой, трудом. К.Д. Ушинский подчеркивал, что

³⁷ Там же, с. 19.

³⁸ Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании. - С. 228.

³⁹ Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.5. – М.: Педагогика, 1990. – С. 25.

⁴⁰ Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании. - С. 50.

внутренняя духовная сила труда служит источником человеческого достоинства, нравственности и счастья. Поэтому в план содержания образования должны быть включены, по его мнению, прежде всего такие занятия, которые помогут воспитаннику найти труд, соответствующий его наклонностям и развить в человеке привычку и любовь к труду.

Являясь ярким представителем национального направления педагогической мысли России, К.Д. Ушинский выделяет характерную черту русского народа - чувство товарищества, дружбы, которое глубоко коренится в «славянской природе». Важно заботиться о формировании этого качества, развивая нравственность гражданскую, государственную и общечеловеческую.

Работы великого русского педагога в области народного воспитания носят во многом методологическую направленность. Им было установлено, что цель воспитания определяют качества национального характера. Содержанием воспитания выступает «народность», то есть идеи, способы, приёмы народной педагогики. Средством воспитания в народной школе, по его мнению, должны быть родная культура и, прежде всего, родной язык.⁴¹

Следует заметить, что основной целью всех учебных книг К.Д. Ушинского является всестороннее духовное развитие ребёнка посредством родного слова. Принцип народности в педагогике определил основное содержание, идейную и художественную направленность произведений К.Д. Ушинского. «Детский мир» и «Родное слово» основаны на высших эстетических ценностях и идеалах - идеалах истины, добра и красоты. Применительно к народной жизни, картины которой показаны на страницах книг, эти идеалы приобретают русское народное звучание. Таковы, например, ценности земледельческого труда и крестьянского восприятия природы, крестьянского быта, семейственности и православной веры. Это и основные нравственно-этические качества русского человека - глубокая сила чувств и эмоций, гуманизм, милосердие, миролюбие, религиозность, совесть, сострадание, терпимость. К воспитанию этих качеств у своих учеников и читателей и стремился К.Д. Ушинский.

Проблемы нравственного воспитания находились и в центре внимания Л.Н. Толстого. В его мировоззрении педагогическое учение и практическая работа по обучению детей оказались тесно связанными с основными мотивами его религиозно-нравственных исканий, центральное место в которых занимал поиск условий разрешения социальных, психологических и нравственно-этических конфликтов в

⁴¹ См.: К.Д. Ушинский и русская школа. Беседы о великом педагоге. – С. 49-71.

отношениях между людьми.⁴² Ориентиром для этих поисков на протяжении всей творческой жизни Л.Н.Толстого был комплекс идей и установок, близких по своему содержанию к анализируемому в нашей работе понятию миролюбия.

В конце жизни Л.Н. Толстой приходит к так называемой теории «непротivления злу силою», в которой соединяются стремление человека и мыслителя найти новый, более гуманный, образ межчеловеческих отношений и неспособность решить эту задачу в условиях современной ему социальной жизни. Наиболее обстоятельный анализ этой проблемы с точки зрения задач развития педагогической теории даётся в работе В.А. Ситарова и В.Г. Маралова «Психология и педагогика ненасилия».⁴³ В данном исследовании раскрывается то содержание мировоззрения Л.Н. Толстого, которое прямо соотносится с понятием миролюбия, и показывается педагогическое значение учения великого русского мыслителя-гуманиста. Характеризуя возникшую перед Л.Н. Толстым проблемную ситуацию, В.А. Ситаров и В.Г. Маралов пишут, что Л.Н. Толстой выступает с резкой критикой любых форм насилия, показывая его нравственную и духовную несостоятельность. «В то же время, - замечают авторы, - закономерно возникает вопрос, если насилие - это реальность жизни, как же поступать человеку, по отношению к которому применено насилие? Вот здесь-то в полной мере и разворачивается идея непротivления злу насилием. Толстой считает, что нельзя отвечать злом на зло, это не убивает последнее, а возрождает его тысячекратно. В то же время непротivление не есть равнодушное принятие зла, пособничество ему, но, напротив, плодотворное средство противоборства злumu. Суть непротivления состоит в том, чтобы бороться со злом в человеке и любить одновременно в нём человеческое, бороться со злом в самом себе, ненавидя в себе злое и любя одновременно в себе всеобщее духовное начало».⁴⁴ Чтобы быть способным к непротivлению, человек должен научиться смирению, научиться преодолевать в себе гордость, стремление быть выше и лучше других людей. Смирение у Толстого, таким образом, оказывается тесно связанным с разумностью человека, с проявлением гибкости как особой духовной силы. «Быть разумным, то есть способным выбирать ненасилие, - означает приобрести силу и гибкость одновременно».⁴⁵ В.А. Ситаров и В.Г. Маралов вскрывают

⁴² См.: Кудрявая Н.В. Лев Толстой о смысле жизни. Образ духовного и нравственного человека в педагогике Л.Н. Толстого. - М.: РИО ПФ «Красный пролетарий», 1993.

⁴³ См.: Ситаров В.А., Маралов В.Г. Цит. соч., с. 39-43.

⁴⁴ Там же, с. 40.

⁴⁵ Там же, с. 41.

миролюбивую основу этики и психологии Л.Н. Толстого, показывают, насколько важной являлась эта идея для всего мировоззрения русского писателя и мыслителя.

Эта страстная проповедь ненасилия у Л.Н. Толстого, утверждавшая в качестве нормы межчеловеческих отношений «непротивление» как крайнюю форму проявления миролюбия, призывавшая человека к естественности, возвращавшая его к утраченным идеалам нравственной жизни, влилась в его практическую педагогическую деятельность, продолжившую лучшие традиции народной педагогики. Достойны внимания, прежде всего, те элементы педагогического мировоззрения Толстого, которые были ближе всего к народной педагогике и оказали влияние на её дальнейшее развитие.

По мнению Л.Н. Толстого, важнейшим элементом народной педагогики является труд. Приобщение к труду начиналось с игры, серьёзное отношение к которой стимулировало взрослых изготавливать игрушки, имитирующие орудия труда. Когда ребёнок становился старше, ему, как и другим членам семьи, давалось посильное задание в общем деле.

Чтобы стать крепким хозяином, русский крестьянин должен был овладеть большим объемом знаний и навыков, поэтому ему приходилось учиться в течение всей жизни. Понимая психологию ребёнка, осознавая невозможность обучить всему быстро, детям преподавали знания и умения лишь по мере необходимости. Л.Н. Толстой обобщил эту мысль, ставшую открытием народной педагогики, до фундаментального принципа гуманистического обучения: «Всякое учение должно быть только ответом на вопрос, возбужденный жизнью».⁴⁶

Важным фактором духовного становления человека Л.Н. Толстой считал **природу**, в которой, по его мнению, человек как бы сливается с окружающим миром, забывает о своей индивидуальности и отказывается от любви к себе, оказываясь в высшей степени способным к нравственному совершенствованию.

Великий гуманист не только обобщал идеи народной педагогики, но и стремился реализовать их на практике. Уроки в Яснополянской школе больше походили на семейное обучение крестьянских детей. Л.Н. Толстой стремился организовать обучение в соответствии с традициями народной педагогики, в которой усвоение знаний, формирование навыков, развитие психических процессов происходит в естественной для ребёнка обстановке посредством усвоения примера взрослых, восприятия норм быта, нравов семьи и

⁴⁶ Толстой Л.Н. О народном образовании // Педагогические сочинения. - М.: Педагогика, 1989. - С. 61.

общины, посредством народного искусства. И так, в лице Л.Н. Толстого народная педагогика обрела своего последователя и продолжателя, вместе с тем в педагогическом творчестве Л.Н. Толстого начинается и систематическое осмысление самой традиции народной педагогики.

Деятельность Л.Н. Толстого и К.Д. Ушинского представляет собой первый опыт художественно-образного постижения традиций народной педагогики и перенесения её достижений в практику школьного преподавания. Л.Н. Толстой и К.Д. Ушинский оказали существенное влияние на отечественных педагогов последующих десятилетий, которые осознавали значимость народной педагогики и стремились использовать художественное слово, образы народного искусства в процессе обучения и нравственного воспитания, существенным элементом которого является и воспитание у детей миролюбия.

Идея народности воспитания, провозглашенная К.Д. Ушинским и Л.Н. Толстым, была воспринята и продолжена в трудах деятелей народного просвещения П.Ф. Каптерева, В.И. Водовозова, П.П. Блонского, которые указывали на необходимость развития русской национальной школы, изучение опыта народной педагогики. Они отмечали, что гуманной личности свойственны доброта, сердечность, миролюбие, милосердие, терпение, причем миролюбие рассматривалось в качестве средства, воспитывающего способность воспринимать бытие другого человека, в качестве душевной способности, в основе которой лежит любовь к людям.

Уделяя значительное внимание изучению опыта народного воспитания, П.Ф. Каптерев выделил три этапа развития национального педагогического сознания: церковный, государственный, общественный. Содержательным наполнением последнего является народная педагогика. В качестве основных средств народного воспитания он выделяет природу, социальные условия, культуру, религию, быт, нравственность народа.

П.Ф. Каптерев развивает и дополняет идею создания национальной школы. В его педагогическом наследии общечеловеческие и национальные идеи оказываются в тесной взаимосвязи: формирование общечеловеческих идеалов, по мнению педагога, возможно только в национальной среде при помощи национальной школы. У каждого народа своё представление о педагогическом идеале, которое определяется историей народа, его религией, языком, народным бытом - всем тем, что является составляющими национального сознания.

В определении национального идеала образования П.Ф. Каптерев исходил из осмысления специфического миропонимания народа, а не отдельной личности или социальной группы, подчеркивая,

что «национальный идеал есть выражение стремлений народного духа, а не интересов того или другого класса общества».⁴⁷ О степени культурного развития народа можно судить по его отношению к национальным и общечеловеческим ценностям, и П.Ф. Каптерев диалектически решает проблему их взаимосвязи. Он рассматривает национальность как неизбежную ограниченность и, вместе с тем, как живительную, значительную силу для развития всего человечества, «как источник жизни, колорита, разнообразия, оттенков в общечеловеческой и народной деятельности».⁴⁸

Интерес к использованию традиций народной педагогики в педагогической деятельности стимулировал начало активной работы по собиранию и систематизации произведений фольклора, описанию практики народного воспитания. Тем самым создавалась эмпирическая база для последующего развития народной педагогики. С середины XIX века народная педагогика становится предметом изучения этнографов, историков, педагогов. Е.А. Покровским была разработана классификация народных игр для детей разного возраста.⁴⁹ Исследование игровой деятельности позволило ему установить, что игра есть действие, совершающееся без предвзятой цели, в силу одних только внутренних физиологических потребностей.⁵⁰ В своей работе Е.А. Покровский касается национальной специфики игры. «Характер народа бесспорно кладёт свой заметный отпечаток на весьма многих проявлениях общественной и частной жизни людей. Этот характер, между прочим, сказывается и на детских играх».⁵¹ Е.А. Покровский обращает внимание на то, что игры русских крестьянских детей нередко представляют собой подражание занятиям взрослых. Анализируя особенности игр русских детей на фоне игр других народов, он подчёркивает их исключительно миролюбивый, общинно-трудовой смысл и предназначение.

Е.А. Покровский обстоятельно рассматривал вопрос о комплексности воздействия народных игр на ребёнка. Они обеспечивают: а) физическое развитие (ловкость, сила, выносливость); б) нравственное воспитание (формирование общечеловеческих ценностей, системы нравственных оценок, культуры общения, национальных особенностей характера); в) умственное развитие (память, находчивость, наблюдательность, логичность речи); г)

⁴⁷ Каптерев П.Ф. Педагогический процесс // Каптерев П.Ф. Избр. пед. соч. - М.: Педагогика, 1982. - С. 232.

⁴⁸ Там же, с. 193.

⁴⁹ См.: Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. - СПб., 1895.

⁵⁰ См.: Там же, с. 2.

⁵¹ Там же, с. 18.

овладение практическими навыками; д) развитие творчества (ролевые игры, имитация реальных объектов).

Исследователи и собиратели фольклора первой половины XX века А.Н. Афанасьев, П.А. Бессонова, П.В. Штейн, Н.Д. Бартрам, Е.А. Покровский, Г.С. Виноградов, И.П. Сенигов, А.И. Желобовский собрали обширный эмпирический материал, ставший основой для всех последующих работ по изучению русской народной культуры. В частности, И.П. Сенигов изучал роль пословиц, былин и других жанров в воспитании и умственном развитии русских людей. Подробное изучение былин привело И.П. Сенигова к выводу, что нравственное воспитание народ ставил выше учения. Одно лишь обучение не развивает в необходимой мере силу воли, не формирует характер, не вырабатывает сочувствие к хорошему и отвращение к дурному. Автор приводит в пример новгородского богатыря Василия Буслаева, которого заботливая мать начала учить с семилетнего возраста, мало уделяя при этом внимания его нравственному воспитанию. И в зрелые годы он, несмотря на учёность, предавался вместе с товарищами порочным развлечениям.⁵²

Вместе с тем автора восхищает образец нравственности, который представляет собой любимый богатырь русского народа Илья Муромец. В его облике воплощён идеал русского человека, лучшие черты русского национального характера. Он готов служить людям, он бескорыстен, великодушен, незлобив, мягкосердечен. Твёрдая воля помогает ему подавлять в себе дурные наклонности. Ни чары прекрасной королевы, ни сокровища, - ничто не могло соблазнить его и совратить с пути правды и истины, заставить забыть основную цель своей жизни - служение людям, заботу о пользе народа и киевского князя.⁵³

Известный собиратель и исследователь русской народной игрушки Н.Д. Бартрам считал, что игрушка как часть материальной и духовной культуры народа оказывает существенное воспитательно-развивающее влияние на ребёнка. «Единственный учитель, которого можно пожелать для ребёнка на заре развития его творческих сил, - это душа родного ему народа».⁵⁴ Игрушка, созданная народом, опирается на родную и близкую ему природу, тип людей, краски и, благодаря своим традициям, характеризует страну и взгляды определенного этноса. Она объективно и является той «душой родного ему народа», которая

⁵² См.: Сенигов И.П. Народное воззрение на учение и воспитание. - СПб., 1896. - С. 11.

⁵³ См.: Там же, с. 13.

⁵⁴ Бартрам Н.Д. Игрушка, её историческое значение. - М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1912. - С. 171.

способствует формированию у детей этнической идентичности и отвечает потребностям ребёнка в активной и разнообразной деятельности.

Первое послереволюционное десятилетие было периодом признания на государственном уровне приоритетного значения народной педагогики в нравственном воспитании детей. В эти годы публикуются основные работы Г.С. Виноградова,⁵⁵ О.И. Капицы,⁵⁶ Л.Г. Оршанского⁵⁷ и др. Начиная с 30-х годов XX века, со времени коллективизации и связанного с ней разгрома традиционной (патриархальной) крестьянской культуры, богатые традиции народного воспитания оказались забытыми на долгие годы. Они не были в достаточной мере востребованы ни педагогической наукой, ни практикой воспитательной деятельности.

Несмотря на драматичную судьбу традиционной народной педагогики, она сохраняется в народной памяти, фольклор продолжает оставаться предметом исследования учёных различных областей науки - этнографии, филологии, искусствоведения, а несколько позднее - и фольклористики, лингвистики, культурологи.⁵⁸

Вместе с формированием эмпирического уровня изучения народной педагогики происходит постепенное становление и философско-теоретического подхода к изучению практики народной педагогики. Изучение русской культуры, постижение её специфики необходимо для разработки целостного видения народной педагогики. Осмыслению традиции воспитания миролюбия, сложившейся в народной педагогике, много сил отдали крупнейшие русские мыслители - В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский.

В отечественной философской традиции принцип народности в педагогике впервые стал предметом рассмотрения у В.С. Соловьева.

⁵⁵ См.: Виноградов Г.С. Народная педагогика (Отрывки и наброски). – Иркутск: Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества, 1926; Детский русский фольклор. – М., 1928; Русский детский фольклор. Кн.1. - Иркутск, 1930.

⁵⁶ См.: Капица О.И. Живая вода (Сб. материалов для рассказывания детям младшего возраста). - М.-СПб.: Гос. изд-во, 1923; Детский фольклор. Изучение. Собрание. Обзор материала. – Л., 1928.

⁵⁷ См.: Оршанский Л.Г. Игрушки. Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. - М.-СПб.: Гос. изд-во, 1923.

⁵⁸ См.: Гусев В.Е. Проблема фольклора в истории эстетики. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963; Давлетов К.С. Фольклор как вид искусства. - М.: Наука, 1966; Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. Учебное пособие для вузов. - М.: Высшая школа, 1989; Пропп В.Я. Русский героический эпос. – Л.: ЛГУ, 1955; Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избр. статьи. - М.: Наука, 1976, и др.

В.А. Николаев так характеризует анализ принципа народности, предпринятый русским философом: «Он выделил ряд продуктивных идей, касающихся народности: а) народность есть самый важный фактор «природочеловеческой» жизни, и развитие национального самосознания есть великий успех в истории человечества; б) русский народ обладает великими стихийными силами и богатыми задатками народного развития; в) национальная самобытность России, истинный дух русской народности, определенные высшими нравственными началами, выразились в устном народном творчестве, в обстоятельствах, сопровождающих возникновение русского государства».⁵⁹

Н.О. Лосский в своей книге «Характер русского народа» рассматривает национальный характер русских как некое объективное явление.⁶⁰ Это обстоятельство нельзя признать случайным на фоне всего творческого наследия Н.О. Лосского, ведь он развивает укоренённую в русской философии мысль о стремлении русского народа к осуществлению добра, приближению Царства Небесного к земной, привычной человеку реальности. Высокий духовно-нравственный идеал служит неким «эталоном», который оказывает влияние «сверху» на формирование национального характера. Противоречивость русского характера - лишь его поверхностный слой. Стремление к идеалу способствует снятию противоречия, достижению внутренней нравственно-психологической гармонии. Но «если же русский усомнится в абсолютном идеале, то он может прийти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему; он способен прийти от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта».⁶¹

Особенностью подхода к рассмотрению характера русского народа у Н.О. Лосского является введённое им понятие первичности и вторичности полярных качеств. Отрицательные качества народной души, по его мнению, не обладают самостоятельной природой, а представляют собой результат превращения положительных качеств. В данном случае он, несомненно, опирается на христианский тезис, согласно которому зло не обладает самостоятельным бытием, представляя собой лишь недостаток добра. Не случайно поэтому из приведённых примеров противоречивости русского характера видно, что порочные явления души трансформируются в добродетельные качества, вторичные вытесняются первичными, зло - добром.

⁵⁹ Николаев В.А. Этнопедагогическая подготовка учителя русской национальной школы. – С. 68.

⁶⁰ Лосский Н.О. Характер русского народа. - М.: Мысль, 1990.

⁶¹ Там же, с. 243-244.

Миролюбие как существеннейшая черта русского самосознания не могло не найти отражения и в русской литературе, в частности, на протяжении всего творчества оно притягивало к себе внимание Ф.М. Достоевского. С наибольшей полнотой эта мысль о миролюбии русского народа выражена им в знаменитой «Речи о Пушкине» в 1880 году. В «Объяснительном слове» к этой речи великий писатель в частности сказал: «Я и не пытаюсь ровнять русский народ с народами западными в сферах экономической славы или научной. Я просто только говорю, что гений народа русского, может быть, наиболее способен из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения. Это нравственная черта, и может ли кто отрицать или спорить, что её нет в народе русском?».⁶²

Отечественная традиция исследования темы русского национального самосознания особенно ярко представлена в русской философии в трудах Н.А. Бердяева. Он часто даёт не просто описание, но панорамное видение народного духа, нашедшего воплощение в русской истории, философии, искусстве, православной религии, нравственности. Итогом многолетних исследований в этой области явилась его работа «Русская идея».⁶³ Н.А. Бердяев, так же как и Н.О. Лосский, много пишет о противоречивости русской души. Эта тема разворачивается у Н.А. Бердяева в свойственной ему манере широких исторических и теоретических обобщений, парадоксальных сопоставлений и параллелей, философско-психологических описаний типов русского характера. К числу задач настоящей работы не принадлежит, разумеется, подробный анализ концепции русской идеи у Н.А. Бердяева. Подчеркнём лишь, что основу исторической миссии России в качестве гармонизирующей, миролюбивой державы, играющей видную роль в историческом созидании человечества, мыслитель видел в православии.

Этот миролюбивый дух, убежден Н.А. Бердяев, возник в лоне особого восприятия русскими христианства. Он вошёл в отечественную культуру через сформировавшуюся в течение длительного времени способность к религиозно-аскетическому отношению к миру, выстраданную русскими за долгие годы драматичной истории России. Усвоение божественных истин было не рассудочным, а основывалось на глубокой вере и характеризовалось неподдельной искренностью. В православии преобладала «аскетическая отрешённость» (Бердяев), что сказалось на обостренном чувстве справедливости, устремлённости к

⁶² Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Достоевский Ф.М. Собр. Соч. в 30-ти томах. Т. 26. – Л.: Наука, 1984. – С. 131.

⁶³ См.: Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии, 1990. №1. – С. 36-52.

Небесному Царству, ориентации на эсхатологические проблемы христианства. Внешне своеобразная отрешенность «от мира сего» выразилась в русском характере в стремлении к добру, свету, миролюбию. В итоге, отмечает Н.А. Бердяев, был выработан «тип русского человека с его недовольством этим миром, с его душевной мягкостью, с его нелюбовью к могуществу этого мира, с его устремленностью к миру иному, к концу, к Царству Божьему. Русская народная душа воспитывалась не столько проповедями и доктринальным обучением, сколько литургически и традицией христианского милосердия, проникшей в самую глубину душевной структуры. Русские думали, что Россия - страна особенная, с особым призванием. Но главным была не сама Россия, а то, что Россия несёт миру, прежде всего - братство людей и свободу духа».⁶⁴

Сторонник традиционных духовных ценностей И.А. Ильин, размышляя о русской национальной идее, писал: «Русская идея есть идея сердца. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности».⁶⁵ Изучая концепцию И.А. Ильина, можно убедиться в том, что именно универсальное, всеобъемлющее понятие любви, имеющее глубоко религиозное содержание, объясняет специфику русской культуры и её отличие от духовно-творческих способностей других народов. Возвращаясь к осмыслению «русской идеи», В.Ю. Троицкий пишет, что в неё входит, прежде всего, идея «отечественного единения и согласия, гармония народного бытия («мир», «лад»)».⁶⁶

Подчеркнём ещё раз, что по глубокому и почти единодушному убеждению русских философов, самобытность русской культуры - это не плод воображения, не желание выделиться на фоне и за счет других народов. Эта самобытность имеет реальные предпосылки - этнические, исторические, религиозные, культурные. И.А. Ильин, завершая в определённом смысле работу русских религиозных мыслителей XIX - начала XX века по формулированию и осмыслению русской идеи, переводит основополагающую для всего древнерусского сознания идею любви в логический, дискурсивный план. И, сознательно делая это, он сам же предупреждает, что излишнее теоретизирование («умствование», по выражению древнерусских авторов) в вопросах религиозной веры, совести, созерцания способно лишь ослабить непосредственное переживание святости, умалить роль сердца в духовном постижении истины, добра и красоты.

⁶⁴ Там же, с. 52.

⁶⁵ Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. - М.: Республика, 1992. - С. 436.

⁶⁶ Русская школа. Духовно-нравственные проблемы воспитания. - С. 64.

В середине XX века отмечается ослабление интереса исследователей философских, педагогических и других гуманитарных дисциплин к проблемам народной педагогики. По замечанию Д.С. Лихачёва, царившее долгое время формальное отношение между обществом и культурой, ориентация на слом традиций в культуре и социальной жизни, привели к «историческому беспамятству, потере чувства традиционности, ответственности за сохранение и развитие своего национального и культурного наследия».⁶⁷

Однако в 70-е годы XX века происходит постепенное возрождение интереса к народной педагогике. Начинает разрабатываться новое направление - этнопедагогика. Её основоположником принято считать Г.Н. Волкова, который определяет этнопедагогика как науку об «эмпирическом опыте этнических групп в воспитании и образовании детей, о морально-этических и эстетических воззрениях на исконные ценности семьи, рода, племени, народности, нации».⁶⁸ Предметом этнопедагогика оказывается, таким образом, прежде всего народная педагогика, базовые положения которой, по мнению автора, сходны во всех педагогических культурах. Этническая педагогика исследует особенности функционирования народной педагогики, определяемые национальной психологией. В этой связи правомерно предположить, что в этнопедагогике объединяются прежде всего две области народно-педагогических знаний: а) народная педагогика, в которой интегрированы общие воспитательные цели, идеи, закономерности и т.д.; б) этническая педагогика, включающая в себя специфические задачи, источники народного воспитания, обеспечивающая развитие качеств и отношений, свойственных психологии нации.

Над созданием этнопедагогической теории наряду с Г.Н. Волковым трудились К. Пирлиев,⁶⁹ Я.И. Ханбиков,⁷⁰ Е.И. Христова,⁷¹ И.А. Шоров.⁷² В результате обобщения этнографических сведений, исторических исследований, работ по фольклористике были получены важные теоретические результаты в этой области. Е.И. Христова

⁶⁷ Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. - М.: Советский писатель, 1989. - С. 123.

⁶⁸ Волков Г.Н. Этнопедагогика. - М.: «Академия», 1999. - С. 4.

⁶⁹ Пирлиев К. Народная педагогика и современность: методические указания / Под ред. Г.С. Ершовой. - Ашхабад, 1983.

⁷⁰ Ханбиков Я.И. Народная педагогика. - Казань, 1966.

⁷¹ Христова Е.Л. Народная педагогика: историографические и теоретико-методологические проблемы. Дисс. ... канд. пед. н. - М., 1988.

⁷² Шоров И.А. Адыгская народная педагогика. - Майкоп: Краснодарское книжн. изд-во, 1989.

классифицировала этнопедагогические исследования, существенно уточнила их понятийный аппарат. Ею был предложен ряд терминологических конструкций, характеризующих отдельные стороны народной педагогики, - «педагогическая народная культура» и «педагогическая традиционная бытовая культура». Данные понятия охватывают основные аспекты функционирования педагогической культуры народа - создание и опредмечивание народно-педагогических знаний.

Предметом специального изучения становились и некоторые аспекты русской народной педагогики. В.А. Николаев исследовал исторические предпосылки русской народной педагогики и воспитательные возможности традиционной русской культуры, Ю.А. Рудь занимался выявлением развивающего потенциала пословиц и поговорок, народных сказок,⁷³ О.В. Лебедева рассматривала возможности использования народной педагогики в учебном и воспитательном процессе в русской школе,⁷⁴ В.А. Алексеев изучал влияние русских народных песен на нравственное воспитание школьников.⁷⁵ Г.В. Луниной определены гуманистические идеи русской народной педагогики, влияющие на развитие в детях оптимистического мироощущения: жизнеутверждающее целеполагание в народном воспитании, отношение к ребёнку как к объекту и субъекту совместной жизнедеятельности и воспитания, организация радостной перспективы воспитания.⁷⁶ А.П. Орлова сформулировала основные идеи нравственного воспитания славянских народов: идею трудолюбия, патриотизма, гуманизма и нетерпимости к отступлению от норм народной морали.⁷⁷

Следует отметить, что проблема воспитания миролюбия у детей рассматривалась не только в границах народной педагогики, но и в современной научной литературе. Так, в работе В.Д. Шадрикова «Происхождение человечности» анализируются исторические предпосылки становления человечности в отечественной культуре. В.Д.

⁷³ См.: Рудь Ю.А. Методологические и теоретические проблемы изучения народной педагогики. Дисс. ... канд. пед. н. - М., 1980.

⁷⁴ Лебедева О.В. Использование национального компонента содержания образования в современной практике обучения и воспитания младших подростков. Дисс. ... канд. пед. н. - М., 1992.

⁷⁵ См.: Алексеев В.А. Русская народная песня в нравственно-эстетическом воспитании младших школьников. Дисс. ... канд. пед. н. - М., 1986.

⁷⁶ См.: Лунина Г.В. Гуманистические идеи русской народной педагогики в воспитании оптимистического мироощущения у дошкольников. Дис. на ... канд. пед. н. - М., 1995.

⁷⁷ См.: Орлова А.П. Студентам о народной педагогике // Советская педагогика, 1987, №8. - С. 91-93.

Шадриков приходит в своём исследовании к выводу, что становление человечности происходит не только в процессе «эволюции природного интеллекта в социальный интеллект», но и в процессе «превращения природного мышления в моральное». ⁷⁸ «Человечность возникает в борьбе инстинкта и морали, эмоций и разума, эгоизма и альтруизма, добра и зла, греха и добродетели. В этой борьбе формируется духовность человека, высшее выражение человечности. Единичный человек духовен, пока следует морали. Единичный человек духовен, если для него общественно значимое стало лично значимым». ⁷⁹

Анализ истоков русской культуры с точки зрения задач современной педагогики предпринимает Н.Н. Макарецва. ⁸⁰ В частности, она вскрывает и основные исторические предпосылки становления в русской культуре принципов терпимости и миролюбия: «Уникальное значение русской культуры обуславливается особым географическим положением нашей родины, объединяющей Европу и Азию. Русская национальная культура впитала в себя знание Запада и мудрость Востока. Преодолевая замкнутость и ограниченность, она стремилась к синтезу разнообразия, созданию самобытной целостности. Такая среда формировала в человеке терпимость, способность внимать другому, открытость, широту души, стремление к взаимопомощи и сотрудничеству – наиболее ценные общечеловеческие свойства и качества». ⁸¹

Теоретическое понимание истории формирования гуманистических представлений, к которым относятся понятия терпимости, миролюбия и милосердия, современная педагогика стремится использовать в конкретной педагогической работе. Например, Т.И. Петракова рассматривает педагогические условия формирования добродетелей, проявляющихся в отношении к ближнему – милосердия и миролюбия, терпения, кротости и простоты. Она полагает, что «развитие эмоциональной и интеллектуальной сфер ребёнка в их гармонии, в воспитании его воли должно быть подчинено самой первой и важнейшей задаче духовно-нравственного воспитания – воспитанию сердца, воспитанию любви». ⁸²

Близкая к интересующей нас проблематика стала объектом исследовательского интереса В.А. Ситарова и В.Г. Маралова в их

⁷⁸ Шадриков В.Д. Цит. соч, с.198.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ См.: Макарецва Н.Н. Духовные ценности русской народной педагогической культуры // Педагогика, 1998, №1. - С. 81-86.

⁸¹ Там же, с. 81.

⁸² Петракова Т.И. Гуманистические ценности образования в процессе духовно-нравственного воспитания подростков. Дис. ... докт. пед. н. – М., 1999. – С. 111.

монографии «Психология и педагогика ненасилия». Актуальность рассматриваемой в данной монографии проблемы обусловлена тем, что в XX веке быстро росла степень взаимного влияния культур друг на друга. Этот процесс завершился осознанием того, что наряду с ценностями национальных культур в качестве их общей основы следует выделять общечеловеческие ценности. К их числу принадлежит, и понимание человека как личности и обусловленное этим стремление избавить педагогику от насилия как средства воспитательного воздействия. Именно в этом контексте формируется педагогика и психология ненасилия как особое направление в педагогике, систематизирующее, обобщающее, осмысляющее родственные ей традиции народной педагогики. В контексте данного исследования обращение к психологии и педагогике ненасилия обусловлено тем, что в ней рассматриваются педагогические проблемы, родственные с проблемами воспитания миролюбия.

В.А. Ситаров и В.Г. Маралов рассмотрели психологические условия принятия позиции ненасилия: формирование терпимости, преодоление эгоизма, осознание собственных психологических защит. В исследовании нашла отражение психологическая структура терпимости, в которой одно из центральных мест занимает смирение как «понимание своего места и назначения в мире, сопровождающееся, с одной стороны, скромностью, а с другой стороны, - самоуважением и чувством собственного достоинства».⁸³ В качестве конкретного выражения смирения на эмоциональном уровне выступает толерантность, то есть «эмоциональная устойчивость, развитие в себе способности, например, не раздражаться и не обижаться».⁸⁴ Таким образом, по мнению авторов, «терпимость выступает в качестве внутреннего гибкого механизма существования позиции ненасилия, она ... сориентирована на другого человека, понимание его в сопоставлении с собой и своими взглядами».⁸⁵ Своё непосредственное выражение позиция ненасилия находит в особых действиях, в результате которых ненасилие выступает в качестве формы социального поведения: отказ от принуждения, сотрудничество, помощь, любовь и снижение агрессивного потенциала противоположной стороны.

Педагогические условия эффективного воспитания милосердия у детей рассмотрены в работе В.А. Шутовой.⁸⁶ В диссертационном исследовании Н.И. Малиновской проанализированы средства и условия

⁸³ Ситаров В.А., Маралов В.Г. Цит. соч., с. 116.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Шутова В.А. Педагогические условия воспитания милосердия у детей младшего школьного возраста. Дис. ... канд. пед. наук. - Смоленск, 1999.

по формированию у младших школьников представлений и понятий о характерных чертах отечественной культуры.⁸⁷ Е.В. Борисова в диссертационном исследовании, посвященном рассмотрению традиций воспитания детей в крестьянской семье, считает необходимым выделить, прежде всего, следующие традиции: традиции воспитания, сложившиеся под влиянием внутрисемейных отношений, традиции воспитания религиозно-нравственного характера, погружение детей в фольклорную среду, приобщение детей к традиционным видам крестьянского труда.⁸⁸

В настоящее время проблемы воспитания миролюбия не только рассматриваются теоретически, но и организуется соответствующая практическая работа в педагогических учреждениях. В частности, можно указать на методические материалы Я.А. Краковой «Мир и сотрудничество: как это можно делать в классе»,⁸⁹ М.В. Кабатченко «Педагогика мира: постановка проблемы и теоретическое обоснование».⁹⁰ М.Ю. Новицкая разработала программу «Мир народной культуры», целью которой является привить младшим школьникам любовь к традициям родной культуры.⁹¹ Этой программой предусматривается рассмотрение вопросов истории России и русской культуры с привлечением фольклорных и этнографических материалов. Особого упоминания достойна работа сотрудников Российского Этнографического музея, которые, в частности, разработали программу «Приобщение детей к истокам русской народной культуры» (О.А. Ботякова, Г.Г. Сорокина, Е.Я. Тимофеева, Л.Ф. Голякова, С.А. Прокофьева, О.М. Фёдорова).⁹²

Несмотря на разнообразие сформировавшихся подходов к рассмотрению народной педагогики и, в частности, к проблеме

⁸⁷ См.: Малиновская Н.И. Формирование у младших школьников представлений и понятий о характерных чертах русского народа. Дисс. ... канд. пед. н. - М., 1999.

⁸⁸ См.: Борисова Е.В. Традиции воспитания детей в крестьянской семье в России (1861-1917 г.). Дис. ... канд. пед. н. - М., 1997.

⁸⁹ См.: Кракова Я.А. Мир и сотрудничество: как это можно делать в классе. (Пособие для учителя). - М., Новосибирск: Совет Сиб. движения «Педагоги за мир и взаимопонимание», 1994.

⁹⁰ См.: Кабатченко М.В. Педагогика мира. Постановка проблемы и теоретическое обоснование // Педагогика мира: история, теория, практика. Вып. 1. - М., 1992. - С. 11-20.

⁹¹ См.: Новицкая М.Ю. Программа «Мир народной культуры» в начальной школе // Живая старина. 1999, № 4. - С. 55-57.

⁹² См.: Российский Этнографический музей – детям: Методическое пособие для педагогов дошкольных образовательных учреждений / Ботякова О.А., Зязева Л.К., Прокофьева С.А. – СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2001.

воспитания детей в духе миролюбия в традициях народной педагогики, следует отметить, что систематических исследований этой проблемы в отечественной педагогике до сих пор не было. Поэтому цель настоящего исследования заключается в том, чтобы проследить возникновение идеи миролюбия в отечественной культуре, выявить влияние религиозных ценностей и основных элементов народной культуры на становление миролюбия как черты русского национального характера, определить специфику воздействия различных элементов фольклора, которые используются в педагогике в качестве средств воспитания в духе миролюбия. Миролюбие рассматривается при этом как базовое интегративное качество морального сознания и выявляется влияние воспитания миролюбия на становление других важнейших морально-этических характеристик личности.

Часть третья.

ИСТОРИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕИ МИРОЛЮБИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ

Современные исследования традиции народной педагогики⁹³ обладают рядом особенностей, существенно отличающих их от классических работ по истории педагогики, написанных в предшествующие десятилетия. На первый взгляд, это отличие проявляется, прежде всего, в том, что привлекаются новые источники исследования - те источники, которые вряд ли можно считать «педагогическими» в непосредственном смысле этого слова, источники, характеризующие культуру народа как нечто целостное, ту культурную атмосферу, которая проникает во все сферы духовной жизни народа. Песни и сказки, народные традиции, нравственные чувства и религиозные представления народа являются не менее важными факторами педагогического воздействия, чем «тексты», прямо формулирующие те или иные педагогические принципы и установки.

Эти изменения, однако, не ограничиваются расширением исследовательского кругозора, хотя и это стремление современных авторов является плодотворным и значимым для развития педагогической науки. В педагогике, как и в других отраслях современного гуманитарного знания, всё более и более утверждается представление о *культуре* как едином основании всякой духовной деятельности человека. И это представление, став новым контекстом развития педагогической мысли, который приходит на смену пониманию педагогики как замкнутой «профессиональной» деятельности, само оказывается методологическим принципом исследования, заставляя искать новые подходы к подбору материала и организации содержания исследования.⁹⁴

⁹³ См.: Батурина Т.И., Кузина Т.Ф. Народная педагогика в воспитании дошкольников. - М.: Ассоциация «Профессиональное образование», 1995; Белозерцев Е.П. Цит. соч.; Волков Г.Н. Цит. соч.; Григорьев В.М. Народная педагогика игры: Вопросы методологии и теории. - М.: ОДИ-Intern., 1996; Князева О.Л., Маханёва М.Д. Приобщение детей к истокам русской национальной культуры. - СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 1998; Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X- нач. XX века). - М.: Издательский дом «ФОРУМ», 1998; Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли). - М.: Гардарики, 2002; Николаев В.А. Истоки русской народной педагогики. - М.: МПГУ, Орел: ОГУ, 1997; Николаев В.А. Этнопедагогическая подготовка учителя русской национальной школы; Рудь Ю.А. Цит. соч..

⁹⁴ См.: Николаев В.А. Этнопедагогическая подготовка учителя русской национальной школы. - С. 8-34.

Обращение к исследованию становления идеи миролюбия в русской народной педагогике обуславливает необходимость рассмотрения тех форм культуры народа, значение которых не ограничивается педагогикой. Помимо этого необходимо обращаться и к истории народа, судьбе этноса и государственности, хозяйственному строю, укладу жизни и определяемой ими психологии. Благодаря этому появляется возможность увидеть в воспитании миролюбия как педагогическом принципе специфически выраженное отражение исторической традиции, поисков своей идентичности в отношении к «другому» - другим этносам, религиозным конфессиям, жизненным укладам и т.д.

Подобные поиски, взятые как целое, и составляют, собственно, историю народа. Важным обстоятельством, которое следует зафиксировать, рассматривая вопрос о становлении миролюбия как черты русского национального характера, элемента психологии русского народа, принципа народной педагогики, являются многообразные связи русских с другими этносами. В современной науке всякий существующий в настоящее время этнос рассматривается как результат исторического взаимодействия, синтеза множества народов, результат, определяемый, в свою очередь, действием разнообразных внутренних и внешних факторов, - природно-климатических, военно-политических, хозяйственных, языковых, культурных и т.п.

Русская история - это путь обособления восточной части славянского этноса, у которого с иноплеменными соседями имелись, по видимости, лишь враждебные отношения. Но на деле это не так, всякий этнос - это синтез, и русский - не в меньшей мере, чем другие.⁹⁵ Л.Н. Гумилёв на материале славяно-тюркских отношений показал, что в отношениях Руси и Великой Степи имели место не только соперничество и конфликты, но и конструктивное сотрудничество в военно-политической области (например, в противостоянии агрессии на Русь с западного направления - агрессии немцев, шведов, литовцев), хозяйственный обмен, языковые влияния и т.д.⁹⁶ То же самое следует сказать и о финно-угорских народах, ведь все земли к северо-востоку от срединного течения Днепра как древнейшего региона расселения восточных славян были заняты финно-угорскими племенами, и

⁹⁵ Последнее не исключает, конечно, и наличия основного, доминирующего этноса, в данном случае – восточнославянского. Целостное рассмотрение становления русского этноса до начала XX века даётся в: Русские. - М.: Наука, 1997, с. 107-123.

⁹⁶ См.: Гумилёв Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – М.: Экспрос, 1992; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. - М.: Экспрос, 1993.

продвижение славян в этом направлении не могло быть ни чем иным, как слиянием славянского и финно-угорского этносов.

Ни летописные, ни хронологические материалы не содержат прямых указаний на вооруженные столкновения славян с финно-уграми и балтами в процессе заселения Волго-Окского междуречья, оказавшегося в центре великорусской народности и государственности. У русских историков XIX века сложилось твёрдое убеждение в мирном характере славянского колонизационного заселения этой территории. «Славяне-земледельцы селились в более сухих, возвышенных местах, а финны, занимавшиеся лесными промыслами и железорудным производством, - в низменных, болотистых».⁹⁷ «Русские переселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а, как бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, которые оставались между разбросанными между болот и лесов финскими посёлками. Такой порядок размещения колонистов был бы невозможен при усиленной борьбе с туземцами».⁹⁸

Современный исследователь В.Д. Шадриков, анализируя эту ситуацию с точки зрения становления нравственно-духовных качеств русского народа, указывает, что, осваивая Восточно-Европейскую равнину, славяне очень редко входили в конфронтацию с местными угро-финскими племенами, славянская община постепенно включала в свой состав на равных основаниях угро-финские племена. «Надо отметить эту тенденцию как важнейшую, - продолжает В.Д. Шадриков, - в ходе освоения новых территорий русские вводили в свою культуру элементы культуры других народов. Принимая православие, местные жители вместе с новой верой приобретали и статус русского человека. Во множестве совершались браки русских с инородцами. И начиная с Киевской Руси, классовое, сословное размежевание общества проходило не по этническим границам и национальным признакам».⁹⁹

Внимание, которое в предлагаемом исследовании уделяется природным факторам, воздействовавшим на формирование определенного нравственного качества в исторической жизни народа, обусловлено тем, что жизнь в определённом природном окружении для человека так же важна, как и жизнь в благоприятном социальном окружении. О.Н. Козлова пишет по этому поводу: «Природа влияет на становление нравственных норм, эстетических приоритетов,

⁹⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Кн. 1, т. 1-2 / Подготовка текста: Цинзерлинг Г.Д., Рыкалов В.С. // Сочинения: В 18 кн. / Отв. ред. Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С. - М.: Мысль, 1988. - С. 110-111.

⁹⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 / Под ред. В.Л. Янина // Сочинения: В 9 т. Т. 1. - М.: Мысль, 1987. - С. 298.

⁹⁹ Шадриков В.Д. Цит. соч., с. 13.

специфической логики народа. Она пронизывает всю культуру, является сама определённой мерой реальности, жизнеспособности любых действий личности». ¹⁰⁰ Исследования по истории русской культуры, в которых природная среда жизни человека рассматривается в качестве самостоятельного и часто важнейшего фактора социально-исторического развития, сегодня не являются редкостью. Помимо ставших уже классическими трудов Л.Н. Гумилёва, можно указать на работу А.В. Селивёрстова, в которой рассматривается становление национального характера русского народа во взаимодействии природно-географических и социально-культурных факторов. ¹⁰¹

Описываемая история расселения восточных славян - часть истории всего славянского этноса. Расселение славян на обширных пространствах Европы, которое наиболее интенсивно происходило в VI-VII веках, с течением времени изменяло их антропологический состав. На западе германцы, на юге фракийцы, кельты, иллирийцы, на востоке иранцы и финно-угры, на севере балты - вот широкий спектр народов, с которыми столкнула славян их история, и которые так или иначе воздействовали на них. В монографическом исследовании «Русские», подготовленном Институтом этнологии и антропологии АН России, отмечается: «Судя по вещевому комплексу славянских погребений, находкам материальной культуры на городищах и селищах, славянская колонизация носила характер внедрения преимущественно мирного земледельческого населения в инородную среду. В результате основным фактором формирования антропологического облика славян стала **метисация**. Более того, метисация, как выяснилось при изучении демографической структуры пришельцев и местного населения, при ранней колонизации Русского Севера явилась стратегией выживания славян на новых землях». ¹⁰²

Объединение славянского населения на новых землях с представителями финно-угорских, балтских и других племён поддерживалось и хозяйственным интересом. В частности, величина возлагаемых на общину податей была неизменной, поэтому увеличение числа членов общины за счёт представителей соседних этносов было выгодно для общины: «На первых этапах существования волостной общины крестьяне были заинтересованы в привлечении новых членов: земли много, а чем больше людей, тем податей на одного человека

¹⁰⁰ Козлова О.Н. Национальные модели воспитания и гуманизм: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. – М.: МГОПИ, 1993. – С. 23.

¹⁰¹ См.: Селивёрстов А.В. Национальный характер русских и его влияние на становление современной российской государственности. Дис. ... канд. филос. н. – М., 1997.

¹⁰² Русские. – С. 73.

будет меньше».¹⁰³ Хозяйственный интерес, таким образом, объективно способствовал сплочению людей различного этнического происхождения в рамках общины как общественно-производственного объединения на основе самоорганизации крестьян.

Особое значение в процессе расселения по равнине и освоении новых территорий имела гидрография. Ни одна область Европы не имеет таких мощных и разветвлённых речных систем, какими обладает Восточно-Европейская равнина. На это обстоятельство обратил внимание В.О. Ключевский: «Служа готовыми первобытными дорогами, речные бассейны своими разносторонними направлениями рассеивали население по своим ветвям».¹⁰⁴ В процессе освоения огромной Восточно-Европейской равнины, которое использовало главным образом речные пути, населенные пункты часто оказывались на очень большом расстоянии друг от друга. В этой ситуации жители поселения или нескольких поселений, образовавших волость, должны были принимать самостоятельные решения о наделении крестьян землей, организации работ, наказании за незначительные преступления, что укрепляло позиции общины и способствовало становлению самоуправления русских крестьян.¹⁰⁵

Опыт общиной жизни доказывал, что самоуправление в наибольшей степени способствовало тому, чтобы все споры и конфликтные ситуации разрешались мирно: «В волостном суде, руководствуясь местными крестьянскими обычаями, дела разбирались по совести, склонить спорящих старались к примирению».¹⁰⁶ «Наряду с самоуправлением, краеугольным камнем общины служила общественная взаимопомощь и взаимоподдержка. ... За многие столетия существования самоуправляемых волостных и простых общин ... навык к самоуправлению и взаимопомощи стал национальной чертой и общественной потребностью русских крестьян».¹⁰⁷ Совместный труд и самоуправление поддерживали у людей стремление к справедливости и миру, которое за века общинной жизни стало доминирующей чертой народного характера.

Таким образом, контакты славян с другими племенами, населявшими Восточно-Европейскую равнину, были многообразными и имели огромное значение для самого формирования русского народа, не

¹⁰³ Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О.А. Платонов. – М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. – С. 609.

¹⁰⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. – С. 80-81.

¹⁰⁵ Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. – С. 609.

¹⁰⁶ Там же, с. 610.

¹⁰⁷ Там же.

говоря уже о становлении его истории и культуры. Учёные, исследующие историю отечественной культуры, единодушны в признании глубокого своеобразия национального самосознания русских. В частности, П. Семенникова пишет: «Поле их исторической деятельности - многонациональная среда, очень мозаичная ... Сама историческая ситуация сделала русских открытыми для контактов с другими народами, сделала совместимыми с любой национальной средой. Дореволюционная Россия на протяжении столетий сохраняла и приумножала социокультурный и духовный плюрализм, включающий в себя татаро-мусульманские, монголо-ламаистские, православные, католические, протестантские, языческие и иные ценности».¹⁰⁸

У народа, исторический путь которого складывался как путь соседства и объединения с другими народами, не могло не сформироваться *терпимости* по отношению к другим этническим группам с их языком, обычаями, образом жизни. В терпимости как черте национальной психологии русских можно увидеть одно из оснований, одну из исторических предпосылок становления миролюбия в качестве принципа народной педагогики. А наличие в народном характере определённых черт, изначальных установок, в свою очередь, способно оказывать обратное воздействие на исторический процесс, определяя судьбы народов и государств.

Как отмечает Ф.Ф. Нестеров, характер тех отношений, которые складывались у русских с их соседями, как правило, не вызывал конфликтов: «Важнейшая черта русского колонизационного движения состояла в том, что миграционные потоки направлялись на неосвоенную ранее землю. Русские крестьяне, поднимая целину, распространили Россию от Прибалтики до Тихого океана, от Белого моря до песков Средней Азии. Ни у одного земледельческого народа, будь то в Поволжье, на берегах Балтики, в Закавказье, в бассейне Амударьи и Сырдарьи, земля не отбиралась».¹⁰⁹ «Русский народ никогда не чувствовал себя господином других народов, никогда не придерживался двойной морали, никогда не стремился отгородиться от иноплеменников».¹¹⁰ Русский философ и общественный деятель И.Л. Солоневич в своём труде «Народная монархия» убедительно показывает, что русским (в отличие от поляков, которые к этому также стремились) удалось создать огромную державу именно потому, что в характере русского народа преобладает стремление не к подавлению других народов, а к взаимопониманию и сотрудничеству с ними.¹¹¹

¹⁰⁸ Шадриков В.Д. Цит. соч, с. 129.

¹⁰⁹ Нестеров Ф.Ф. Связь времен. - М.: Молодая гвардия, 1987. – С. 94.

¹¹⁰ Там же, с. 114.

¹¹¹ См.: Солоневич И.Л. Народная монархия. - М.: «Феникс», 1991.

Нельзя не обратить внимания в этой связи на замечания Д.С.Лихачёва, касающиеся истории взаимоотношений русских со своими соседями и выработывавшейся по ходу сближения многих этносов народной психологии, в которой миролюбие заняло важнейшее место. Д. С. Лихачёв указывает, что русские хоть и не всегда, но по большей части жили в мире с соседними народами: «Несмотря на все войны со степью, иные из которых носили отнюдь не национальный, а сугубо феодальный характер, русские князья женились на знатных половчанках. Не было, значит, расовой отчуждённости. Да и вся история русской культуры показывает её преимущественно открытый характер, восприимчивость и в массе своей отсутствие национальной спеси».¹¹²

Миролюбие, впрочем, Д.С. Лихачёв вовсе не склонен причислять к числу свойств лишь русского национального характера, оно характеризует сознание всякого народа на определённом этапе развития его культуры, и только от определённых исторических обстоятельств зависит, в каком виде она сохраняется в народном сознании и как влияет на типическое поведение человека. В частности, Д.С. Лихачёв пишет, что «то же самое свойство открытости и миролюбия отличало и финские племена, жившие в соседстве с русскими. Эта открытость – черта определённого, донационального существования народов. Однако на Руси эта черта пережила все временные границы, она утвердилась идеологически, стала сознательным и определённым принципом в жизни лучшей части русской литературы и исторической мысли».¹¹³

Как видно на примере анализа межэтнических отношений в процессе становления России как особого этнического и культурного мира, реально в качестве наиболее широко понимаемого объекта анализа данного исследования выступает история и культура народа, и, стремясь к полноте рассмотрения, следует стремиться выявить отношения интересующей нас черты психологии народа и установки народной педагогики - миролюбия - к наибольшему количеству значимых для его становления факторов с тем, чтобы понять существо этого психолого-педагогического феномена, его историческую укоренённость и историческое значение.

Так, общение различных по своему происхождению этносов, обеспечившее становление миролюбия в среде русского народа, происходит в едином географическом пространстве - на Восточно-Европейской равнине, - что также, очевидно, следует учитывать, рассматривая становление миролюбия как психологической черты

¹¹² Лихачёв Д.С. Заметки о русском. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 39.

¹¹³ Лихачёв Д.С. Прошлое – будущему. – Л.: Наука, 1985. – С. 40.

русского народа и принципа народной педагогики: жизнь в одном «доме» объективно способствовала формированию миролюбия больше, чем какой бы то ни было другой фактор. На это обстоятельство указывал С.М. Соловьев: «Однообразии природных форм исключает областные привязанности, ведёт народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость обычаев, нравов и верований исключает враждебные отношения, одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению; и равнина (то есть Восточно-Европейская равнина, - О.К.), как бы ни была она обширна, как бы ни было в начале разноплеменно её население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятны обширность Русской государственной области, однообразие и крепкая связь между ними».¹¹⁴

Становление к концу XV века Московского государства можно считать завершением этого процесса объединения земель и племён. Большинство историков считают эту возникшую в процессе объединения земель вокруг Москвы народность - называемую обычно великорусской как для того, чтобы отличать её от древнерусской, так и для того, чтобы понять её отношение к формирующимся параллельно мало- и белорусской народностям, - прямой наследницей Киевской Руси. Некоторые исследователи (например, Л.Н. Гумилёв) убеждены в том, что речь должна идти всё же о двух народах, хотя и связанных родственными и культурными узами, но по большинству характеристик существенно отличающихся. Жизнь народной души, определяющая становление психологических установок и педагогических принципов, зависит и от таких «далёких» от педагогики факторов, как природа страны и отношения между составившими её первоначальное население группами. Это - первоначальные условия того культурно-исторического процесса, результатом которого оказывается зрелая культура русского народа с характерным для неё психологическим строем и педагогическими установками.

Перейдём теперь от факторов природно-исторических, каковыми являются территория и этнос, к факторам социально-историческим, важнейшим из которых является для преимущественно земледельческого народа характер землепользования. Именно от этого фактора, определяющего жизнь и быт народа, занятого главным образом сельскохозяйственным трудом, зависела и складывающаяся в историческом процессе культура народа. Для восточных славян и унаследовавших их традиции русских на протяжении очень длительного времени было характерно общинное землепользование,

¹¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времён. – С. 56.

пришедшее на смену родовому строю. Оно издавна воспринималось как самое естественное, справедливое, и это не могло не оказать огромного влияния на сознание русских людей. С.М. Соловьёв по этому поводу пишет: «Родовой быт обуславливал общую, нераздельную собственность, и, наоборот, общность, нераздельность собственности служила самою крепкою связью для членов рода, выделение обуславливало необходимо и расторжение родовой связи».¹¹⁵ А.Н. Афанасьев, известный собиратель и исследователь русского фольклора, пишет: «Свидетельствуя о древнейшем быте славян, Нестор говорит, что они жили родами ... Отдельный род представлялся сожитием вместе нескольких семей, связанных кровными узами родства и властью одного родоначальника. (...) Родичи помещались в одной избе или, если слишком размножились, - в нескольких холодных срубках (клетях), построенных вблизи тёплой избы и даже примкнутых к её стенам. (...) Таким образом, очаг оставался единым для всех, а приготовленная на нём пища была общей».¹¹⁶

Укоренённость общинно-родовых отношений наложила особый отпечаток на всю русскую историю и культуру. По выражению исследователя русской общины И.Н. Миклашевского, основы существования общины лежали «в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины и даже в своей кровной семье хочет видеть общину, товарищество».¹¹⁷ «Понятие «мир» для крестьянина отражало всю глубину его духовно-нравственного сознания, олицетворяя не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее – соборное соединение, имеющее характер высшего закона».¹¹⁸

Община в истории России существовала очень долго, воспроизводя сложившиеся ещё в глубокой древности традиционные формы общественной жизни. «Еще в начале XX века можно было встретить социальные структуры, существовавшие пятьсот и более лет назад».¹¹⁹ Даже когда после 1861 года в России начались социально-экономические и общественные реформы, «волостная община погибла не повсеместно, но продолжала существовать на государственных землях, выполняя вплоть до начала XX века те же самые функции, что и много веков назад».¹²⁰ Вековые традиции общинной жизни оказали

¹¹⁵ Соловьёв С.М. Об истории Древней России. - М.: Просвещение, 1993. – С. 26.

¹¹⁶ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х томах. Т. 2. - М.: Современный писатель, 1995. – С. 16.

¹¹⁷ Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. – С. 608.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же, с. 609.

¹²⁰ Там же, с. 610.

огромное влияние на сознание всех слоёв общества, привело к повсеместному распространению представлений, возникновение которых было обусловлено в своё время общинным бытом. Неудивительно поэтому, что ещё в начале XX века Л.Н. Толстой вёл полемику с П.А. Столыпиным, отстаивая общинный по своему происхождению и смыслу тезис «Земля - Божья», а Н.А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» стремился показать, что именно общинное прошлое сделало столь лёгкой победу в России большевиков, даже в XX век Россия вступила с общинным укладом и общинной идеологией.¹²¹ Более того, споры, развернувшиеся в начале XXI века в российском обществе по поводу законодательства, регламентирующего оборот земли, говорят о том, что вопрос об общине как основании русской истории и культуры продолжает оставаться болезненно актуальным.

В условиях общинно-родового строя всегда (а не только в истории славян) устанавливаются простые и искренние отношения между людьми. Правда, общинно-родовой строй препятствует дифференциации по имущественному признаку, а следовательно, и социальному развитию, препятствует обособлению индивида и формированию личности, однако, общинно-родовой строй и память о нём, безусловно, оказывают благотворное влияние на человеческие отношения как раз с точки зрения формирования миролюбия. К.Д. Кавелин даёт следующую оценку общинно-родовых отношений: «Люди жили сообща, не врозь, не отчуждённо, как потом; не было ещё губительного различия между моим и твоим - источника последующих бедствий и пороков; все, как члены одной семьи, поддерживали, защищали друг друга, и обида, нанесённая одному, касалась всех. Такой быт должен был воспитывать в русских славянах семейные добродетели: кроткие, тихие нравы, доверчивость, необыкновенные добродушие и простосердечие».¹²²

Семья и, шире, община воспринимались русскими людьми как круг близких, как «свои». Но этот круг не был «замкнутым», он постоянно расширялся, пополняясь новыми членами и группами, причём этнических, религиозных, культурных, языковых препятствий при этом не существовало. Этот процесс изучается в современных гуманитарных науках с разных сторон. Например, В.В. Колесов на материале истории языка делает вывод, что «постоянно увеличивался круг «своих»: за счет друзей и близких; но не одни лишь родственные, также и хозяйственные связи могли стать основой перехода «чужих» в

¹²¹ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Республика, 1990.

¹²² Кавелин К.Д. Наш умственный строй. - М.: Мысль, 1989. – С. 24.

«свои». Появление семьи и общины, например, связано с увеличением круга людей, объединенных территориальной или производственной общностью».¹²³ В формировании семьи, общины и других форм межчеловеческого общения становящееся русское общество было терпимым к другим этническим, религиозным, культурным группам, которые в него входили, общинно-родовые традиции и нравы делали этот процесс простым и безболезненным.

Именно эти, родовые по своему происхождению, традиции и наследует русская община. Устойчивость общинных отношений в России станет понятной, если вспомнить, что Россия возникает на границе со степью, кочевым миром, бескрайней тайгой, то есть областями, из которых постоянно исходит опасность, областями, в которых в одиночку человек выжить не может; здесь только «всем миром» можно противостоять угрозе нашествия, стихии, засухи и т.п.

С веками эта включённость человека в общее - общинное - бытие народа становится естественной, органичной чертой жизни русского человека, внутренне осознаваемой нормой его поведения. Безусловно, жизнь в рамках общины таит в себе и опасности: труднее научиться брать на себя ответственность, планировать свою жизнь, контролировать поведение, - все эти функции отданы «миру», общине, или, вернее, ещё не переданы индивиду; человек привыкает полагаться на опеку со стороны общины и, следовательно, у него не оказывается достаточных стимулов для индивидуального труда и творчества.

Традиция общинной жизни оказала чрезвычайно благотворное влияние на становление морального сознания, рост нравственного чувства в русском народе, формирование терпимости и миролюбия как важнейших черт народной души. В.Д. Шадриков отмечает, что совместный труд на мирских землях, общинное пользование лесами, выгонами и сенокосами «развивал в русском человеке доброжелательность по отношению к другим людям; соборность, тяготение к единению с другими; коллективизм (стремление к совместной деятельности); гуманизм, отзывчивость на чужое горе и радость; жертвенность, готовность к самопожертвованию; общительность; миролюбие; соблюдение общинной моральной нормы; совестливость, стремление поступать по справедливости, нравственную ответственность за своё поведение перед окружающими; стыдливость, стремление избежать предосудительного поступка, позора, бесчестья».¹²⁴

Итак, на обширных пространства Руси в течение многих веков происходило смешение различных этносов и к XV-XVI веку

¹²³ Колесов В.В. Цит. соч., с. 40.

¹²⁴ Шадриков В.Д. Цит. соч., с. 126-127.

сформировалось *полиэтническое* государство. Объединению и преодолению этнической разобщенности способствовало и интенсивное воздействие извне, как с Запада, так и с Востока. Воздействие это носило не столько культурный, сколько агрессивно-захватнический характер. Как мы видели, в этих экстремальных условиях наиболее эффективным механизмом консолидации общества оказались сильное государство и община.

Традиционный общинный уклад народной жизни, практически без изменений сохранявшийся на протяжении веков, создал внутреннее убеждение в его «правильности», подтверждаемое постоянной исторической практикой. Именно общинный уклад определял ряд специфических народных ценностей патриархального характера. Например, П.И. Смирнов относит к ним и саму общину («мир»), и сохранение в рамках «мира» индивидуальности человека, а также справедливость, коллективную мудрость, труд как божественное предписание, миролюбие.¹²⁵ Справедливость этого суждения подтверждается архивными описаниями нравов крестьян Тверской губернии, сделанными уже в XIX веке: «Крестьяне отличаются большим прямодушием и доверчивостью, с уважением относятся к физической силе и трудоспособию, к чему приучают своих детей с самого раннего возраста, а ленивых преследуют всевозможными насмешками и пренебрежением. Они чрезвычайно бережливы и расчётливы, их сметливость проявляется в умении сообразовывать свои земледельческие работы с обстоятельствами времени и теми или другими случайностями. Они религиозны и добросердечны, охотно и без всяких процентов ссужают беднякам и деньги, и хлеб».¹²⁶

Как свидетельствуют архивные материалы, социально значимыми качествами индивида в этой системе ценностей становятся знания (как коллективная мудрость) и святость. Многие нормы эмоционально-ценностного мира русского человека - миролюбие, развитое чувство товарищества, милосердие, скромность, отрицательное отношение к богатству и частной собственности - органично связаны с практической хозяйственной и общественной жизнью в общине. В частности, С. Дерунов, наблюдая за нравами

¹²⁵ Смирнов П.И. Ценностные основания общества. Дис. ... д. фил. н. - М., 1994. – С. 177.

¹²⁶ АГМЭ, 7, 1, 1720, 4. Здесь и далее ссылки на материалы Архива государственного Музея этнографии (фонд В.Н. Тенишева) даются следующим образом: первая цифра обозначает № Фонда, вторая - № Описи, третья - № Дела, четвёртая – лист.

крестьян Пошехонского уезда Ярославской губернии, замечает: «Известно, что наш народ добродушен и вежлив».¹²⁷

До тех пор, пока община оставалась естественной социальной ячейкой жизни русского человека, вопрос о её оценке - и, соответственно, восприятию формируемых ею черт психологии русского человека - не возникал. Однако, начавшееся в XVIII веке сближение с Западной Европой, сделавшее очевидным для русских людей и различия в моральных нормах, психологии, ценностных ориентациях между русскими и европейцами, инициировало и процесс пересмотра принципов общинной жизни. Так или иначе, но вся русская культура XIX века уже занята переосмыслением отношения России к Западной Европе исходя из осознания специфики русской общинной жизни.

Наиболее известными в истории, как всегда, оказались крайние оценки: на одной стороне - крайнее западничество, истолковывавшее русские особенности как несомненные недостатки и следствие «отсталости» России; на другой - традиция мысли, восходящая к ранним славянофилам. Именно славянофилы возвысили осознание общинности русской жизни до сферы духовной - создали концепцию соборности, в которой получили совершенно новое звучание те качества русской души - и в их числе миролюбие, - которые сформировала в русском человеке общинная жизнь. Следует напомнить и о том, что направления мысли, без которых русская культура XIX-XX веков представляется сегодня уже просто немыслимой, - почвенничество и евразийство, - также возникли не без влияния славянофилов и продолжили плодотворную традицию анализа и осмысления русской истории.

Но во всех направлениях отечественной мысли присутствовало понимание того, что именно с общинно-коллективистскими традициями русского народа связаны самые существенные особенности русской жизни, в частности, принципы терпимости, взаимопомощи, стремление к согласию, в которых, собственно, и раскрывается смысл русского «миролюбия».

Итак, сама история многонациональной России, возникшей и существовавшей в суровых природных условиях и враждебном окружении, требовала установления таких форм жизни, в которых социальная, национальная и религиозная терпимость, психологические установки на достижение согласия и примирения оказывались совершенно необходимыми для самого выживания народа. Но наряду с объективной историей большое значение имеет и её осознание в различных образах культуры, именно оно способно сделать

¹²⁷ АГМЭ, 7, 1, 1791, 1.

историческое наследие действенным орудием воспитания, в частности - превратить «миролюбие» из естественного требования суровой жизни, сложившейся в такой жизненной обстановке нормы поведения людей, в установку сознательной педагогической деятельности.

Идеи христианского миролюбия органично соединились с моральным опытом народов России. Народное сознание глубоко и искренне восприняло христианское учение о любви как сострадании, которое составляет как бы психологическую основу этики миролюбия.¹²⁸ Этот комплекс христианских идей получил чрезвычайно широкое распространение в русской культуре, чем и определяется необходимость специального рассмотрения идей миролюбия в православной культуре.

Решение этой задачи предполагает рассмотрение библейских основ христианского учения о миролюбии. Однако почему вообще религиозные представления так значимы для народа, почему они проникают во все сферы культуры, определяя собой её характер, саму её сущность. Причина влияния религиозных взглядов на жизнь людей заключается в особом истолковании бытийного статуса Бога как предмета религиозных чувств. Бог предстаёт в религиозном сознании как *абсолютное* бытие, соответственно этому и религиозные представления оказываются нормативными для всех сфер культуры народа. В этом обстоятельстве следует видеть ключ к пониманию того, почему, к примеру, евангельские изречения, несущие, по видимости, лишь очень простой смысл, столь скрупулёзно извлекаются народным сознанием и фиксируются в качестве особых - абсолютных - точек отсчета в оценке морального опыта народа.

Чрезвычайно важным для рассмотрения христианского учения о миролюбии является и вопрос о том «смысловом окружении», в котором формируется христианское понятие миролюбия. Тексты Нового Завета показывают, что «миролюбие» - это лишь одно из целого ряда понятий новой, христианской культуры, которая приходит на смену античной языческой культуре. В этом ряду - «смирение», «кротость», «милосердие», «братолюбие», способность любить, прощать, сострадать. В античной языческой культуре им соответствуют противоположные по смыслу понятия гордыни, смелости, жестокости, мудрости (которая для христиан выступает часто как «ложное мудрствование»). Из сравнения этих понятийных рядов, являющихся описаниями образов двух культур, вытекает, что становление «миролюбия» как черты народной души в среде христианских народов -

¹²⁸ См.: Майоров Г.Г. Этика в средние века.- М.: Мысль, 1986; Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней, т. 2. Средневековье. - СПб.: Петрополис, 1994.

это одно из проявлений христианской добродетели вообще, следствие того универсального преобразования человеческой культуры, которое было ознаменовано утверждением в сознании народов христианского учения.

Поскольку каждое из этих понятий, выражающих основные христианские нравственные ценности, по существу, оказывается тождественным всему ряду понятий, или лишь на особый манер выражает всё христианское учение как целое, то можно сказать, что их смысл в существенной степени совпадает, что, например, фрагменты Священного Писания, в которых стоит «милосердие», или «кротость», или «братолюбие», на самом деле раскрывают также и смысл миролюбия.

Подобное положение нельзя считать следствием неопределенности базовых понятий христианской культуры, речь должна идти скорее о том, что *всё* христианское учение следует принимать во внимание, если мы хотим понять, что для христианского сознания есть «милосердие», или «кротость», или «миролюбие». Для того, чтобы непосредственно указать на эту сторону христианского учения, приведём здесь знаменитое начало 13 главы Первого послания апостола Павла к коринфянам, которое можно назвать «гимном» христианской любви-состраданию:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая, или кимвал звенящий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы (то есть эти жертвы не приблизят спасения души, главной цели земной жизни христианина, - О.К.)»¹²⁹ и т.д.

Однако речь здесь идёт не только о любви. Если сравнить этот фрагмент с теми новозаветными текстами, в которых речь непосредственно идет о миролюбии, то мы увидим несомненную содержательную близость. Поскольку подобных фрагментов в Новом Завете очень много, обратим внимание лишь на самые красноречивые высказывания о миролюбии, содержащиеся в Евангелии от Матфея. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».¹³⁰ Почти сразу же за этим обещанием спасения для миротворцев следуют призывы примиряться с братом¹³¹ и соперником.¹³² Ветхозаветная

¹²⁹ 1 Кор.,13,1-3.

¹³⁰ Мат.,5,9.

¹³¹ Мат.,5,24.

¹³² Мат.,5,25.

мораль, требовавшая, чтобы злодеяние наказывалось причинением ответного зла, в Новом Завете отменяется, и ей противопоставляется взгляд, который, когда он получит в истории европейской культуры полное развитие, будет называться «непротивлением злу силою»: «Вы слышали, что сказано (в Ветхом Завете, - О.К.): «око за око и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду».¹³³ «Вы слышали, что сказано (в Ветхом Завете, - О.К.): люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».¹³⁴

Как видим, христианская мораль не является «юридической», не соизмеряет деяние и воздаяние, но требует на всякое деяние отвечать добром, - только так добро и может победить! Если же отвечать на зло злом, то по человеческим нормам это, конечно же, справедливо, но цепь злодеяний окажется тогда бесконечной. Христианская мораль парадоксальна, она противоречит, по видимости, всему предшествующему опыту человечества, но христиане верят, что Бог «контролирует», чтобы её претворение в жизнь оказывалось целесообразным и с точки зрения ограниченных человеческих представлений о добре и зле: «А входя в дом, приветствуйте его, говоря: «мир дому сему»; И если дом будет достоин, то мир ваш придёт на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится».¹³⁵

Нельзя не заметить того, что «мир» - это ключевое слово Евангелия и всего Священного Писания, это первое слово Нового Завета человечеству: «Слава в вышних Богу, и на земле Мир, в человеках благоволение».¹³⁶ И в заключительном обращении к ученикам Иисус говорит: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам».¹³⁷ В видении пророка Исаии ... «Волк и ягнёнок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею»¹³⁸ трогательно выражена тоска по согласию и надежда на мир.

Обратим внимание теперь на некоторые фрагменты послания апостола Павла к римлянам - библейского текста, в котором интересующая нас тема также представлена очень ярко. Прежде всего, сами гнев и ярость - страсти души, противостоящие миролюбию, -

¹³³ Мат.,5,38-40.

¹³⁴ Мат.,5,43-44

¹³⁵ Мат.,10,12-13.

¹³⁶ Лк.,2,14.

¹³⁷ Иоан.,14,27.

¹³⁸ Ис.,65,25.

Павел уже считает наказанием Божиим за дурные дела.¹³⁹ Далее читаем: «Будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте»;¹⁴⁰ «Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте»;¹⁴¹ «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми»;¹⁴² «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию»;¹⁴³ «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо делая сие, ты соберёшь ему на голову горящие уголья».¹⁴⁴ Последнее выражение означает, что если ты отвечаешь добром тому, кого следовало бы считать твоим врагом, то ты тем самым как раз и не позволяешь ему оставаться твоим врагом, поскольку искреннее благодеяние, убеждён евангелист, не может не вызвать ответного чувства: добром человек способен превратить врага в друга.

Завершая рассмотрение библейского учения о миролюбии, приведём суждение известного отечественного исследователя античной и средневековой культуры Г.Г. Майорова, резюмирующее его анализ христианской «этики смирения»: христианская этика «призывала терпеть, но не для того, чтобы приспособиться к этому миру, а для того, чтобы развить в себе способность противостоять его натиску; призывала к смирению, но не из трусости ... и не затем, чтобы склониться перед мировым злом, а затем, чтобы силой смирения обуздать это сконцентрированное по христианским понятиям в человеческой гордыне мировое зло, победить его нравственно, духовно; она призывала любить и прощать даже врагов, но не потому, что вражда или ненависть признавались ею вполне простительными проявлениями человеческой слабости, а потому, что утопающий в ненависти мир не может быть очищен от этой ненависти ничем, кроме одной любви».¹⁴⁵ Традиция русского православия восприняла евангельские идеи миролюбия, сделав их важным элементом Священного Предания.

Русское православие считает Священное Предание не менее важным, чем Священное Писание, понимая под ним «то, что истинно верующие и чтущие Бога словом и примером передают один другому и предки - потомкам: учение веры, Закон Божий, Таинства и священные

¹³⁹ Рим., 2, 8.

¹⁴⁰ Рим., 12, 10.

¹⁴¹ Рим., 12, 14.

¹⁴² Рим., 12, 18.

¹⁴³ Рим., 12, 19.

¹⁴⁴ Рим., 12, 20.

¹⁴⁵ Майоров Г.Г. Цит. соч., с. 29.

обряды».¹⁴⁶ Христианство - *живая* религия, она способна сохранять себя лишь как связь верующих людей друг с другом и с Богом. Хранительницей этой связи и является православная церковь, те «дары», которые сохраняются ею для современников и потомков, и называются «Преданием» в православной традиции. В отличие от Писания, Предание обогащается в ходе исторической жизни народа. Если не связывать себя догматическим языком, то можно просто сказать, что Предание - это живая историческая традиция православной веры, которая открывает для нас то, как понимали и переживали христианские истины наши предки. Эта традиция указывает на то, что для них было значимым, в чём, прежде всего, заключается, по их мнению, смысл христианской религии. Знакомство с историей православия по дошедшим до нас благодаря церкви памятникам убеждает нас в том, какое большое место в православной литературе занимали идеи миролюбия.

Православие считает одной из важнейших своих задач служение делу сохранения и защиты мира. Христианское учение категорически запрещает разрешать разногласия путём войн, ибо убийство человека, жизнь которого является великим даром Божиим, есть тягчайшее преступление. Сама природа «вопиет» к Богу, требуя отмщения за убийство. Насилие кощунственно оскорбляет достоинство и призвание человека, потому что Бог, сотворивший человека, не есть Бог вражды и насилия, но Бог мира, согласия, гармонии и красоты. Человечество, сотворённое от «одной крови», есть, по убеждению православия, единое братство, единая семья Божия. Народы, нации, расы, входящие в эту семью, составляют общечеловеческий организм. И хотя, полагает христианство, организм этот болен грехом, Иисус Христос, убив на кресте вражду и примирив людей друг с другом, открыл для человечества возможность жить и развиваться в мире. Возможность эта, однако, может быть реализована лишь благодаря усилиям самих людей, способных смирять свои страсти и находить взаимопонимание со своими ближними.

Об этом повествует, в частности, житийная литература, которая появляется на Руси уже в XI веке и изображает духовно чистых миролюбивых людей, которых можно было бы назвать «идеальными» христианами. Влияние житийной литературы в значительной степени обусловлено тем, что «повествование ведёт читателя прямо, никуда не сворачивая, к благочестивой развязке - морали, ради которой рассказ и

¹⁴⁶ Пространный христианский катехизис православной кафедральной восточной церкви. Сост. Митр. Филаретом (Дроздовым). - Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. - С. 8.

записывался».¹⁴⁷ Эта особенность «житий» делает их понятными для самого простого и неискущённого читателя, она приносила в воспитание высокую нравственность, способствовала возвышению душ юных читателей. Жития воспитывали в читателях такие нравственные качества, как бескорыстие, всепрощение, миролюбие, терпимость.¹⁴⁸

Первыми героями житийной литературы на Руси были благочестивые греческие святые, затем их круг расширяется, пополняясь новыми русскими образами. Особенно почитались среди них воители, защитники земли Русской от внешних врагов: святые князя Владимир, Михаил Черниговский, Александр Невский. В их подвигах ценились и личная праведность, и национальное служение. Они защищали родную землю, и «богоугодность» их видели в самоотверженной, жертвенной любви к народу. В житиях святых - воителей за Русскую землю - такая готовность положить «свой живот» «за други своя» была постоянной и едва ли не главной темой.

В эпоху империи, в XVIII-XIX веках, и в официальном, и в народном почитании значительное место отводилось святому Александру Невскому. В народном предании, описывающем битву на Чудском озере, в роли небесных покровителей и защитников Руси от внешних врагов выступают святые князя Борис и Глеб. Эти святые оказались первыми, кто был канонизирован Русской православной церковью, и это обстоятельство вряд ли может восприниматься как нечто случайное. История канонизации имеет самое непосредственное отношение к формированию русского национального самосознания. Согласно дошедшим до нас житийным памятникам, Борис и Глеб приняли смерть добровольно, не оказав сопротивления убийцам, посланным их коварным братом Святополком.

Пав жертвой политического преступления, они не стали мучениками за веру, но, отказавшись от сопротивления, Борис и Глеб как бы последовали примеру Христа. Тем самым они заложили в народное сознание идею непротivления злу, которая, по выражению Георгия Федотова, стала «национальным русским подвигом, ... подлинным религиозным открытием новокрещённого русского народа».¹⁴⁹ С их именами связано становление очень популярного в православной традиции чина страсотерпцев.

Вскоре после канонизации в конце XI века образы святых Бориса и Глеба получили дальнейшее развитие: из святых

¹⁴⁷ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1984. – С. 45.

¹⁴⁸ См.: Василькова Ю.В. Страницы отечественного образования: из истории России, православия, литературы. - М.: Изд-во МНЭПУ, 1996.

¹⁴⁹ Русские. – С. 648.

непротивленцев они преобразились в небесных покровителей земли Русской от внешних врагов. Память о небесных покровителях Борисе и Глебе сохранилась во многих преданиях, повествующих о борьбе с иноземными завоевателями. В.В. Колесов отмечает, например, что «во всех сказаниях о Куликовской битве Дмитрий Донской - сродник Бориса и Глеба, тогда как его политический противник Олег Рязанский (поддерживавший Мамаю, - О.К.) именуется сродником Святополка».¹⁵⁰

В истории России содержание духовной литературы переплеталось и органично соединялось с переживаниями, которые испытывал народ, каждый русский человек. Только с учётом этого обстоятельства понятно то преобразование образов святых Бориса и Глеба, которое произошло в народном сознании, ведь Руси и России пришлось пережить несчётное количество военных нашествий и нападений, волею судьбы русский народ оказался в центре основных военных конфликтов на Евразийском материке. История, жизнь нашего народа, полная войн и сражений, с колыбели воспитывали мужество, патриотизм, но также - сострадание, любовь и всепрощение, то есть именно главные христианские добродетели, оказавшиеся вследствие естественного развития истории нашего Отечества и подлинно народными добродетелями России.

Эти добродетели и воспитывало, прежде всего, православие, и миролюбие занимало среди них очень важное место. Основы нравственности каждого народа формируются в течение длительного времени, и результаты этого процесса составляют важнейшую часть его духовной жизни. Миролюбие и милосердие, и притом в самых разных их проявлениях, являются крайне характерными для нравственной культуры русского народа и других народов России. Сама история России способствовала формированию в народном сознании милосердия и миролюбия, и это влияние истории естественным образом соединилось с проповедью православия, выступившего в качестве нового основания всей системы нравственных понятий отечественной культуры. «В христианских учениях, - справедливо пишет В.А. Шутова, - милосердие рассматривается как жизненно необходимое добродетельное свойство, которое берёт своё начало у любви к окружающим. Именно любовь учит радоваться успехам других и опереживать чужому горю».¹⁵¹

Итак, цельность народной нравственности определялась у русских людей православной верой. Вера являлась непрменным свойством человека, отвечающего нравственному идеалу большинства крестьян. Крестьянское сознание связывало поведение человека с

¹⁵⁰ Колесов В.В. Цит. соч, с. 30.

¹⁵¹ Шутова В.А. Цит. соч, с. 17.

состоянием его веры. Судили о вере по аккуратным посещениям церкви, по соблюдению постов и обрядов, по хождениям на богомолья, но особенно - по степени выполнения нравственных норм в целом. «Креста на тебе нет», - говорили человеку, совершившему бессовестный поступок. И, наоборот, «живёт по-божески», «живёт по-христиански», - говорили о тех, кто был совестлив, милосерден, миролюбив.¹⁵²

Христианство с самого начала было «образовательной» религией, поэтому для верующих был естествен интерес к духовным книгам. Иисус, по библейским характеристикам, сам был учителем и принял обучение как основной метод распространения своих взглядов: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа»,¹⁵³ - говорит он своим ученикам. Христианство всегда было поэтому образовательным движением, системой формирования определенного типа поведения. Поэтому и вся христианская литература «педагогична», она является наставительной, направлена на то, чтобы благочестивые родители воспитывали своих детей в духе повиновения христианским ценностям. Для русских людей было характерно отношение к книге как к иконе. Не случайно в крестьянском доме книга хранилась за ризницей, как икона, в переднем углу. Грамотные крестьяне читали Евангелие, жития, другую духовную литературу вслух семье, соседям, на встречах, которые специально для этого организовывались. Чтение вслух в дореволюционной деревне отмечается в самых разнообразных источниках. В архивных материалах часто встречаются подобного рода наблюдения: «Безграмотные крестьяне часто собираются послушать, если кто-нибудь им почитает. Для этого они собираются вместе к кому-нибудь в избу и слушают чтеца. Затем после чтения по-своему обсуждают прочитанное»¹⁵⁴

На духовной литературе основывалась, как известно, и система обучения грамоте. Чаще всего для этих целей использовался Псалтырь. Обучение основам православия, чтению и письму происходило, таким образом, в неразрывном единстве. В архивных источниках подтверждается, что у многих крестьян наряду с иконами дома можно было видеть и книги духовного содержания: «Каждый крестьянин заботится о том, чтобы у него в избе было побольше икон, и чем больше икон, тем «баше». Из книг больше всего распространены «Псалтырь», «Евангелие», «Жития святых», «Святцы», молитвенники. В некоторых домах попадают и «Библии»».¹⁵⁵

¹⁵² АГМЭ, 7, 1, 535, 9.

¹⁵³ Мат., 28, 19.

¹⁵⁴ АГМЭ, 7, 1, 821, 61.

¹⁵⁵ АГМЭ, 7, 1, 821, 29.

Церковь прививала человеку определенные нормы поведения, приучала его с раннего детства отвечать за свои поступки. Нельзя не подчеркнуть и воспитательную роль исповеди. Исповедуясь с семи лет, ребёнок привыкал анализировать своё поведение, свои отношения с другими людьми. Учился давать самостоятельную оценку добрым и дурным поступкам. Важную роль в духовной жизни христианина играла и молитва. Она также имела воспитательную направленность. Соотнесение своих поступков с нравственным идеалом вырабатывает у человека привычку к самоанализу и самоконтролю, развитию умения сосредотачивать своё внимание. Молитва выступала и в качестве средства воспитания воли.¹⁵⁶

Сосредоточенное размышление молящегося как психологический приём призвано направить волю человека на достижение поставленной цели, сделать её центральным пунктом сознания. Молитва, произносимая не механически, а с чувством, продуманно, стимулирует в человеке развитие и укрепление лучших моральных качеств, способствует подавлению низменных страстей, нежелательных эмоций, иначе говоря, молитва выступает как приём регулирования настроения, один из методов самовоспитания. Имея несомненное влияние на эмоциональную жизнь человека, молитва должна быть признана хорошим воспитательным методом в процессе формирования культуры эмоций человека, целесообразным приёмом стимулирования желательных и подавления нежелательных эмоций.¹⁵⁷

Но подлинно благочестивым человеком является не тот, кто всё время проводит в молитвах, а тот, кто, прежде всего, добродетелен в жизни. Аскетическое следование заповедям Христа недостаточно для спасения. Нужно творить добрые дела, сострадать и помогать ближним. Воспитание в России осуществлялось на евангельских заповедях терпения, смирения, отречения. В «Изборнике» 1076 года на вопрос «Что требует небесный царь от земных людей?» даётся ответ: «Милостыни и добра», а в сборнике «Пчела» проводится идея, согласно которой главное для человека - стремление к свершению благих дел.¹⁵⁸

Средством очищения нравственной обстановки в деревне служили обычаи просить прощения при определённых обстоятельствах. Обычаи эти были приняты как внутри семьи, так и в общине в целом. В их основе лежали христианские идеи покаяния и взаимного прощения. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам

¹⁵⁶ Василькова Ю.В. Цит. соч., с. 154.

¹⁵⁷ Сорока-Росинский В.Н. Молитва // Вестник знания. 1908, №6. – С. 762.

¹⁵⁸ См.: Василькова Ю.В. Цит. соч.

Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».¹⁵⁹

Человек, который затаил обиду и собирается мстить за неё, не встречал одобрения в крестьянской среде. С.Я. Дерунов, один из собирателей этнографических материалов в XIX веке (Пошехонский уезд Ярославской губернии), замечает, что «мщения русский народ почти не понимает».¹⁶⁰ Признавались либо открытая и непосредственная реакция на обиду, либо безусловное прощение вины. Во всех источниках отмечается, что умение прощать для многих крестьян было естественным и необременительным.¹⁶¹

Возможность помириться после явных или скрытых ссор, простить друг другу большие и малые обиды, снять психологическое напряжение, возникшее во взаимоотношениях в семье или между соседями, давал, в частности, обычай просить прощения в конце масленицы, в последнее воскресенье перед Великим постом. Поэтому это воскресенье получило название «прощёное воскресенье» или «прощёный день». Обычай был распространён у русских крестьян повсеместно. Смысл этого обычая заключается в религиозно-нравственном очищении через примирение, через взаимное прощение прегрешений. Характерно, что право прощать в этом обычае признаётся только за Богом, только перед ним человек может оказаться виновным. Друг другу же люди должны прощать все обиды и прегрешения безусловно. У человека, существа без помощи Бога слабого, не может быть никаких оснований для гордыни. После бурного веселья последней перед Великим постом недели, во время которой как бы прощались с обильным столом и другими мирскими радостями, обычай просить прощения заставлял ощутить переход к строгим семи неделям, сопровождавшийся повышением нравственных требований к себе.

Внимательно следили крестьяне за соблюдением постов, сроки которых были известны в деревне всем от мала до велика. Особенно большим грехом считалось нарушение Великого поста. Почти таким же было отношение и к Успенскому посту: люди усердно молились, мало разговаривали друг с другом. В архивных материалах сплошь и рядом встречаются утверждения, что «все установленные церковью посты строго исполняют; нарушать пост считается грехом».¹⁶² «Старики и квас в эти дни пить считали грехом. Во время этих двух постов не пели песен и детям запрещали петь. Воздерживались от брани и ссор между

¹⁵⁹ Мат., 6, 14-15

¹⁶⁰ АГМЭ, 7, 1, 11794, 35.

¹⁶¹ Русские. – С. 668.

¹⁶² АГМЭ, 7, 1, 821, 31.

собою».¹⁶³ Необходимость соблюдения постов распространялась и на детей: «Мать также строго наблюдает за тем, чтобы дети соблюдали посты. Трехлетнего ребенка уже каждая мать приучает в постные дни есть постные кушанья. Например, вместо молока даёт чёрный хлеб, помащенный постным маслом».¹⁶⁴

Повсеместно признавалась необходимость духовного очищения во время поста: готовились к причастию, исповедовались и причащались; чаще посещали церковь, некоторые крестьяне увеличивали время домашних молитв. Трудно переоценить значение всей этой системы представлений и норм поведения, связанных с постами, для духовного совершенствования, развития внутренней нравственной дисциплины, для укрепления силы воли, направленной во благо, для умения ограничивать себя, соблюдать запреты.

Архивные материалы этнографического музея говорят о том, что в жизни русской деревни было много добрых дел в чистом и явном их проявлении. В их числе - и обычай одаривать и угощать арестантов на Пасху. Например, в Талызинской волости Орловской губернии на «Велик день» вели к себе разговляться всех, кто сидел в это время под арестом в волостной тюрьме. В крестьянском доме арестанту дарили чистую рубашку, и хозяин усаживал его рядом с собой за стол и угощал как самого близкого родственника.¹⁶⁵ Подарки и угощения арестантам были связаны в крестьянских представлениях с долгом христианина делать добрые дела, быть милосердным и миролюбивым.

Жизнеописания известных подвижников и монастырские летописи XIX века говорят о тесной связи русского народного благочестия с монастырским подвижничеством. «Крестьянином Рязанской губернии был знаменитый старец Илларион, прозванный Троекуровским затворником. Он с детства отличался кротостью характера и отчужденностью от мира. Было отмечено, что, когда его обижали, он молился Богу за обидчиков ... Дальнейший путь - паломничество в Киев, отшельничество в лесу, в пещере, затвор в келье, выстроенной для него соседским помещиком».¹⁶⁶

Перечень таких судеб может быть продолжен. Понятно, что идеал нравственного, глубоко верующего человека имел в русской крестьянской среде реальные воплощения, живые образы, само существование которых и общение с которыми служили для других постоянным источником представлений о том, к чему следует стремиться.

¹⁶³ Русские. – С. 660.

¹⁶⁴ АГМЭ, 7, 1, 1661, 3.

¹⁶⁵ АГМЭ, 7, 1, 974, 13-21.

¹⁶⁶ Русские. – С. 664.

Другое явление, связанное с первым по части взаимодействия мира и монастыря, - это старчество. Старцы руководили духовной жизнью относительно широкого круга верующих мирян. Приобретению необходимых для такого учительства свойств всегда предшествовал тяжкий труд духовных подвигов. Как правило, общению с мирянами предшествовало время затвора, когда общение было совсем или почти совсем прекращено. Безусловное подчинение указаниям старца, полный отказ от своей воли принимались частью монастырской братии. Миряне же либо обращались за советом по конкретному поводу, либо приходили к старцу постоянно, то есть избирали его своим духовным наставником (вспомним образ старца Зосимы у Ф.М. Достоевского).

Возможность стать на путь аскетических подвигов монашеского уровня, не находясь постоянно в монастыре, давало келейничество. Жители селения, как правило, хорошо относились к намерению стать келейником или келейницей: духовный подвиг одного открывал дополнительные возможности для других, например, для обучения детей и юношества чтению церковной литературы и рукописей. «Далеко в округе распространилась известность крестьянина-пустытника, праведника, поселившегося на краю деревни или в стороне от неё в землянке или маленькой избёнке, ведшего праведный образ жизни, дававшего приходившим к нему советы, религиозно-нравственные наставления, беседовавшего на эти темы. К числу добродетелей такого старика крестьяне относили то, что он обиды сносит смиренно, сам никого не обидит».¹⁶⁷ Прав был А.А. Коринфский, исследователь быта и культуры крестьян конца XIX века, писавший: «Чуткое сердце простолюдина более, чем бы то ни было наделено способностью смотреть проникновенным взором в глубину обступающего сумрака и находить в нем яркие просветы, не только примиряющие с жизнью, но даже вызывающие в самом оскорбленном и униженном судьбою человеке любовь к ней. На свой лад воспринимая впечатления от всего окружающего, суевренная душа народа, до сих пор остающегося «тысячелетним ребёнком», близка к матери-природе, как былинка к взрастившей её земле-кормилице».¹⁶⁸

Итак, православие на Руси выполняло функции воспитания и просвещения в семье, благодаря чему укреплялись устои и обычаи народа. Высоко ценилось в народе умение жить по христианским заповедям. В частности, следование заповеди «Не убий» вытекало из свойственного простым людям стремления к миру, «Не укради»

¹⁶⁷ Русские. – С. 668.

¹⁶⁸ Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / Сост. Сорокин В.В. - М.: Московский рабочий, 1995. – С. 507.

соответствовало потребности жить личным трудом, а также сохранять достояние, созданное умом и руками других людей. Толкование основных христианских добродетелей естественно сочеталось с крестьянским бытом, а они включали в себя и миролюбие, и милосердие, и долготерпение, и сострадание. Следование этим добродетелям, утверждала церковь, способно подготовить человека к праведному завершению земной жизни, сделать его достойным спасительной благодати.

Смысл жизни для христианина - спасение души. В стремлении к этому идеалу проходила вся народная жизнь. И Русь называли святой потому, что народ её стремился к святости, чистоте, духовному совершенству. И.А. Ильин писал о воспитательной роли православия: «В нравственной области это дало русскому народу живое и глубокое чувство совести, мечты о праведности и святости, верное осознание греха, дар обновляющего покаяния, идею аскетического очищения, острое чувство правды и «кривды», добра и зла».¹⁶⁹ Отсюда же - столь характерный для русского народа дух милосердия и всенародного, бессловесного и сверхнационального братства, сочувствие к бедному, слабому, больному и даже преступнику.¹⁷⁰

Традиции воспитания миролюбия у детей, сформировавшиеся под влиянием православия, оказывали глубокое влияние на жизнь многих поколений русских людей. Благодаря этому в русской культуре сложилось вполне определенное понимание миролюбия как важнейшей морально-нравственной установки, ценности, на которую ориентировалась и народная педагогика. Востребованность этих религиозно-нравственных традиций в наше время обусловлена, прежде всего, соответствием их содержания общечеловеческим нормам нравственности. Их возрождение будет способствовать укреплению и духовному обновлению современной российской семьи и общества в целом.

Культура всякого народа несёт в себе общечеловеческие ценности - те ценности, которые определяют нашу причастность к истории и культуре человечества в целом. Вместе с тем исторический опыт каждого народа своеобразен, его специфика, определяемая природными условиями жизни этноса, взаимоотношениями с соседними народами, особенностями социальной и культурной истории, предопределяет наличие в народном сознании доминирующих идей и представлений, выражающих само существо культуры народа, его «душу». Именно эти идеи и представления определяют, главным

¹⁶⁹ Ильин И.А. За национальную Россию // Слово, 1991. IV. – С. 55.

¹⁷⁰ См.: Достоевский Ф.М. «Дневник писателя» за 1873 год (Статьи «Среда», «Власть») // Дневник писателя. Избранные страницы. – М.: Современник, 1989.

образом, самобытность, индивидуальность национальных культур и составляют те характерные черты, которые отличают данную культуру от всех других культур.

Изучение истории России и отечественной культуры свидетельствует о том, что подобной идеей, принадлежащей к числу общечеловеческих ценностей и в то же время выражающей всю полноту исторического опыта народов России, идеей, вокруг которой сформировалось национальное самосознание и вся культура народа, является идея миролюбия.

Развитие этой идеи было обусловлено всей историей России. Народы нашей страны, жившие на протяжении длительного времени в непосредственном соседстве и взаимодействовавшие в хозяйственной, политической и культурной сферах, не могли не осознать на глубинном уровне связь своей жизни с умением мирно уживаться с людьми других этносов, других религиозных и культурных укладов. Сформировавшись как ведущая идея российской культуры, идея миролюбия должна была найти способы передаваться от поколения к поколению, а следовательно, и традиционная народная педагогика должна была сформировать механизмы передачи опыта межнационального и межконфессионального общения людей, способствовать формированию у них умения уживаться в неоднородном в национальном и религиозном отношении обществе. Педагогическая проблема воспитания миролюбия у детей возникла, таким образом, как естественная потребность жизни народов России, которые должны были найти путь к взаимопониманию и мирной жизни, - эту педагогическую задачу и решает, прежде всего, народная педагогика.

Часть четвёртая.
ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ
МИРОЛЮБИЯ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ:
НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ТРУДА И ПРАЗДНИКА

Менталитет русского человека, его духовные и душевные качества сформировались преимущественно в крестьянской среде. Россия была аграрной страной, крестьянство составляло большую часть её населения. Труд на земле, жизнь в деревне, «мире» как особом социуме, где каждый человек ежедневно был на виду, заставляли его соответствовать принятым в обществе нормам поведения и постоянно совершенствоваться. Как пишет О.А. Платонов, труд в России «никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причём трудолюбие было характерным выражением духовности», «трудолюбие, добросовестность, старательность, которые мы отмечаем в наших предках, являлись итогом их богатой духовно-нравственной жизни».¹⁷¹

Труд наряду с верой занимал важнейшее место в системе ценностей русского крестьянина - христианина по вере и по образу жизни. Тружеником, «трудником» в русском языке назывался человек, обрекший себя на тяжкие труды, сподвижник, мученик, трудящийся неутомимо. «Трудник», по Далю, - это вместе с тем и человек, работающий на монастырь, и сподвижник по обету, схимник.¹⁷² Для

¹⁷¹ Платонов О.А. Русская цивилизация. – М.: Роман-Газета, 1995. – С. 73.

¹⁷² См.: Даль В.И. Пословицы русского народа. - М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957.

верующего труд как таковой и является одним из главных средств спасения души и обретения Царства Божия, а христианская мораль характеризуется почтительным отношением к труду. Христианство сформировало у православного человека, преимущественно земледельца по роду занятий, представление о совместимости земледельческого труда с делами благочестия. Преподобный Симеон перед своей кончиной говорит своему другу диакону Иоанну: «Между простыми людьми, живущими в деревнях и возделывающими землю, многие проводят жизнь свою в незлобии и простоте сердца, никого не хулят, никого не обижают, но питаются трудами рук своих, в поте лица своего; между такими людьми есть великие угодники Божии».¹⁷³

В высшей степени почтительное отношение к труду, сформировавшееся в крестьянской общине, выражалось в уважительных эпитетах, которые относились не только к самому труду, но и ко всему, что так или иначе было с ним связано. Например, в прошениях писали: «Наше счастье в сохе», «земля-кормилица», «земля-матушка», само слово «труд» писалось с заглавной буквы. Возвышенное и серьезное отношение к труду выражалось и в предшествующих многим крестьянским делам обрядах, заговорах, молитвах. Всякое серьезное дело начинали лишь после принятия благословения, сотворив молитву.¹⁷⁴ Труд оказывал определяющее влияние на становление всего мировоззрения человека. Описывая этот процесс, В.А. Николаев пишет: «Вся жизнь крестьян была пронизана заботой об урожае, скотине, погоде, что формировало мировоззрение детей, приучало к ответственности за судьбу урожая, благополучие семьи. В бедной и богатой семье труд составлял основу существования».¹⁷⁵ Однако труд и праздник, трудовая и праздничная культура в жизни простого народа всегда были взаимосвязаны, поскольку главным предназначением праздника было освободить человека на время от тяжёлой будничной жизни для того, чтобы снова сделать возможной возвращение к ней. На взаимосвязь труда и праздника в народной жизни указывает М.А. Некрасова: «Весь цикл сельскохозяйственных работ от посева до урожая был трудом и одновременно праздником. Именно на весеннюю напряжённую трудовую пору полевых посевных работ приходилось большое количество праздников, сопровождавшихся весёлыми играми,

¹⁷³ Русские. – С. 189.

¹⁷⁴ См.: Березина Т.И. Трудовое воспитание детей в народной педагогике Сибири. Дис. ... канд. ист. н. – Новосибирск, 1991. – С. 79.

¹⁷⁵ Николаев В.А. Истоки русской народной педагогики. – С. 26.

гуляньями».¹⁷⁶ «Праздничное веселье, - продолжает М.А. Некрасова, - объединяло людей, освобождая их от трудовых перегрузок, от бремени забот. Оно создавало тот психологический настрой, который помогал человеку в нелёгком крестьянском труде, ... соединяло людей в коллективном труде».¹⁷⁷ Праздники, пишет В.И. Белов, «несли в быт организующее начало, упорядочивали трудовую стихию, были своеобразными вехами, ориентирами духовной и нравственной жизни».¹⁷⁸

Праздники, бытовавшие в крестьянской среде, подразделялись на календарные, земледельческие, церковные и семейные.¹⁷⁹ Праздник сопровождался преобразованием всего дома, внешнего облика людей и их поведения. Материалы государственного этнографического музея содержат сообщения о том, что праздники любят в народе и ждут.¹⁸⁰ Особенностью всех праздников, как указывает Д.И. Латышина, был их *«коллективный характер»*, участие всех жителей села, деревни, включённость в них всех возрастных групп, в том числе детей и подростков. В празднике человек особенно чётко ощущал свою неотделимость от других, здесь устанавливались, укреплялись контакты и происходило свободное общение».¹⁸¹

Уважение к земле и труду, а также радость, приносимая простыми народными праздниками, оказались причинами того, что тяжёлый крестьянский труд, сложные климатические и хозяйственные условия не сформировали всё же у крестьян недовольства жизнью. Чем тяжелее были условия жизни, тем более высокие требования предъявляла она к нравственности селян и умению сохранить в своей душе способность преодолевать все трудности и радоваться жизни. Зависимость от земли, от её плодородия, от погоды требовали от человека быть терпимым к другим людям, дорожить добрыми отношениями с ними, что за века сформировало в крестьянской среде миролюбивый тип межчеловеческих отношений. Исследователи (Громько М.М., Николаев В.А.), указывая на то, что благополучие крестьянской семьи зависело от отношений с односельчанами,

¹⁷⁶ Некрасова М.А. Народное искусство России // Народное творчество как мир целостности. - М.: Советская Россия, 1983. - С. 67.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Белов В. Лад: Очерки о народной эстетике. - М.: Молодая гвардия, 1989. - С. 212.

¹⁷⁹ Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли). - С. 129-131.

¹⁸⁰ См.: АГМЭ, 7, 1, 535, 6; АГМЭ, 7, 1, 1297, 36; АГМЭ, 7, 1, 1626, 3.

¹⁸¹ Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли). - С. 131.

отмечают, что честному, трудолюбивому крестьянину давали в долг зерна, могли помочь починить инвентарь, в тяжелый для него момент на помощь к нему приходила вся деревня. Выжить в одиночку человеку часто было просто невозможно. Не было для человека наказания страшнее, чем остаться в одиночестве. Даже нелюдимый, замкнутый крестьянин должен был знаться с родственниками, соседями, здороваться с каждым встречным, ходить в гости и принимать у себя гостей, если он хотел сохранить и приумножить своё хозяйство.¹⁸²

Крестьянские дети, воспитывавшиеся в атмосфере уважения к труду, искреннем ожидании и переживании праздника, готовились семьёй и общиной к тому, чтобы однажды принять на себя исполнение всех обязанностей по ведению хозяйства. Успешное ведение хозяйства предполагало наличие у крестьянина уважения к земле, на которой он жил и трудился, именно земля занимала основное место в сознании русского крестьянина.¹⁸³ Ответственное отношение к земле как кормилице, основе жизни и благополучия, составляло неотъемлемую часть крестьянского мировоззрения, основание его трудовой активности, а также его эмоциональных и ценностных ориентаций. «Власть земли» была важнейшим фактором, определяющим жизнь русского крестьянина, она довлела над всеми его мыслями, чувствами и отношениями. Она определяла стиль поведения, нравственные устои, мировоззрение работавшего на земле человека. Русский писатель Г.И. Успенский так описывал этот феномен: «Огромнейшая масса русского народа до тех пор могуча и терпелива в несчастиях, до тех пор молода душой, мужественно сильна и детски кротка - словом, народ, который мы любим, к которому мы идём за исцелением душевных мук, - до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, откуда над ним царит власть земли, откуда в самом корне его существования лежит невозможность послушания её повелений, откуда они властвуют над его умом, совестью, откуда они наполняют всё его существование».¹⁸⁴

Наглядным средством воспитания у детей миролюбия и желания помогать друг другу, средством приобщения детей к коллективным формам работы служили разнообразные виды взаимопомощи, издавна распространённые среди крестьян. Они играли существенную роль в хозяйственной деятельности крестьян, вырабатывая у них и передавая из поколения в поколение трудовые приёмы и навыки. Суть этой традиции заключалась в том, что крестьяне собирались и бесплатно трудились для «завершения какого-либо

¹⁸² Николаев В.А. Истоки русской народной педагогики. – С. 23.

¹⁸³ Там же, с. 23-24.

¹⁸⁴ Успенский Г.И. Избранное. - М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1953. – С. 465.

срочного этапа работы у отдельного хозяина».¹⁸⁵ Практически «с пелёнок» крестьянские дети наблюдали или участвовали в разнообразных по содержанию видах взаимопомощи. К «помочам» обращались при постройке домов, во время сенокосов, уборки урожая, в различных промыслах.¹⁸⁶ Случалось, что семи - восьмилетние дети организовывали своеобразные ребячьи «помочи», помогая маленькому крестьянину «по силам» в период страды. В более старшем возрасте девочки-подростки собирали свои «посиделки», повторяя традицию «супрядок». Такие «посиделки» описал Г.С. Виноградов со слов крестьянок Тулуновской волости Иркутской губернии: «Собирались у одной бедной старухи ... Как отпрядём, чай пьём ..., потом играть примемся всяко: и «в клетки», и «в уголки» ... И в куклы тоже играли».¹⁸⁷

Как видим, традиция взаимопомощи имела большое воспитательное значение. Помогая друг другу, работали «плечом к плечу», «ускоренным темпом, всякий хотел отличиться, всякий боится отстать от других, тем более, что это всегда будет замечено».¹⁸⁸ Традиция взаимопомощи часто оказывалась важным воспитывающим фактором ещё и потому, что в ней, в самой структуре её, было заложено праздничное настроение, поскольку коллективный труд сочетался с играми, угощением, гулянием. Было замечено, что на работу «помочане» одевались «гораздо лучше, чем на поле в будничное время».¹⁸⁹ Рассматривая традицию взаимопомощи в крестьянской среде, Д.И. Латышина пишет: «Так с самого раннего детства пробуждались в душе человека доброта к людям, готовность к взаимовыручке и стремление облегчить жизнь своим соседям, родственникам и просто нуждающимся в помощи».¹⁹⁰

Приобщение детей к крестьянскому труду проходило по хорошо продуманной, отработанной многими поколениями системе. Как показывают архивные материалы, детей начинали приучать к труду, как правило, уже с семи лет, отмечая, что «маленькое дело лучше большого безделья». Это диктовалось представлением о том, что если ребёнка «сызмальства» не привлекать к работе, то он в дальнейшем не будет иметь «усердствующей способности» к крестьянскому труду.

¹⁸⁵ АГМЭ, 7, 1, 1641, 3.

¹⁸⁶ См.: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. – М.: Наука, 1986.

¹⁸⁷ Березина Т.И. Цит. соч., с. 83.

¹⁸⁸ АГМЭ, 7, 1, 983, 18.

¹⁸⁹ АГМЭ, 7, 1, 1701, 15.

¹⁹⁰ Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли). – С. 126.

Человек, по мнению русских крестьян, может хорошо и с радостью выполнять тяжёлую работу пахаря, жницы, плотника, если привычка к труду вошла в его плоть и кровь с раннего детства.

Процесс подготовки ребёнка к труду осуществлялся поэтапно и, естественно, с учётом пола ребёнка. Девочкам поручалась работа, выполнение которой готовило её к будущей жизни женщины, матери и жены. К примеру, первой обязанностью семи - восьмилетней девочки было нянчить младших братьев и сестёр. В некоторых деревнях девочку этого возраста вообще называли «пестунья», «нянюшка». Она нянчила малыша дома, качая его в люльке и напевая колыбельные песни, присматривала за ним на улице, играла с ним, возила в тележке по лесной дороге к матери, работавшей с утра в поле, чтобы она его покормила. И.И. Шангина замечает, что «вид восьмилетней пестуньи, несущей на руках грудного младенца, с трехлетком, бегущим рядом, держащимся за сарафан сестрички, был типичен для русской деревни».¹⁹¹ Естественно, что уход за младенцем развивал в девочке особую чуткость души, терпеливость, миролюбие. Косвенным подтверждением этому могут служить колыбельные песни, тексты которых были насыщены миролюбивой лексикой.¹⁹²

Девочка десяти-одиннадцати лет уже начинала участвовать в полевых работах: вязала снопы за матерью-жницей, собирала оставшиеся в поле колоски. В этом возрасте она уже умела хорошо прясть и шить, приучалась ткать, ухаживать за коровой, помогать матери в приготовлении еды для всей семьи, и к семнадцати годам девочка приобретала все знания и навыки, необходимые крестьянской женщине, будущей хозяйке дома.

Подготовка к трудовой деятельности мальчиков была более длительной. Мужская работа в крестьянском хозяйстве была сложнее, чем женская, и она требовала большего физического напряжения. Обучение мальчиков заканчивалось обычно лишь к семнадцати-восемнадцати годам. Оно начиналось с просьбы подержать инструмент, подать гвозди, принести бересту. «Мальчик до восьми лет бегает без штанов и считается почти ещё негодным ни к какому крестьянскому труду».¹⁹³ В девять-десять лет подросток хорошо управлял лошадьёю: мог её запрячь и распрячь, умел править ею как взрослый мужчина. В тринадцать лет мальчик учился пахать. Отец оставлял ему небольшой участок земли, давал соху или плуг, а затем проверял качество работы. В это же время мальчик впервые брал в руки косу. Ему позволялось

¹⁹¹ Шангина И.И. Русские дети и их игры. - СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С. 54.

¹⁹² См.: Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. - СПб.: Питер, 2000.

¹⁹³ АГМЭ, 7, 1, 1661, 6.

косить около дома, по задворкам деревни для заготовки одноразового корма скоту. Шестнадцати - семнадцатилетний подросток приобретал навык почти во всех мужских крестьянских видах работы, за исключением сева. Участие в севе как самой трудной и ответственной работе начиналось лишь с восемнадцати лет.¹⁹⁴

Приучение подростков к труду в русской деревне проходило под руководством взрослых легко и естественно. Воспитываясь в атмосфере уважения к труду, дети сами рано проявляли интерес к тому, что делали взрослые, выказывали желание заняться полезной для семьи работой, стремились походить на своих постоянно занятых крестьянским трудом родителей. Объективно целью народного воспитания являлась подготовка подрастающих поколений к труду, к практической жизни. При этом в самой народной среде цель воспитания осознавалась в виде некоего образа совершенного человека. Г.Н. Волков писал, что «формирование совершенного человека – лейтмотив народного воспитания»,¹⁹⁵ нашедшего своё отражение в фольклоре. Произведения народного искусства и традиционные обряды дополняли трудовое воспитание и способствовали формированию качеств «совершенного человека», то есть человека, заключающего в себе лучшие черты народа. У народа, большая часть которого была занята земледельческим трудом, складывающийся «идеал» впитывал в себя, прежде всего, крестьянские ценности – трудолюбие, уважение к земле, традиции общительности и взаимопомощи, миролюбия.

Итак, основной воспитательной обязанностью семьи и общины была передача традиций уважительного отношения к земле и труду. Об этом свидетельствовало наличие специальных земледельческих обрядов - молебнов, крестьянских ходов к источнику, вокруг полей, лугов, вокруг деревни. Как отмечает В.А. Николаев, эти обряды были приурочены к важнейшим событиям крестьянской жизни - первому выгону скота на пастбище, вспашке и севу яровых хлебов.¹⁹⁶ «Возвышенное отношение к полевым работам формировал обряд «наречение пахаря». Им становился наиболее благочестивый и «добрый» хозяин. Он обращался к односельчанам с просьбой простить его за вольные и невольные прегрешения, просил благословения. Ему отвечали: «Бог тебя благословит! Ты только вставай пораньше, молись больше и начинай работу не с бранью, а с крестом и молитвою».¹⁹⁷

В дошедших до нас описаниях крестьянского труда часто встречается и мотив миролюбия и сотрудничества в общем деле: «Все

¹⁹⁴ АГМЭ, 7, 1, 1682, 8.

¹⁹⁵ Волков Г.Н. Цит. соч., с. 47.

¹⁹⁶ Николаев В.А. Истоки русской народной педагогики. – С. 24.

¹⁹⁷ Николаев В.А. Истоки русской народной педагогики. – С. 24-25.

крестьяне оберегают свою честь, стараются трудиться, чтобы не прослыть лентяем и мотыгой, а также не остаться должником перед соседями. Каждый старается не быть лжецом и обидчиком, а также не нажить славы, что он не крестьянин, а прощельга и самознайка. Самой лучшей оберегательницей чести крестьянин считает трудовую жизнь, а каждого крестьянина первоначальное воспитание - приучение к труду».¹⁹⁸

Наряду с обрядами, в которых участвовали взрослые, в русской деревне были и обряды, которые исполнялись только детьми. Например, обряд «обсевание изб» исполнялся детьми в Васильев день, то есть в первый день нового года. Рано утром, собравшись в небольшие группы, дети обходили крестьянские дома, поздравляли их обитателей с новым годом и обсыпали под пение передний угол, пол, лавки и самих хозяев овсом. Благодарные хозяева одаривали детей хлебом, пирогами. «Обсевание изб» проводилось с пожеланиями урожайного года и плодородности скота. Среди обрядов, исполняемых детьми, был и обряд «встречи весны», который проводился в марте. Он проходил в дни перед весенним равноденствием и должен был стимулировать солнце, дающее жизнь, тепло, радость, мир и благополучие.

В ритуальных действиях по «заклианию весны» использовалось специальное печенье «жаворонки» и «кулики», которое раздавалось детям. Получив «жаворонков», ребята натывали их на палочки, привязывали к ним нитки и бегали по улицам, огородам, раскладывали их на пригорках, распевая приуроченные к этому моменту песни. Во многих песенках дети просили жаворонков принести им вместе с весной успешный труд, мир, благополучие, сытость.¹⁹⁹

Особой торжественностью и эмоциональным подъёмом был отмечен каждый вид и этап крестьянской работы. Атмосфера праздника, общего веселья создавалась во время сенокоса. Несмотря на то, что это был тяжелый и напряженный труд, вся община, особенно молодёжь, веселилась в течение всего этого периода, который нередко продолжался до двадцати-тридцати дней.²⁰⁰ Крестьянские праздники зависели от порядка и ритма сельскохозяйственных работ, но они выполняли и непосредственно «развлекательные» функции. Игры, песни, забавы снимали физическую и психологическую усталость, пробуждали благородные чувства уважения к человеку-труженику, способствовали созданию в обществе настроения близости и единства людей. Однако «особенности молодёжного досуга состояли в том, что

¹⁹⁸ АГМЭ, 7, 1, 1791, 12.

¹⁹⁹ АГМЭ, 7, 1, 1626, 7.

²⁰⁰ См.: Громько М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 39.

чаще всего гулянье молодежи не было бессмысленным времяпрепровождением, они тесно связывались с трудом, отражая его последовательность в связи с природными циклами. В процессе различных форм проведения досуга шла передача от поколения к поколению представлений об окружающем мире, передача опыта, навыков труда и повседневной жизни, проходило освоение нравственных норм младшими его участниками и развитие их эстетических вкусов».²⁰¹

Многие русские праздники отличались ярким весельем, обильным застольем. Объединяющее всех гулянье снимало психологическое напряжение и восстанавливало миролюбивый и доброжелательный настрой среди крестьян. Значение праздничной культуры для становления миролюбивого характера людей заключалось, таким образом, в том, что с приходом праздника забывались обиды и размолвки, прекращалась вражда. Уклоняться от праздника считалось грехом, проявлением неуважения к землякам. Повидимому, такое отношение к праздникам связано с тем, что они органично вписывались в жизнь общины, которая регламентировала не только трудовую деятельность человека, но и его досуг. Описание старинных общинных праздников, «пиров» и «братчины», оставил русский историк Л.В.Черепнин. Они представляли собой «коллективные торжественные собрания, во время которых съехавшиеся угощались за праздничным столом».²⁰² «В этих формах проявлялась деятельность сельской крестьянской общины, - пишет Л.В. Черепнин. – Во время «пиров» и «братчин» могли обсуждаться крестьянские нужды, решаться мирские дела. «Пирьи» и «братчины» были одним из средств сплочения крестьянства по отдельным, мало связанным еще между собой селениям, разбросанным на огромной территории».²⁰³

Важно отметить разнообразие форм традиционной праздничной культуры. Например, обязательной частью многих летних народных праздников являлись хороводы, символизировавшие единство людей в труде и празднике. Они зародились на Руси еще в дохристианский период и имели магический смысл: девичьи хороводы должны были воздействовать на природу, чтобы вырастить и сохранить урожай. Люди верили, что они способствуют достижению этой цели, так как изначально, хороводы были связаны со стремлением перелить, перераспределить жизненные силы природы и молодого организма. От

²⁰¹ Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли). – С. 131–132.

²⁰² Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. – С. 609.

²⁰³ Там же.

девичьего тела получали новую дополнительную силу земля-кормилица и растущие на ней злаки: «Где девки прошли, там ржи густы».²⁰⁴ Многие хороводные, игровые песни содержат поэтическое описание основных трудовых процессов. Танцевальные движения имитируют посев, прополку, молотьбу, стлание, мятьё, трепание, чесание, пряжение, ткачество, шитьё и т.п. Например, в Орловской губернии движения хоровода напоминали различные фигуры пряжения, кручения, завивания, переплетения. Так народная педагогика использовала молодежные формы досуга для овладения детьми и подростками трудовыми навыками, для знакомства с наиболее сложными и социально значимыми трудовыми операциями.

Не менее важной, однако, оказывалась и другая функция хоровода: как отмечает Д.И. Латышина, участвовавший в нём ребёнок получал «уроки **общения и взаимодействия** с людьми в коллективе и осваивал свою половозрастную роль. Нужно было действовать, вести себя так, чтобы быть в ладу с остальными, не задевать интересов других, уметь уступить (первенство, например), подчиниться общему ритму и правилам».²⁰⁵ Крестьянские дети, участвовавшие в праздниках, естественно впитывали в себя все традиции дружелюбия и миролюбия, которые накопила народная праздничная культура за века своего существования.

С давних пор и до нашего времени с понятием праздника связывается не просто свободное от работы время, не просто отдых, а свободное время в значении важнейшего социально-культурного акта, созидающего общезначимые ценности. При этом те миролюбивые отношения, которые складывались благодаря празднику, воспринимались не как нечто исключительное, а как естественная и даже необходимая сторона всего хода жизни. А.И. Мазаев пишет: «Праздник действительно даёт нам возможность в общении с другими людьми прикоснуться к идеальному в жизни, физически и душевно ощутить гармонию бытия».²⁰⁶ Рассматривая праздник как явление социально-художественное, он склонен считать его необходимым элементом социальной жизни, выполняющим важнейшие психологические и воспитательные функции: «Праздники - наиболее древний и постоянно воспроизводимый элемент культуры, который в отдельные периоды истории способен переживать упадок, но не может

²⁰⁴ АГМЭ, 7, 1, 983, 3.

²⁰⁵ Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли). – С. 135.

²⁰⁶ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. - М.: Наука, 1978. – С. 48.

исчезнуть совсем».²⁰⁷ Важнейшей причиной, которая обуславливает социальную значимость праздника, является стремление людей к общению; общительность - это важнейшая черта человеческой природы, реализуемая в различных социальных и культурных формах.

Обратим внимание и на следующий фрагмент книги Василия Белова «Лад», который характеризует миролюбие и общительность русских людей как важнейшую черту народной психологии: «Дома и постройки стояли так густо, так близко друг от дружки, что порой между ними было невозможно проехать на двуколой телеге. Ездили только по улицам и скотским прогонам».²⁰⁸ Как замечает В.А. Николаев, российские просторы отвергают возможную мысль об экономии земли: «В такой застройке выражалось стремление к сближению, к общинности. Русский крестьянин ставил дом окнами и входом на улицу, на виду у всех, что создавало обстановку сопричастности с окружающими. Поведение крестьян также характеризовалось соборностью. На пожар бросались всем миром, сообща помогали немощным. Ходоков и солдат снаряжала вся деревня».²⁰⁹

Народная жизнь, наполненная каждодневным трудом, насущными заботами, борьбой за существование находила отражение в праздниках и обрядах, в народном искусстве, во всём мировоззрении народа. В частности, исследователи обращают внимание на то, что в традиционной культуре ещё не сформировалось различия между предметами быта и произведениями народного искусства. «Предметы народного искусства, - писал Д.С. Лихачёв, - все без исключения – всегда были в употреблении; ими работали, они помогали человеку даже тогда, когда служили празднику, ибо крестьянский праздник, как и всякий народный отдых, - часть трудового быта».²¹⁰

Это рождаемое трудовой жизнью народа искусство и мировоззрение, несмотря на все тяготы реальной жизни, неизменно оставалось светлым, радостным, миролюбивым; оно было призвано помочь человеку сохранить свои телесные и душевные силы, настроиться на созидательную деятельность; способствовать достижению этих целей могло только бодрое, радостное, оптимистическое настроение. Д.С. Лихачёв так пишет о причинах жизнерадостного мирозерцания трудового народа: «Народное искусство радостно, и радостно потому, что труд доставляет радость.

²⁰⁷ Там же, с. 9.

²⁰⁸ Белов В. Цит. соч., с. 138.

²⁰⁹ Николаев В.А. Истоки русской народной педагогики. – С. 23.

²¹⁰ Лихачёв Д.С. Предисловие к книге М.А. Некрасовой «Народное искусство как часть культуры» // Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры: Теория и практика. – М.: Изобразительное искусство, 1983. – С. 5.

Даже в труде подневольном, крепостном сохранялась радость творчества для крестьянина. Он делал красивыми предметы быта, своё жилище, свою одежду, орудия труда: красивыми и радостными». ²¹¹ В.В. Бычков, исследовавший эстетические представления многих народов и эпох, также отмечает «мажорный настрой» души у наших древних предков: «Древний славянин и средневековый русич не чувствовали себя подавленными, угнетёнными природой и её стихиями, хотя и во многом зависели от них. В целом окружающий мир всегда воспринимался как позитивный, дружелюбный, дарящий жизнь человеку». ²¹²

Это светлое настроение крестьянской души и выразилось в созданной народом особой культуре праздника. Важнейшим элементом праздничной народной культуры являлось народное искусство. В крестьянской семье оно окружало ребёнка с первых дней жизни. Он не только слышал колыбельные песни, потешки, прибаутки и сказки, но и видел исполненные глубокого значения и художественного вкуса предметы, которые исподволь учили его осознавать гармонию мира, единство человека и природы, взаимосвязь труда, праздника и духовной жизни человека.

Народное искусство – это, прежде всего, огромный мир духовного опыта народа, художественные идеалы которого являются неотъемлемой частью родной культуры. Не случайно, например, красные кони, птицы, медведи, златорогие бородатые козлы прожили столь долгую жизнь в народной игрушке. Причину устойчивости этих и близких им образов можно усмотреть не только в их достоверности и близости к человеку, но и в наличии глубинной связи их с народной мифологией. «Когда-то все эти изображения, - пишет Г.Л. Дайн, - были живой частицей миропонимания наших далёких предков. Они помогали им устанавливать добрые отношения с природой, давали им жизненные силы. Конь, слуга Солнца, приносил на землю его благодать, птица «отпирала» весну и тёплое лето, козёл покровительствовал урожаю, медведь подавал земледельцу добрую силу». ²¹³

Просыпаясь, ребёнок видел занавеску с набивным узором, звонкую трещётку-погремушку, строгую одежду бабушки или красочный наряд мамы, обращал внимание на яркие, многоцветные росписи на люльке, рассматривал изображённые на створках шкафов сказочные цветы и побеги, в изощрённых переплетениях которых прятались фигурки зверей и птиц. «Праздничное чувство мира,

²¹¹ Там же.

²¹² Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. – М.: Мысль, 1995. – С. 36.

²¹³ Дайн Г.Л. Русская народная игрушка. – М.: Лёгкая и пищевая промышленность, 1981. – С. 45.

выразившееся в постоянстве образов цветения, приверженности к огненным, золотистым тонам, белому и голубому цветам, заключено и в особом чувстве чудесного, стремлении к небывалому с одновременной направленностью народного творчества на жизнь, на действительность».²¹⁴

В процессе традиционного народного воспитания было важно донести до ребёнка понимание того, что всё живое зависит от Солнца. Оно изображалось почти на всём, что его окружало. Солнечные знаки в виде круга, розетки располагались на прялке, за которыми долгими зимними вечерами работали мама и старшие сёстры, вальке, которым готовое полотнище выколачивали на речке весенним днём, рубеле, полотенцах, деталях одежды, вышитых яркими нитями. Связь земной жизни с дневным светилом передавалась и в многочисленных женских изображениях, понимаемых когда-то как один из символов вечно возрождающейся жизни. «Женщина-богиня», «женщина-дерево», «женщина-мать сыра земля», женщина, без которой невозможно представить существование человека, вышивалась на полотенцах, имевших охранительное значение, изображалась на прялках, рубелях, бураках. Чаще всего она была окружена верными помощниками – птицами, конскими фигурками и оленями. По большим праздникам детей одаривали пряниками, изображавшими коней, петухов с гордо поднятыми головами, индюков в пышном оперении, козлов с высоко закрученными рогами. Потом дети узнавали, что все эти изображения призваны оберегать хозяев от злых сил, нести дому мир и спокойствие.

Таким образом, народное искусство, опосредованно воздействуя на воспитание ребёнка, способствовало становлению благоприятной для развития его нравственных качеств психологической обстановки и тем самым - становлению чувства единства с миром, с другими людьми. «Доброта и взаимопомощь, жизненная сплочённость исстари противопоставлялись опасностям, трудностям часто сурового к человеку внешнего мира. Глубинный дух коллективности ... оказал особое влияние на всю народную культуру»,²¹⁵ - пишут Т.Я. Шпикалова и М.А. Некрасова. Под влиянием этих коллективистских традиций, объединявших людей в труде и празднике, происходило становление и миролюбия как фундаментальной черты народной психологии.

Традиционность - одна из особенностей крестьянской культуры. Традиция осваивала, закрепляла и передавала новым поколениям социальный опыт. Праздник обобщал ряд традиций,

²¹⁴ Возвращение к истокам: Народное искусство и детское творчество: Учебно-методическое пособие / Под ред. Т.Я. Шпикаловой, Г.А. Паровской. – М.: Владос, 2000. – С. 14.

²¹⁵ Там же, с. 15.

эстетически и эмоционально окрашивал их, делал доступными и запоминающимися. На праздниках не принято было выступать в роли зрителя, все участники праздника были активными и самостоятельными исполнителями определенной «роли». Для этого нужно было знать песни, фигуры хороводов, игры, частушки. Поэтому каждый крестьянин оказывался причастным к народной культуре. Это создавало особую культурную среду, в которой праздники и будни, труд, веселье и воспитание взаимно поддерживали и дополняли друг друга. Входя в эту трудовую, культурную и воспитательную среду, дети набирались знаний и опыта общения, постепенно становились полноправными участниками всех форм народной жизни.

Складывавшиеся в народной жизни традиции трудовой деятельности и праздничной культуры были призваны сформировать условия для передачи новым поколениям знаний и трудовых навыков и регулировать проявления стихийной природы человека. Культура стремилась ввести свои нормы и правила в сферы, которые с трудом поддаются регуляции, в человеческие эмоции. Становление миролюбия как черты народной психологии происходило под существенным влиянием традиций коллективного труда и традиций праздничной культуры. Труд и праздники в жизни народа способствовали налаживанию и закреплению добрых отношений между людьми, выполняли примирительную функцию, демонстрируя детям необходимость и умение строить миролюбивые отношения с родственниками, соседями, односельчанами.

Часть пятая.

ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ МИРОЛЮБИЯ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ: КУЛЬТУРА ДЕТСКОЙ ИГРЫ И НАРОДНОЙ ИГРУШКИ

Воспитание и развитие человека - одна из важнейших и обширнейших сфер культуры каждого народа. В.Н. Григорьев, современный исследователь народной игры, подчёркивает, что народная педагогика, понимаемая не только в качестве традиционной для народа практики воспитания, но и в качестве народных заповедей, образов народного искусства, других форм отражения и преобразования действительности, обладает богатейшим арсеналом педагогических средств.²¹⁶ Она учитывает специфику детского мышления, предоставляет ребёнку возможность усвоить важнейшие нравственные категории, поскольку формирует особые «дидактические формы», как бы специально предназначенные для органичного восприятия ребёнка (игровые ситуации и правила, сказочные сюжеты, праздничные и обрядовые действия и т.д.). И дети непроизвольно, естественно постигают их смысл, принимают «самостоятельные решения в рамках установленных игровых правил, действуя по роли и совершая «от лица» персонажа те или иные поступки, результаты (последствия) которых им заранее известны по сюжету, сценарию».²¹⁷ Так дети включаются постепенно в социальные отношения взрослых и мир человеческой культуры, которая становится второй (наряду с природой) предпосылкой и важнейшим условием становления и развития человеческой личности.

Пространство человеческой культуры выступает необходимым условием психического развития и бытия личности. Сущность культуры представлена в реальностях существования человека, к числу которых следует отнести реальность предметного мира, реальность образно-знаковых систем, реальность социального пространства и природную реальность. Они сущностно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

²¹⁶ Григорьев В.М. Этнопедагогика игры // Традиционная культура: Научный альманах, 1/2000. - С. 99.

²¹⁷ Коряжкина Е.А. Теоретико-методическое обоснование комплексного использования фольклора в эстетическом воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста. Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000. – С. 53.

Деятельность ребёнка определяет условия его вхождения в контекст человеческой культуры.²¹⁸

Её неотъемлемым компонентом и является игра. Как замечает А.Л. Доброхотов, игра, по видимости, лишь имитирует форму «серьёзных» занятий, однако, по существу, «не в меньшей степени, чем труд (а может быть, и в большей) порождает человека».²¹⁹ Превращение игры в целенаправленное средство воспитания стало одним из первых педагогических открытий человечества. Это отражено, например, в гениальных по простоте и органичности младенческих играх - пестушках, потешках, забавах ребёнка с первыми игрушками. В народной педагогике мы находим ясные и мудрые установки в отношении игр подростково-молодёжного, межполового общения (от посиделочных игр знакомства до завершающей свадебной «игры»).

О воспитательном и развивающем значении игры писали педагоги разных эпох и народов. Современные авторы, исследовавшие игру как социально-педагогический феномен (Л.В. Былеева, В.В. Головин, В.М. Григорьев, Г.Н. Гришина, А.И. Лазарев, А.Н. Мартынова, М.Н. Мельников, М.Ю. Новицкая, М.В. Осорина, С.Б. Рождественская), показали, что народная педагогика игры в современном мире детства живёт и хранит свои традиции, хотя в последние десятилетия она и видоизменяет многие свои формы, требуя принципиально новых методик исследования.²²⁰ Социализация ребёнка, усвоение им нравственного опыта общения и взаимодействия с окружающими наиболее полно осуществляется как раз в игровой деятельности, и, прежде всего, в сохранённых традицией народных играх. Беря на себя определённую роль в игре, ребёнок приобретает опыт общения со сверстниками, который впоследствии он будет проецировать и на социальное поведение и взаимодействие со своим окружением. Являясь для ребёнка моделью социальных отношений, игра способствует обогащению опыта ребёнка, формированию нравственных качеств личности, положительно влияет на становление отношений между детьми, помогает возникнуть «детскому сообществу». Анализ проблемы взаимодействия ребёнка со сверстниками в процессе игрового общения осуществлён в работах Г.М. Андреевой, Р.С. Буре, М.И. Лисиной, А.И.

²¹⁸ См.: Шумунова Т.В. Психолого-педагогические основы развивающей среды музея игрушки. Автореферат дис. ... канд. психол. н. – М., 1999. – С. 4-5.

²¹⁹ Доброхотов А.Л. Введение в философию. - М.: Изд-во гимназии «Открытый мир», 1995. – С. 10.

²²⁰ См.: Григорьев В.М. Народная педагогика игры: Вопросы методологии и теории; он же. Этнопедагогика игры; Гришина Г.Н. Народная игра как средство развития взаимоотношений между родителями и детьми в семье. Дисс. канд. пед. наук. – М., 1990; Новицкая М.Ю.; Осорина М.В. Цит. соч..

Леонтьева, Д.В. Менджеричкой, А.П. Усовой, С.Г. Якобсоном и другими отечественными исследователями.

Народные игры являются традиционным средством педагогического воздействия общества на подрастающее поколение. Испокон веков в них ярко отражался образ жизни людей, их быт, труд, национальные устои, представления о чести, мужестве, миролюбии, желание обладать выносливостью, быстротой и красотой движений, проявлять смекалку, волю и стремление к победе. Е.А. Покровский писал, что характер народа «кладёт свой заметный отпечаток на весьма многих проявлениях общественной и частной жизни людей. Этот характер, между прочим, сказывается и на детских играх, отражаясь в них тем резче и отчётливее, чем дети играют с большим увлечением и непринуждённостью, вследствие того, с большею свободой для проявления своего национального характера».²²¹

В своей работе «Детские игры, преимущественно русские» Е.А. Покровский касается национальной специфики игры. На обширном этнографическом материале он исследовал факты игрового подражания серьёзной жизни в среде русских крестьянских детей, что привело его к пониманию важности именно свободного игрового саморазвития личности ребёнка в контексте живой национальной культуры. Е.А. Покровский отмечает, в частности, исключительно миролюбивый характер игр русских крестьянских детей,²²² усматривая в этом обстоятельстве связь со всей русской историей и особенностями народного характера. «Позволительно утверждать, - пишет он, - что характер и жизнь народа кладут свой заметный отпечаток на детских играх».²²³ Большая часть детских игр, по наблюдению Е.А. Покровского, прямо связаны с мирным земледельческим трудом и простым крестьянским бытом, о чём свидетельствуют уже и их названия: «Репка», «Курочки», «Пчёлы», «Редька», «Лён», «Просо» и т.д. Эти игры отражали ту атмосферу мира и дружелюбия, которая была присуща жизни простого народа. Рассмотрим для примера распространённую по всей России игру «Просо». Дети становятся в круг, берутся за руки, ходят в ту и другую сторону и поют. Содержание пения отражает все этапы труда выращивающих просо крестьян, а их движения воспроизводят действия земледельцев (пахали, сеяли, пололи, косили и т.д.).²²⁴

Е.А. Покровский характеризует особенности игр русских детей на фоне игр, распространённых у других народов, потому что это

²²¹ Покровский Е.А. Цит. соч., с. 18.

²²² Там же, с. 19.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же, с. 187.

позволяет яснее и определеннее выявить их исключительно миролюбивый, общинно-трудовой смысл и предназначение. Посредством игр ребёнку прививалось уважение к существующему порядку вещей, народным обычаям, он знакомился с нормами поведения. Игры для детей - серьёзные занятия, своего рода уроки, готовые к труду, к взрослой жизни.

Теоретические вопросы раскрытия сущности, специфики возможностей народной игры впервые обстоятельно рассмотрены в трудах В.М. Григорьева. Своеобразие народной игры, отмечает В.М. Григорьев, заключается в том, что даже на время полузабытая, она способна вновь возродиться, если сохранит главный признак народности - соответствие характеру, духу избравшего её в своё время народа. Подлинно народное определяется общенародным одобрителем отбором и устойчивой передачей из поколения в поколение. «Стремлением и способностью к установлению лада (гармонии, созвучия, «золотой середины», меры, согласия, мира и дружбы) между любыми крайними противоположностями представляется нам наиболее существенным, закономерным для всего подлинно народного, включая народные игры и другие явления народной педагогики игры».²²⁵ Но принцип «золотой середины» нельзя абсолютизировать, в реальной жизни он сочетался с запретом (табу), то есть отторжением того, что враждебно, губительно для самого существования народа. Известны религиозные, нравственные и другие табу. Есть они и в народной педагогике игры - это, например, запрет на «игры со смертью» («тем не играют, от чего умирают»). Резко осуждалось в народе подчёркнуто-сексуальное оформление игры, жестокие забавы над животными и другое. Желание жить в мире, мирно улаживать все противоречия - этот принцип для народа превыше всего, он диктуется чувством самосохранения народа. Мир нужен всем, это непереносимое условие существования и прогрессивного развития человека и человечества.

В.М. Григорьев указывает на характерную для народной педагогики игры гармонизацию (лад) соотношения руководства старших и самостоятельности играющих, что обеспечивает сотрудничество, а часто и дружбу поколений при организации игр. Благодаря взаимодействию всех поколений создавалась та единая непрерывная череда возрастных ступеней (уровней, этапов) освоения празднично-игровой культуры, по которой ребёнок мог подниматься до полной взрослой самостоятельности, а затем совершать новую череду подъёмов, уже ведя с собой детей, а потом и внуков.

²²⁵ Григорьев В.М. Этнопедагогика игры. - С. 102.

Как отмечают наблюдавшие за играми крестьянских детей тенишевские корреспонденты, «когда дети ведут самостоятельную игру, то часто в их приёмах видно подражание взрослым».²²⁶ В своих играх девочки повторяли жизнь, которую видели ежедневно: куклы работали в поле, убирали дом, готовили еду, выходили замуж, нянчили детей. Играя в куклы, они как бы проигрывали роль, которую им предстояло исполнять во взрослой жизни, усваивали с помощью игры свои будущие обязанности. Например, «девочка во всех своих играх подражает больше занятиям матери; маленькая, она играет в куклы; делает себе эти куклы из полотна. А то она возьмёт копыл, на котором плетут лапоть, обвяжет копыл платком и целый день нянчит и убаюкивает сделанную ею же куклу; старый лапоть служит у куклы люлькою».²²⁷ Заботливость, нежность и старательность, которые формируются в девочке этой игрой, окажут в конечном счете определяющее влияние на всю её жизнь.

В современной литературе прослеживается тенденция обращаться к изучению народной игры как средства оптимизации внутрисемейного общения. На основе изучения фольклорного, этнографического, педагогического материала некоторые исследователи рассматривают народные игры как детские игры с правилами, имеющие древнее происхождение, отражающие быт, характер каждого народа, национальные традиции, как игры, которые характеризуются наличием познавательного содержания, разнообразием игровых действий и имеющие ярко выраженную эмоциональную окрашенность.²²⁸ К числу основных функций народной игры исследователи относят педагогическую, социальную, эстетическую. При этом педагогическая функция оказывается тесно связанной и с социальной функцией игры, поскольку, возникнув в ответ на потребности общества, игра сохраняет в себе нормы и отношения между людьми, принятые в среде национальной культуры народов. Исследователи всё чаще обращаются к народным играм и с целью формирования у детей определённых нравственных качеств. Одной из главных задач народных игр является развеселить, порадовать её участников, поэтому шуткам и юмору в народной игре присущи беззлобность и безобидность. Свойственный народным играм добрый юмор оказывается одним из условий формирования у партнёров по игре гуманного и миролюбивого отношения друг к другу. Элементы эмоционально-трогательных и нежных отношений проявляются в целом ряде народных игр, основой которых являются игровые действия с выбором, поцелуями и т.п.

²²⁶ АГМЭ, 7, 1, 1682, 6.

²²⁷ АГМЭ, 7, 1, 1661, 3.

²²⁸ Гришина Г.Н. Цит. соч., с. 50.

В качестве явления традиционной культуры игра служит одним из средств приобщения детей и подростков к народным традициям, что оказывается важнейшим фактором воспитания духовности, формирования системы общечеловеческих нравственно-эстетических ценностей. Н.Н. Егорцева отмечает, в частности, что игра является средством формирования культуры общения у младших подростков.²²⁹ Народная игра оказывается способной выполнить эту важнейшую функцию потому, что она носит коллективный характер, сохраняет для всех игроков равные нормы и правила взаимоотношения и поведения, предполагает добровольность и равноправие при распределении ролей.

Как мы могли уже видеть на примере анализа народных игр Е.А. Покровским, важным свойством народной педагогики игры является национальная самобытность каждого из народов. Но самобытность эта должна рассматриваться вместе с другим неотъемлемым свойством народной культуры - её общечеловеческой основой. Нет «плохих» и «хороших» по своему национальному характеру народов, и, шире, нет «отсталых» и «примитивных» национальных культур и цивилизаций (Г.Н. Волков, А.Э. Измайлов, Б.А. Кадыров, В.И. Прокопенко). В.М. Григорьев указывает, что большинство народных игр очень миролюбивы и «гостеприимны»: в игру «охотно принимают в число участников людей разных национальностей. Игра объединяет их, а попутно знакомит с национальным своеобразием создавшего игру народа».²³⁰

Рассмотрим в качестве примера игру «Соседи», распространённую в Тульской, Тверской и других губерниях центральной России.²³¹ Дети усаживались в кружок или вдоль стен, парами по лавкам. Один, избранный по общему согласию, обходит всех с вопросами «Доволен ли своим соседом?», «Мила ли твоя соседка?». Если получает утвердительный ответ, то спрашивает соседа или соседку. Если снова получает утвердительный ответ, то водящий говорит: «Ну, покажите же свою дружбу», после чего соседи говорят друг другу добрые слова или целуются. При получении же отрицательного ответа водящий спрашивает: «Кого же тебе хочется?». Названный садится по соседству с избравшим его, и игра продолжается дальше.

Естественно считать, что для того, чтобы играть в подобные игры, нужно было обладать тактом, взаимным уважением, терпением и дружелюбием. С другой стороны, и само участие в них способствовало

²²⁹ Егорцева Н.Н. Народная игра как средство формирования культуры общения у младших подростков. Дис. ... канд.пед.н. – Курган, 2000.

²³⁰ Григорьев В.М. Этнопедагогика игры. – С. 103-104.

²³¹ См.: Покровский Е.А. Цит. соч, с. 350.

развитию тех качеств личности, которые соответствуют важным смысловым компонентам понятия миролюбия: терпимость к другому человеку и способность найти согласие с ним, желание следовать общим правилам, умение выбрать себе роль в коллективе, которая будет принята другими.

Подобно сказке, песне и игре народная игрушка является ценным культурным наследием, она веками воспитывала ребёнка, была проверена детской игрой и любовью к ней. «Вековой опыт, в свою очередь, показал также, что игрушки и игры действительно нередко делались первыми средствами воспитания, давали первый толчок дальнейшему направлению характера, складу ума и призвания отдельных лиц и даже целого народа, и в этом смысле игрушки и игры нередко представляют собой по крайней мере такое же, если не более важное, образовательное значение, согласное с духом народа, как народная поэзия, легенды, сказки, поговорки, загадки и т.д.»²³²

Народная игрушка давно привлекала внимание учёных. Раньше других интерес к ней проявили этнографы, собиравшие игрушки как элемент материальной культуры. Первые исследования народной игрушки осуществлялись такими учеными, как Е.А. Покровский, Н.Д. Бартрам, Л.Г. Оршанский, Г.Л. Дайн, А.В. Бакушинский, Е.А. Флёрина, А.П. Усова. Они неизменно отмечали, что в народной игрушке нет надуманности. Игрушка формировалась в тот период, когда интересы взрослых и детей были родственны и близки, когда в творчестве тех и других имелось много общих черт, когда в их психике и мироощущении была естественная близость. Игрушка была в равной мере интересна взрослым и детям, кукла прикреплялась на шест к дому, она собирала взрослых и детей на праздник.

Однако и в настоящее время, несмотря на появление отдельных серьезных работ, посвященных народной игрушке, несмотря на то что наиболее полные собрания народной игрушки имеются в крупнейших музеях страны — Сергиево-Посадском музее игрушки, Государственном Историческом и Русском музеях, Музее народного искусства, во многих краеведческих музеях, информации о народной игрушке очень мало. Объясняется это тем, что игрушки, в том числе и тряпичные куклы, изготавливавшиеся в каждом уголке нашей страны, не считались предметами, достойными особого внимания. В крестьянских семьях, для своих детей, куклы «вертели» обычно из старого тряпья. И даже не по бедности, а по ритуалу кровной близости. Считалось, будто ношенная материя хранила родовую силу и, воплотившись в кукле, передавала ее ребенку, становясь оберегом. По той же причине новорожденных завертывали в нательные родительские

²³² Там же, с. 20.

рубахи, пеленали в пеленки из ношенной одежды. Поэтому до наших дней сохранилось достаточно небольшое количество экспонатов тряпичных кукол. Дешевую глиняную игрушку, служившую для детской забавы, так же не берегли, поэтому нам известны главным образом поздние изделия народных мастеров. Керамической игрушке благодаря долговечности самого материала — обожженной глины повезло больше других народных игрушек. Ее нередко находят археологи среди памятников давно исчезнувших культур, что позволяет судить о древности ее происхождения.

В детской среде, начиная с примитивных ступеней развития человечества и вплоть до наших дней, кукла всегда занимала центральное место в игре детей, в особенности у девочек. «Чаще всего кукла изображает собой мать, окружённую детьми, попечение о которых возлагается на неё, вследствие чего последняя то укладывает своих детей спать, то кормит их, то забавляет, то утешает в случае их горя».²³³ Во всех ситуациях кукла содействует «доброму направлению ума и фантазии ребёнка, характера и практической деятельности его в будущем, (...) развитию его языка, речи, голоса, так как дети в своих играх с куклами нередко помногу говорят, поют, (...) содействует развитию добрых семейно-нравственных понятий и правил».²³⁴

Суровый климат, нелёгкие условия жизни приучали древних славян и их потомков к необходимости бережного отношения к природе и её дарам. В этом - истоки удивительной рациональности форм предметов крестьянского быта, естественного соединения в каждом из них прекрасного и полезного. С раннего детства дети в крестьянской среде умели из самых доступных, а часто бросовых и непригодных к серьёзному делу материалов создать себе игрушки. «Куклы иногда устраиваются очень просто: какая-нибудь тряпочка или сильно поношенный головной платок свёртываются в «скалку», перетягиваются ближе к одному концу ниткою, чтобы отделить голову от туловища, накладывается на туловище какой-нибудь пёстрый лоскут, заменяющий костюм, и кукла готова».²³⁵

Как и у многих первобытных народов, русские деревенские куклы были безлики: без носа, без глаз, безо рта. Лицо её, как правило, не обозначалось, оставаясь белым. «Да и красиво это считали - беллица кукла, и тряпицу на лицо старались положить из отбелённой, чистой самотканины».²³⁶ Такой приём изображения мог, конечно объясняться нежеланием или неумением мастерицы изображать черты лица своих

²³³ Там же, с. 91.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же, с. 90.

²³⁶ Там же.

героинь, однако возможно и другое объяснение. Мы полностью согласны с мнением Г.Л. Дайн, которая считала, что безликость народной куклы - это явный след древних анимистических воззрений славян. Кукла без лица считалась предметом неодушевленным, а значит, и недоступным для вселения в него злых сил и безвредным для ребёнка. Она должна была принести ребёнку радость, здоровье, мир, спокойствие, благополучие, а не служить вместилищем злых духов. Если провести этнографические параллели, то многие народы считали так: есть глаза – это идол, которого надо «кормить» (приносить жертвы), нет глаз – это кукла, которой можно играть, а наигравшись, выбросить в траву. В безликости и проявляется, прежде всего, функция куклы как оберега. Однако со временем белое лицо, утратив свой древний смысл, стало просто неотъемлемым признаком кукольной красоты. В.И. Вардугин в исследовании, посвящённом истории русской одежды, уточняет, что «белый цвет связывался с представлением о свете и небе», с ним соединялись «представления о счастье и изобилии», «белый цвет воспринимался и как символ красоты».²³⁷

Куклы сопровождали человека по жизни, начиная с младенчества, когда малышу давали играть «Куклой-капусткой» или «Куклой-кормилкой», как её по-разному называли в разных областях. Делалась такая кукла из старых вещей матери, причем без использования ножниц и иглы. Это условие соблюдалось для того чтобы жизнь ребенка была не «резаная и не колотая». До рождения малыша, чтобы согреть колыбель, в нее клали эту куклу. А после рождения кукла висела над колыбелькой и охраняла малыша от болезней. Когда ребенок подрастал, он с ней играл. Она служила ему одновременно соской-пустышкой, игрушкой и оберегом. И дальше, до самой старости, кукла оставалась важным элементом духовного мира человека. Относились к ним с большим уважением, и кукол в доме всегда было много. Некоторые из них были расставлены по дому в разных местах, остальные хранились в сундуке. Игра с куклами рассматривалась как важное занятие. Если девочку рано выдавали замуж, то вместе с ней уезжали в новый дом и её куклы. Свёкор сам следил за тем, чтобы у молодой жены было время для того, чтобы доставать кукол из сундука и играть с ними. Это обстоятельство ещё раз подчеркивает тот факт, что игре с куклами придавалось очень большое значение.

Вслед за «куклой - кормилкой» в жизни ребёнка появлялись и другие куклы. Например, «кукла-травница». Её толстая круглая юбка и

²³⁷ Вардугин В.И. Русская одежда: История народного костюма от скифских до советских времён. – Саратов: Регион. Приволжское изд-во «Детская книга», 2001. – С. 169.

узелки в руках были туго набиты душистыми успокаивающими травами – душицей, зверобоем, мятой, чёрной смородиной и любыми другими травами, которые мать считала необходимыми для своего ребёнка. Травницу обычно ставили или подвешивали возле кровати, чтобы ребёнок лучше спал.

Из детских кукол одной из самых ярких считается «Детская Утешница». В руках и на юбке у неё разные вкусности, которые ребёнок мог немедленно съесть: конфетки, орешки, кусочки сахара. Эту куклу доставали, когда ребёнка нужно было успокоить, если он долго плакал.

С педагогической точки зрения интересна бережная колыбельная кукла «Бессонница». Когда без видимой причины начинал плакать младенец, мать, чтобы успокоить его и защитить от злых духов, быстро сворачивала из двух лоскутков ткани куклу-оберег и клала ее в колыбель, приговаривая: «Сонница-бессонница, Не играй мим дитятком, А играй этой куколкой».

Встречались в народном обиходе и обучающие куклы. Например, куколка «отдарок-на-подарок» помогала научить ребёнка благодарности. Делалась она настолько просто, что сделать её мог даже ребёнок трёх-четырёх лет. Детей обучали делать эту куколку для того, чтобы они могли подарить её кому-то в ответ на подарок, или тем, кто сделал для них что-то важное. Делали эту куклу дети и для родителей, с малых лет привыкая испытывать благодарность за то, что другие заботятся о них и растят их.

Игра и игрушка всегда находятся в прямой связи с социальным контекстом, их во многом определяет характер общения взрослых с детьми. В народе, среди крестьян, это было, прежде всего, трудовое общение. Ребёнок должен был быстрее расти, с ранних пор трудиться, чтобы стать самостоятельным, полезным членом семьи и общества. Существовала кукла, которая помогала девочке научиться варить кашу, которая изготовлялась из старой чистой ткани. Тело и голова её были сделаны пропорционально, таким образом, что если куклу поставить в кастрюлю, расстояние от дна до её головы означало, сколько крупы должно быть насыпано в кастрюлю. А высота самой головы – толщину слоя воды над крупой.

Специальная кукла, которая называлась «кукла на выхвалку» шилась девочкой лет в десять-двенадцать, когда она подрастала. Куклу нужно было не только сшить, но и одеть и обуть. Потом эту куклу девочка приносила на посиделки к старшим девушкам для хвастовства и оценки. Они рассматривали её и решали, готова ли девочка к тому, чтобы посещать посиделки, где девушки занимались рукоделием, а мальчики присматривали себе невест. О готовности говорило мастерство, с которым была сшита и обряжена кукла. Эта кукла

помогала проходить так называемое возрастное посвящение, когда девочка начинала считаться невестой.

Куклу «Желанницу» можно было встретить почти у каждой девушки. Показывать ее никому не следовало, хранилась она в укромном месте. Девушки загадывали желание и пришивали в подарок на платьице кукле бусинку, яркий лоскутик или красивую пуговицу, монетки. Куколка помогала ей в достижении желаемого. Обычно это касалось взаимоотношений с парнями. «Желанницу» мастерили из берёзовых палочек, головку набивали шерстью, платьице - из холста. В процессе изготовления не использовали иголок, все детали связывались ниточками. Сворачивая и завязывая ткань, девочка не делала ни одного шва и укола иголкой, ведь это была её подруга и берегиня. Кусочки ткани нужного размера тоже отрывались руками, без помощи ножниц. Традиционно у такой куклы лицо не рисовали, они были «безликими». Считалось, что, имея выражение лица, кукла приобретала душу и теряла свою таинственность, магичность и обережные свойства. Лучшее время для изготовления «Желанницы» в августе, начинали в первые дни растущей луны с расчетом закончить ближе к полнолуннию.

Девушке, выходящей замуж, мать делала куклу – безручку или «Зольную куклу». Это очень древняя кукла, хранительница домашнего очага. Единственная кукла, которая без головного убора, без волос. Голова куклы наполнялась углями из домашнего очага и была символом того, что девушка уносит на новое место кусочек своего дома. А отсутствие рук означало, что в новом доме ей предстояло учиться всему как бы заново, учиться делать все так, как принято в новой семье. Эта кукла становилась на новом месте для девушки подругой, с которой можно было поговорить о самом сокровенном. Часто только этой кукле она могла высказать свои обиды или недовольства новой жизнью, облегчить свою душу и, это помогало ей строить более счастливые отношения со своим мужем.

Дарили на свадьбу и специальные свадебные куклы – они назывались неразлучники. В русской свадебной традиции во главе свадебного поезда, везущего молодую пару в дом жениха после венчания в церкви, под дугой упряжи подвешивали пару кукол – свадебных неразлучников. Эта пара кукол – особенная, она несла глубокую символическую нагрузку, связанную с особенностью изготовления. Женское и мужское начала соединялись в единое неразрывное целое, ведь после свадьбы супружеской паре предстояло вместе идти по жизни. Это мужская и женская куколки, которые на первый взгляд кажутся просто парочкой, взявшейся за руки. Но, если приглядеться, то видно, что рука у них одна и сделана из цельной тряпочки или палочки. Такая рука считалась символом их единения и того, что все дела с момента свадьбы у них становились общими. После

свадебного торжества эта кукольная парочка хранилась в доме как оберег семейных отношений и верности.

Особое значение имел материал, из которого изготавливались игрушки. К примеру, тряпичная кукла, в отличие от пластмассовой, снимает психологический барьер между ребенком и «миром больших вещей», воспитывает ласковое, теплое, радостное, доверительное отношение к миру, необходимое для полноценного детского бытия. Серийная игрушка, по мнению доктора психологических наук В.В. Абраменковой, с которой чаще всего, к сожалению, имеет дело современный ребенок, по сути своей является антиигрушкой: в ней содержится идея обладания, а не радостного постижения мира; она формирует тенденцию вытеснения развивающей игры и подлинного творчества. Массовость производства профанирует индивидуальные эмоциональные отношения с игрушкой как с «другим Я». Внешняя привлекательность игрушки-товара становится важнее игрового применения, отсюда - новые формы, материалы, не свойственные традиционной игрушке. Сегодня детская игрушка как часть современной массовой культуры способствует построению ребенком весьма мрачной и безрадостной картины мира, о чем свидетельствуют детские рисунки.

Куклы, однако, были не только тряпичные, их делали из дерева, лепили из глины, вертели из соломы. Для всякого возраста предназначались свои куклы. Для младших детей изготавливали простейшие деревянные куклы. Они были устойчивыми, весомыми, прочными игрушками, с которыми можно было действовать беспрепятственно. Как только восприятие ребёнка становилось более ёмким и аналитическим, его начинали занимать игрушки более конкретные и детально разработанные по форме. Среди кукол роль забавной развлекательной потехи выполняли соломенные «стригушки». «Ловко скрученные из пучка спелой золотистой соломы с плетёными косицей руками куклы кажутся лёгкими, будто сию минуту готовы повернуться, закружиться в танце».²³⁸ «Кукла плясала, прыгала и вертелась, когда трясли её на подносе, качали на шатких половицах пола или ставили на стол и мелко, мелко стучали кулаком по его крышке».²³⁹

В народе всячески поощрялось изготовление кукол и игры с ними. Кукла рассматривалась как эталон рукоделия, поэтому часто на «посиделки» вместе с прялкой девочки-подростки брали короб с куклами. По ним судили о вкусе и мастерстве их владелицы. В

²³⁸ Дайн Г.Л. Цит. соч., с. 38.

²³⁹ Там же, с. 27.

кукольных играх дети произвольно учились шить, вышивать, прясть, постигали традиционное искусство одевания.

В игре, в группе сверстников ребёнок получал незаменимую возможность готовить себя к жизни, к вступлению в общество взрослых со всеми его требованиями. О том, как жила народная игрушка в игре, как выполняла свою главную функцию, известно очень немного. Исследователи народного быта изучали и описывали в основном детские подвижные игры, и в гораздо меньшей степени сюжетно-ролевые игры. А ведь именно в них игрушка выступала во всей своей смысловой и образной полноте. Только в действии, в игре раскрывается в полной мере художественный образ игрушки и её нравственная ценность.

В распространённых повсюду народных играх с куклами ярко отражалась жизнь деревни, её трудовой быт, дружелюбные и миролюбивые взаимоотношения между людьми. Как свидетельствуют тенишевские корреспонденты, в свободное от домашних дел время собирались соседские ребята, искали укромное место для игры и строили там шалаш из прутьев. Он покрывался травой или соломой и обустроивался как настоящее жилище - со стряпущей избой, горницей, сенями, даже хлевом и сараем.²⁴⁰ Затем начиналась игра. Примечательно, что сама игра выражала миролюбивый характер русского народа, его склонность к мирной трудовой жизни. Парни уходили на работу - пахать, косить, за дровами, - а девочки оставались дома - стряпать, прясть пряжу, ткать холсты, нянчить детей. Все эти знакомые роли часто исполнялись с куклами. В кукольных забавах проигрывались все деревенские праздничные обряды, чаще всего свадьбы - особенно впечатляющий, торжественный и красивый русский народный обряд. «Исследователи, которым удалось наблюдать в русских северных деревнях кукольные свадебные игры, говорят о сильном и ярком от них впечатлении. В этих играх был зрелищный эффект, ни с чем не сравнимый по своей естественности. Игра впечатляла и своей этнографичностью, и одновременно игровым, чисто детским творчеством».²⁴¹

Дети обычно принимали участие и в настоящих деревенских свадьбах. Известно, что детям полагалось снимать с невесты покрывало, расплетать косу, шествовать перед «свадебным поездом», не говоря уже о том, что просто зрителями они были всегда. Однако, только в игре, только в детском сообществе можно было стать активным его участником, вместе с куклой исполнять главную роль - роль невесты, и

²⁴⁰ См.: АГМЭ, 7, 1, 1769, 1-9.

²⁴¹ Дайн Г.Л. Цит. соч., с. 23.

игра давала ребёнку возможность приобщиться к обрядам и культурным традициям народа.

Крестьянская игрушка отличалась большими возможностями, побуждающими ребёнка к активной игре. Она служила импульсом к действию, требовала от ребёнка живого участия. Чисто созерцательных игрушек не было. Никогда не доводилась игрушка до такой законченности, когда ребёнку нечего было с нею делать. С ранних пор он должен был вложить в игрушку частицу своего труда, а позднее - и творчества. В противоположность этим традициям так называемые «современные игрушки», чаще всего произведенные по западным образцам, не оставляют места для «домысливания сюжета», самостоятельного духовного и художественного творчества ребенка.

Посредством игры девочки, стремились приобщиться к женскому миру, в них воспроизводилась женская модель крестьянской жизни, неслучайно главными персонажами этих игр являлись, «мать», «дочь», «хозяйка», «соседка». В сюжетах девчоночьих игр отразились народные представления о роли женщины в обществе и семье, согласно которым главное предназначение женщины - продолжение рода, заботы о домочадцах и хозяйстве. В игре девочки в первую очередь осваивали все женские занятия: занимались обустройством своего «дома», готовили пищу, пряли из волокон крапивы нитки на кукольное приданное, шили одежду, стирали, сажали огород и т.д. В таких играх ярко проявлялись характерные для каждой местности особенности хозяйственного и домашнего быта. В ходе игры девочки стремились в деталях воспроизвести поведение женщин разного возраста не только в минуты труда, но и отдыха. Подобно взрослым женщинам, они приглашали подружек-«соседок» в гости и сами отправлялись проводить их, демонстрируя знания деревенского этикета.

Сценки из семейного быта разыгрывали с помощью кукол. В игре «дочки-матери» куклы изображали малолетних детей, которых заботливые матери укачивали, распевая колыбельные песни, кормили и поили, шили для них одежду. В других играх каждая кукла изображала определенный персонаж, девочки же двигали их руками и говорили за них. Кукол старались одеть в костюмы в соответствии со статусом, обозначенным ролью, дать им имя. В игре «в свадьбу» они старались воссоздать обрядовые действия, подсмотренные в жизни; в игре «в беседу» повторяли ситуации, возникавшие на молодёжных посиделках, где девочкам-подросткам иногда разрешалось присутствовать.

Многие игрушки непосредственно способствовали приобщению детей к труду. Труд входил в жизнь крестьянского ребенка с самого раннего возраста. Неудивительно поэтому, что часто встречались бытовые народные игрушки, в которых воспроизводился уклад жизни русского народа. И.И. Шангина пишет: «Большая часть

игрушек была предназначена для игры в «крестьянскую жизнь»: телеги, сани, различного рода орудия труда, хозяйственная и домашняя утварь. Собственно говоря, всё то, что было в крестьянском обиходе, стояло на дворе, в амбаре, конюшне, избе, горнице, становилось прообразом для изготовления игрушки».²⁴² Эти игрушки были созданы для того, чтобы дать детям возможность подражать взрослым с помощью уменьшённых копий предметов быта: хозяйственной утвари (посуда, корзины и т.д.), строительных инструментов (топоры, молотки), транспортных средств (сани, упряжки и т.п.). Игрушечные орудия труда являются своего рода материнской школой в подготовке детей к самостоятельной жизни, эффективность которой полностью зависела от хозяйственности и мастерского умения русского человека.

Народная игрушка была многофункциональной. Детская забава, средство воспитания и приобщения ребёнка к труду, праздничный подарок, свадебный атрибут, украшение и оберег - все эти значения сплелись воедино в одну главную функцию, духовную функцию обхождения. Известный исследователь русской игрушки Н.Д. Бартрам писал и о таких игрушках, которые были созданы под влиянием страсти русских людей к паломничеству и хождению по святым местам: «Это паломничество крепко сидит в народе - и тоже должно было отразиться на игрушках, хотя, само собою разумеется, что эта игрушка предназначалась уже не только для настоящей игры или забавы, но имела скорее характер сувенира, памятки о посещении паломником святых мест».²⁴³ Это были вырезанные из дерева изображения монахов и монахинь, а также некоторых святых. Иногда на конце ложек вырезалась маленькая церковка, а на самой ложке славянскими буквами делались соответствующие надписи. Н.Д. Бартрам упоминает игрушку «Сергиева лавра», пережившую без изменения десятки лет: «Ряд поколений в своём детстве радовался, расставляя миниатюрные колокольни, приземистые башенки, белые стены и маленькие домики монастырских служб с бесчисленным количеством окон».²⁴⁴

Особую ветвь в народном искусстве занимает изготовление русской глиняной игрушки. В далекой древности фигурки из глины издавали громкий свист, они имели культовое назначение. Игрушки изображали определенные символы, которые использовались в обрядах для заклинания от бед. Так, женская фигура символизировала мать-землю, конь — солнце, а водоплавающая птица — водную и воздушную стихии. Считалось, что громкий звук отпугивает всё злое. Возможно,

²⁴² Шангина И.И. Цит. соч., с. 90.

²⁴³ Бартрам Н.Д. Цит. соч., с. 81.

²⁴⁴ Там же, с. 82.

поэтому и перешли свистульки и погремушки к детям как в наибольшей степени нуждающимся в защите от всевозможных напастей и бед.

Согласно другой точке зрения дети всех времен и наций в игре подражают взрослым, их игрушки являются образным отражением окружающего предметного быта ребёнка. Вероятно, вопрос о происхождении игрушки не может быть решен однозначно. Скорее всего, в древности культовое и игровое её значение тесно переплетались между собой, а затем религиозные обряды были забыты, и игрушка осталась только предметом развлечения.

Но не случайно человек воплощал силы стихий в наиболее знакомых и близких ему образах живых существ, трактуя их по-иному: великая богиня плодородия стала в более поздней игрушке барыней, девицей, птица — утушкой, курочкой, гусем, солнечный конь — рабочей лошадкой, тянущей воз или везущей кавалера, медведь, также участник древних обрядов, — забавным, добродушным косолапым зверем из народной сказки. Время изменило условия окружающей жизни, и в творчество народных мастеров проникали новые сюжеты, но эти образы и по сей день присутствуют в игрушке любого промысла.

Что представляли собой древние игрушки? При раскопках Донецкого городища (в районе Харькова) была обнаружена мастерская XII—XIII вв., где изготовлялись глиняные фигурки. Причем фигурки быка, медведя, собаки, птицы, кошки, человека, найденные здесь, не намного отличались от игрушек более позднего времени. Подобные же фигурки X—XII вв. были найдены в Новгороде, в Киеве. Птицы, коньки, разнообразные свистульки были выполнены крайне примитивно, грубовато и прочно, тогда как фигурки женщины с ребёнком на руках сделаны гораздо тщательнее. Некоторые из них имеют ушки для подвешивания. Все это дает право предположить, что первые служили игрушками, а вторые, очевидно, имели ритуальное назначение, может быть, подвешивались как обереги на пояс или у входа в дом.

Судя по игрушкам XVI—XVIII в., найденным на территории Москвы, в те времена уже сложился тип русской народной игрушки, несложной, дешевой и забавной. Здесь оказались свистульки, погремушки в виде коньков с всадниками, собак, медведей и птиц. Миниатюрные кувшинчики, горшочки, кубышки и другие предметы утвари видимо были для детей игрушками которые непосредственно способствовали приобщению детей к труду. Труд входил в жизнь крестьянского ребенка с самого раннего возраста. Неудивительно поэтому, что часто встречались бытовые народные игрушки, в которых воспроизводился уклад жизни русского народа. И.И. Шангина пишет: «Большая часть игрушек была предназначена для игры в «крестьянскую жизнь»: телеги, сани, различного рода орудия труда, хозяйственная и

домашняя утварь. Собственно говоря, всё то, что было в крестьянском обиходе, стояло на дворе, в амбаре, конюшне, избе, горнице, становилось прообразом для изготовления игрушки». ²⁴⁵ Эти игрушки были созданы для того, чтобы дать детям возможность подражать взрослым с помощью уменьшенных копий предметов быта: хозяйственной утвари (посуда, корзины и т.д.), строительных инструментов (топоры, молотки), транспортных средств (сани, упряжки и т.п.). Игрушечные орудия труда являются своего рода материнской школой в подготовке детей к самостоятельной жизни, эффективность которой полностью зависела от хозяйственности и мастерского умения русского человека. Глиняные фигурки того времени при всем лаконизме изображений выразительны и снабжены конкретными бытовыми деталями; на конях вылеплены сбруя и седла, на медведе — намордник. Видимо, ритуальное значение глиняных фигурок к этому времени было совершенно утрачено.

На протяжении долгих лет игрушка не претерпевала сколько-нибудь резких изменений, поэтому мы можем судить по более поздней игрушке о ее прототипах. В то же время в каждой местности, в каждом промысле складывались свои приемы технического исполнения и декоративного оформления, преобладали те или иные наиболее близкие мастерам сюжеты. Так, в XIX в. изображение барынь, кавалеров, галантных сенок чаще встречалось в тех районах, где значительной прослойкой населения было дворянство (Орловская, Курская губернии). На севере, например в Вологодской губернии, где большую часть населения составляло крестьянство, делали главным образом коньков, медведей, птиц. Особенности местных глин «подсказывали» народным мастерам способы лепки той или иной формы игрушки: пластичность позволяла усложнять лепку, натуральная окраска диктовала гамму росписи, расцветки глазури.

В производстве глиняной игрушки выработались особые приемы несложной быстрой лепки и росписи. Это давало возможность за короткий срок изготовить для продажи максимальное количество игрушек, продававшихся по крайне низким ценам. В процессе коллективного творчества происходил отбор самых рациональных и наиболее эффективных средств исполнения, которые, совершенствуясь и обновляясь, переходят от поколения к поколению и становятся традиционными. Народные игрушечники достигали зачастую удивительного мастерства, подмечая и обобщая типичные черты своих персонажей, простейшими приемами создавая выразительную юмористическую характеристику человека или зверя.

²⁴⁵ Шангина И.И. Цит. соч., с. 90.

Возникновению и развитию многочисленных промыслов глиняной игрушки на территории нашей страны способствовали разнообразные условия, в первую очередь легкодоступное сырьё - глины нужной пластичности, хороший песок для добавок. В большинстве случаев производство глиняных игрушек было подсобным к посудному гончарству. Несложную в исполнении игрушку лепили, чтобы заполнить место в горне между большими сосудами.

Игрушки XIX века близки по своим формам к древним археологическим находкам, но своё магическое содержание к этому времени они уже утратили и превратились в обычную детскую забаву. В это время в России сформировались центры, в которых производство игрушек получило большое развитие и приобрело самостоятельное хозяйственное значение.

Кустарная игрушка имела своё определенное общественное значение, хотя её функции с годами заметно менялись. Она многим отличалась от той деревенской самоделки, которая создавалась в заинтересованном общении взрослого и ребёнка. Об игрушке прежних времен Н.Д. Бартрам писал: «Игрушки делаются и детьми, и взрослыми - для себя, для близких; нет массового, безличного изготовления на неизвестного потребителя. Отсюда, при бедности умения, техники - богатство замысла, яркий след личного вкуса, местный колорит, не скрашенная никакой задней мыслью жизнь. ... Слабость исполнения, беспомощность рук забывается, потому что нас подкупают чувства, искренность. Наблюдательность, заботливость, с которой эти вещи делались».²⁴⁶

В отличие от этого своего древнего прообраза, предназначенная для продажи кустарная игрушка была рассчитана на самый разный покупательский вкус. На первом плане оказалась её эстетическая функция. Новая кустарно-промысловая игрушка наполнялась и новым воспитательным содержанием. В отличие от деревенской «потешки», воплотившей в себе черты традиционного крестьянского быта, она должна была удовлетворять иным социальным и эстетическим запросам, а они во многом диктовались динамичным, непрерывно обновляемым городским образом жизни. В городе дети гораздо дольше осваивали социальные отношения и формы игры, позднее вовлекаясь в трудовую деятельность; они в большей мере опекались взрослыми, росли более изолированными от природы. Поэтому для них требовалась и другая, расширенная, предметно-игровая среда, рассчитанная на удлинившийся период детства. Этими обстоятельствами определяется повышение спроса на развлекательные игрушки, различными способами занимающие внимание ребёнка. Теперь игрушки должны

²⁴⁶ Бартрам Н.Д. Цит. соч., с. 10.

быть подвижными, озвученными, яркими, привлекать ребёнка разнообразием материалов, быть зрелищными. Но и промысловая игрушка сохраняет всё же важнейшие черты традиционной русской народной игрушки, и, прежде всего яркий художественный стиль, в ней легко узнаётся знакомый образный язык, хотя выразительные средства игрушки при этом и меняются.

В России к XIX веку в разных её районах исторически сложились отдельные промыслы со своим декоративно-изобразительным языком и образным строем. В результате многолетнего коллективного труда складывались традиции, происходил отбор наиболее выразительных, быстрых, экономичных и эффективных приёмов исполнения игрушки. Однако тип игрушки оставался при этом повсюду одинаковым: их традиционная тематика - женские фигурки, всадник на коне, изображение птицы, оленя, барана и т.п.

Образ всадника на коне занимает одно из центральных мест не только в глиняной пластике, но и в резьбе и росписи по дереву, в вышивке и в народной деревянной игрушке. В народных поэтических представлениях этот образ связывался с возрождением солнечного тепла, света, жизни. М.А. Некрасова пишет: «Всадник-воин освобождал весну от зимних оков холода и мрака, отпирал солнце и весенние воды. Этот мотив в фольклоре воплотился в образе Егория Храброго, который отмыкал землю, после чего наступала весна. Отсюда происходит такая функция этого мотива, как плодородие. Всадник - податель травы, росы, воды, урожая, счастья».²⁴⁷

Игрушки из разных мест России отличаются друг от друга своей пластикой, степенью сложности и тонкости проработки формы, которая в значительной степени определяется особенностями местных глин. Филимоновская игрушка, которая изготавливается из «тощих», песчаных глин, имеет уплотнённые, вытянутые формы. Это придаёт филимоновским фигуркам не только оптимальную устойчивость и почти классическую стройность, но и характерную выразительность и неповторимость. Загадочно, будто зная что-то неведомое человеку, смотрят на зрителя расписанные в зелёную, красную и жёлтую полоску звери с фантастическими удлинёнными шеями и гордо вскинутыми головами. Простота и лаконичность её образов делают филимоновскую игрушку, непохожей ни на какие другие.

А пластичность, жирность вятской глины богато используется вятскими мастерицами, отсюда - обилие мелких деталей в дымковской игрушке. Глина здесь то свободно «волнится» по краям фартуков и кокошников, то закручивается в тугие завитки причёсок, то затейливо вьётся рюшками на руках. Поэтому так полновесна, так мягка и

²⁴⁷ Некрасова М.А. Народное искусство России. – С. 74.

округла дымковская игрушка. Она мажорна и активна в своей красочности; она прибавляет света тому интерьеру, в котором она находится. Лица, руки, фартуки у этой игрушки остаются белыми, так что по отношению к нему всякий другой цвет выглядит особенно ярким. «Дымковской игрушке чужды полутона и незаметные переходы. Вся она - броская, яркая, горящая цветными пятнами. Она напоминает рисунки, выполненные детьми. В Дымкове - бьющая через край полнота ощущения радости жизни. ... Дымка - добрая улыбка, а не резкий смех».²⁴⁸

В народной игрушке народ отдаёт ребёнку свою любовь и ласку, свою весёлость и смех, свои идеалы и знания, все свои умения, насыщая их добротой и красотой своей души. Этим определяется сила влияния игрушки на ребёнка. «Серый волк никогда не появится в Дымковской слободе: он слишком злобен. Мастерницы предпочитают ему доброго барана, покрытого шёлковой шерстью. Дымковская собака - безобидная дворняга, которая если и решится полаять, так, верно, лишь от радости. Как добра и торжественна здешняя водоноска, в пышном сарафане идущая с вёдрами».²⁴⁹ «В образах зверей, как бы ни были они фантастичны, - пишет по этому поводу М.А. Некрасова, - подчеркивается теплота доброй человечности. В русском народном искусстве нет вообще изображений устрашающих, нет ужаса, нет зла. Как бы ни были причудливы, фантастичны изображения животных, они тем не менее не устрашают. Они скорее добры, чем злы, простодушны и веселы, лирично теплы, а не свирепы».²⁵⁰ Народное воображение наделяло вещи чертами живого мира, в образах животных народ подчёркивает то, что свойственно человеку, ценимо и любимо им. Вспомним излюбленный сюжет дымковских мастерниц: птица-пава заботливо, домовито, несёт своих птенцов на крыльях, оберегая их от бед и невзгод. Плавность, округлость ритмов, перетекающих объемов, линий создают ощущение покоя, доброго простодушия птицы-человека.

Многоцветная роспись и кусочки сусального золота, украшающие глиняные фигурки, усиливают впечатление полноты праздника, радости жизни. Их образность, яркость, эмоциональность, конкретность соответствуют психофизиологическим особенностям зрительного восприятия детей. В этих игрушках сосредоточен своеобразный язык художественного творчества, в котором закодированы этнические образы-символы, постоянно живущие в памяти народа. Игрушка - это предмет-знак, обеспечивающий для ребёнка возможность самого лёгкого, занимательного и

²⁴⁸ Осетров Е.И. Цит. соч., с. 197.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Некрасова М.А. Народное искусство России. – С. 40.

доброжелательного по отношению к его ранимой душе вхождения в национальную культуру. Причину того, что русские оказались склонны выполнять изображения животных в столь добродушной и миролюбивой манере, М.А. Некрасова усматривает в давней художественно-мифологической традиции славян: «Славяне не изображали злых духов, отгораживаясь от них, они утверждали магию добрых сил, создавали в образах природы и животных символы своей веры. Эта особенность коренится в глубинах миролюбивой народной психологии, в исторически сложившемся характере народа, в понимании им смысла жизни и в своеобразии её восприятия».²⁵¹

М.А. Некрасова пишет, что в процессе создания предметов прикладного искусства, в том числе и народных игрушек, мастер всегда чувствует свою духовную причастность к культурной традиции родного края, а она, в свою очередь, создаёт в каждой культуре особый национально-психологический образ мира.²⁵² Именно поэтому игрушки разных народов настолько неповторимы, так рельефно отличаются друг от друга.

Свою специфику имеет и русская народная игрушка, которая представляет собой яркое самобытное произведение прикладного искусства, придуманное и созданное самим народом. Она передаёт его этнические черты, отражает особый национальный колорит. Игрушка, созданная народом, опирается на родную и близкую ему природу, наполняется традициями национального образа жизни (быт, костюм, и т.д.), характеризует страну и взгляды определенного народа. Национальный характер игрушки проявляется в том, что они обобщают обычаи, вкусы и верования народа. Игрушечным произведениям, как и всему народному творчеству, присуща высокая степень художественного обобщения. Это относится и к форме, и к содержанию художественных произведений. Все народные игрушки, в своих многовариантных решениях, несут в себе идеи мира, добра и материального воплощения представлений о прекрасном, способность народа идеализировать и украшать жизнь. Игрушки, используемые крестьянскими детьми в их играх, напоминают о мирном быте взрослых; среди них не встречается игрушек, которые провоцировали бы агрессию и насилие. В материалах этнографического музея описываются, например, следующие игрушки, используемые детьми простого народа в России:

- Погремушки, побрякушки, тарыхтушки. В центральной России погремушки чаще всего делали из дерева и красились яркой краской, внутрь помещался горох или мелкие камешки;

²⁵¹ Там же.

²⁵² См.: там же, с. 13-40.

- Бубен. Он представлял собой круг, согнутый из обруча или лубка, окружность которого увешивалась колокольчиками или бубенчиками;

- Свистульки. Изготавливались из глины, изображали собой уток, петухов, баранов, лошадей, кошек, собак;

- Соловьи-канарейки. Соловей – это небольшой заполненный водой глиняный горшочек с мелкими отверстиями наверху. Воздух, проходя через щели, вызывал бульканье воды и производил радовавшие малышей звуки;

- Гармошки и гармони; Гармошка - деревянная маленькая коробочка, имевшая на верхней стороне трубочку, а в нижней - круглые дырочки с четырьмя медными язычками. Ребёнок вдвухвал в трубочку воздух, затем втягивал его в себя, язычки колебались, издавая своеобразные звуки, удивлявшие малыша.

- Пищалки, ревуны (Симбирская губерния). Пищалка представляла собой ленточку, которая натягивалась между двумя параллельно поставленными деревянными пластинками с небольшим проходом для воздуха. Ревуны делались из коры молодых стебельков различных деревьев;

- Дудки, сопелки, рожки, свирели, желейки. Дудка делалась из дерева, полого внутри;

- Волчок, кубарь, точка. Кубарь имеет вид деревянного шара или цилиндра на коротенькой ножке, он пускается по твёрдому ровному полу или льду;

- Вертушка (Олонецкая губерния), жужалка (Вятская губерния), дзык, фурчалка, гуркала (Малороссия);

- Трещётки;

- Куклы и механические игрушки (пильщики, плясуны, кузнецы, мельники);

- Лошадки, тележки.²⁵³

Е.А. Флериная утверждает, что народная игрушка будит мысль и фантазию ребенка. Многие игрушки - это подлинная сказка. Очевидно, что в народной игрушке таится некий психологический смысл, который притягивает взор ребенка и раскрывает душу. По мнению Е.А. Флериной, народная игрушка богата традициями национального русского искусства: упрощенность и четкая ритмичность формы, декоративность росписи, орнаментальность, неудержимая яркость и благородная сдержанность в подборе цвета. Поэтому воспитательная ценность состоит в том, что «только в народной

²⁵³ См.: АГМЭ, 7, 1, 821, 1-61; АГМЭ, 7, 1, 1234, 1-9; АГМЭ, 7, 1, 1344, 1-26; АГМЭ, 7, 1, 1350, 1-68; АГМЭ, 7, 1, 1682, 1-14; АГМЭ, 7, 1, 1769, 1-19; АГМЭ, 7, 1, 1770, 1-8; АГМЭ, 7, 1, 1825, 1-35.

игрушке заключена теплота, которая выражается в заботливом, любовном ее исполнении». Именно народная игрушка в полной мере отражает традиции национального русского искусства и приспособлена к игре как главному проявлению духовной жизни ребенка.

Как и любое произведение народного искусства, игрушка служила своеобразным эталоном, отражая формировавшиеся веками представления о красоте и эстетическом совершенстве. Это хорошо понимали русские педагоги. Уже в 60-х годах XIX столетия К.Д. Ушинский, А.Я. Симанович и другие педагоги в своих методиках опирались на национальный опыт, используя детский фольклор, традиционные игрушки и игры. Самой ценной в этом плане признавалась самоделка, создаваемая ребенком в процессе самостоятельного труда и противостоявшая, по выражению русских педагогов, «грубым, пошлым и безнравственным» фабричным игрушкам.

Нельзя не затронуть еще один вопрос - вопрос о народной игрушке которая, стремительно превращающейся в наши дни в сувенирную продукцию, не предназначенную для ребенка и не требующую педагогического сопровождения. Следует помнить, что именно народная игрушка традиционно выступала в качестве инструмента сохранения культурного наследия. Именно как воплощение духовного опыта народа она способна стать эффективным педагогическим средством. В то же время следует иметь в виду, что при всей гармонии внутреннего содержания и внешней формы народная игрушка всё же не всегда доступна современному ребёнку в силу небольшого диапазона его социального опыта. Поэтому необходимо создать условия для «распредмечивания» духовного содержания русской народной игрушки и последующего «опредмечивания» этого содержания в личном опыте детей дошкольного возраста.

Содержание игрушки «распредмечивается» в игровом действии, предполагающем принятие на себя той роли, которая составляет духовное содержание игрушки. На основе использования игрушки формируется игровая ситуация. Игрушка может выступать и как самостоятельный партнер, с которым взаимодействует ребенок, и как атрибут, посредством которого осуществляется взаимодействие двух, трех и более детей и взрослых. Являясь средством опосредованной передачи социального опыта, народные игрушки отвечают задаче создания условий для свободного социально-ролевого самоопределения, самореализации и саморазвития растущей личности.

Процесс приобретения ребёнком социальных ролей успешно и интенсивно происходит в игре через имитацию (подражание окружающему) и идентификацию (отождествление себя с другим). Чтобы социальная роль стала частью структурного «Я», должен

осуществится процесс её внедрения в «глубины» себя путём различных форм деятельности, включая процесс идентификации с ролью. Чем глубже духовное наполнение социальных ролей, шире их диапазон, тем полнее индивидуальная и социальная жизнь личности, её социальный опыт.

Социализация ребёнка обеспечивается благодаря выполнению следующих педагогических условий:

- погружение детей, родителей и воспитателей в единую этнокультурную среду;
- комплексное использование средств народного воспитания;
- создание ситуаций, в которых детям передаётся социальный опыт;
- дифференцированный подход к детям, находящимся на разном уровне игрового взаимодействия;
- воспитание у детей эмоционально-положительного отношения друг к другу и их отражение в собственной игровой деятельности;
- включение народной игрушки во все виды деятельности детей.

Таким образом, ребёнок постепенно погружается в этнохудожественную деятельность, а игрушка становится элементом значимого с педагогической точки зрения культурного наследия народа. В игрушках сосредоточен своеобразный язык художественного творчества, в котором закодированы этнические образы-символы, постоянно живущие в памяти народа. Их образность, яркость, эмоциональность, конкретность соответствуют психофизиологическим особенностям зрительного восприятия детей. Игрушка - это предмет-знак, обеспечивающий для ребёнка возможность самого лёгкого, занимательного и доброжелательного по отношению к его ранимой душе вхождения в национальную культуру. В процессе создания предметов прикладного искусства, в том числе и народных игрушек, мастер всегда чувствует свою духовную причастность к культурной традиции родного края, а она, в свою очередь, создаёт в каждой культуре особый национально-психологический образ мира. Именно поэтому игрушки разных народов так неповторимы, настолько рельефно отличаются друг от друга.

Анализ народной игрушки и традиционной детской игры с точки зрения их значения для воспитания миролюбия в современной педагогике показывает, что народная игрушка и народные игры, являясь феноменом традиционной культуры, способны служить средством приобщения детей и подростков к народным традициям. Их использование в педагогическом процессе оказывается существенным

для воспитания духовности, формирования системы нравственных оценок, культуры общения и общечеловеческих ценностей, одним из которых и является миролюбие. Игра способствует установлению доброжелательных отношений, даёт возможность понять другого, почувствовать его настроение, в процессе игры воспитывается культура межчеловеческих отношений. Основными условиями игры являются объединения детей в играх, вызывающих общие переживания, заинтересованность игрой, на фоне которой формируются чувства симпатии, взаимопомощи, уважения, миролюбия. Постепенно чувства, проявляющиеся в игре, переходят в опыт собственных переживаний.

К сожалению, в последние десятилетия разрушаются социальные и психологические механизмы воспроизводства народных игр, уходит в прошлое их главная опора - трёхпоколенная многодетная семья и вековые традиции общинной жизни. Выросли целые поколения воспитателей - педагогов и родителей, - которые не способны приобщить детей к традиционным народным играм. Снижается культура игры, при этом нарастает количество игровых форм, и, возможно, приближается наиболее «игровой» период в жизни человечества. Появляется всё больше новых игр, рождённых современной технологией и техникой: бесчисленные компьютерные игры, игровые автоматы, телевизионные игры, новые типы игрушек. Главная цель этих новых игр - превращение людей в «потребителей», формирование у человека определенных форм поведения, которые делали бы его приемлемым, удобным элементом «общества потребления». Предметная среда - это та основа, на которой строится воспитание. Сегодня рынок игрушек заполнен огромным количеством оружия, всевозможных наручников, ножей, приспособлений для пыток, что является дополнительным стимулом для роста агрессивности и жестокости у детей. Вместе с тем традиционные каналы развития празднично-игровой культуры оказываются заброшенными, и в этом можно увидеть проявление общего кризиса фольклорного творчества и современного общества в целом.²⁵⁴

²⁵⁴ См.: Каргин А.С. Народная художественная культура: Курс лекций для студентов высших и средних учебных заведений культуры и искусств. Учебное пособие. – М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 1997. - С. 53-57.

Часть шестая.

ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ МИРОЛЮБИЯ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ: УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Ведущим компонентом народной культуры, имеющим большое воспитательное значение, является устное народное творчество, существующее в виде сказок, пословиц и поговорок, загадок, народного героического эпоса, песенного искусства.

Особенностью фольклора является его ярко выраженная региональная принадлежность и историческая конкретность. Фольклор как исторически конкретная форма народной культуры не остаётся неизменным, а развивается вместе с развитием исторических форм жизни народа. Он вбирает в себя всё ценное, что существовало ранее, и отображает социальные новации и изменения. Поэтому фольклор всегда самобытен и современен, он и сегодня сохраняет свою воспитательную функцию. «Важно также учитывать, что фольклор - не только самая национальная, но и самая интернациональная форма искусства», - пишет В.И. Калугин. «Почти все сказочные сюжеты относятся к числу «бродячих», совпадающих в фольклоре многих стран и народов».²⁵⁵ «Хотя сказочные сюжеты, как и песенные, былинные, способны самозарождаться, ... их совпадения - это совпадения типологически одинаковых жизненных и исторических ситуаций: все матери мира убаюкивают и пестуют своих детей одинаково, все богатырские поединки, встречи с «неузнанными» детьми, братьями, сёстрами совпадают, как совпадают решения одинаковых арифметических задач

²⁵⁵ Калугин В.И. Струны рокотаху ... Очерки о русском фольклоре. - М.: Современник, 1989. - С. 604.

вне зависимости от того, где эта задача ... решается».²⁵⁶ Однако, ««бродячие» образы и «бродячие» сюжеты не привели к созданию некоего единого «фольклорного эсперанто». Именно в фольклоре интернациональное (всеобщее) не исключает, а, наоборот, сохраняет национальное (индивидуальное). И в этом отношении фольклор полностью противоположен современной буржуазной массовой культуре, основанной на денациональных стереотипах».²⁵⁷

Одним из главных элементов устного народного творчества является песня, сопровождающая человека всю его жизнь - от рождения до смерти - в труде, на празднике, в быту. В песнях, как и в других видах народного творчества, воспевались трудовые и героические подвиги народа, красота природы, восхвалялись человеческие добродетели. Песня концентрировала человеческую мудрость и приспосабливалась к возрасту ребёнка, условиям жизни, семьи и общины. Поэтому она имела ярко выраженный воспитательный характер и могла использоваться для воспитания тех или иных нравственных качеств ребёнка.

С первых минут своего земного бытия ребёнок оказывается не в хаосе звуков, а во власти слова и музыки, в упорядоченной музыкально-поэтической среде; колыбельные песни вводят ребёнка в мир, настраивают на определённый гармоничный музыкально-поэтический лад. Колыбельная песня складывалась веками, в ней сложилось оптимальное соотношение мысли, движения, настроения. «Мать своим врождённым чутьём поняла, что для ребёнка нужны песни ... умиротворяющие, светлые и монотонные. Так создалась форма колыбельной песни. Те же материнские чувства подсказали, каково должно быть содержание колыбельных песен: здесь отражается всё, что есть в душе матери лучшего, возвышенного».²⁵⁸ Звучит в них и мотив миролюбия: «Спи, пока забот не знаешь, баюшки, баю. В церковь Божию ходи и со всеми мир веди».²⁵⁹ В колыбельных песнях раскрываются нормы и правила нравственного поведения: «Будь счастлива, будь умна, при народе будь скромна».²⁶⁰

Во многих колыбельных песнях перед ребёнком разворачивается перспектива его будущей самостоятельной, взрослой жизни. Здесь ему задаётся структура социального пространства, в котором он найдёт себе место, а также нравственные категории его

²⁵⁶ Там же, с. 612.

²⁵⁷ Там же, с. 613.

²⁵⁸ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. – Вып. 1: Младенчество. Детство. – С. 576.

²⁵⁹ АГМЭ, 7, 1, 1566, 24.

²⁶⁰ АГМЭ, 7, 1, 1705, 47.

взаимоотношений с окружающими, то есть закладывается система отношений в пространстве мира людей, определяются цели жизни ребёнка. Миролюбие как одна из нравственных категорий, имеющая важнейшее значение для становления человеческой социальности, проявляется в народном песенном творчестве уже на уровне отбора лексики. Анализ народных песен показывает, что их образы и выражения являются подчёркнуто дружелюбными и миролюбивыми, несут спокойствие, часто сопровождаются уменьшительно-ласкательными суффиксами.²⁶¹

Как показывает исследование текстов колыбельных песен, преобладающими темами в них являются темы, созвучные народным представлениям о мире и спокойствии. Так, из 125 проанализированных нами песен пожелания счастливой мирной жизни встречаются в 25 песнях, мотивы труда, здоровья, согласия – в 35, пожелания спокойного сна – в 27, пожелания дружной семейной жизни – в 12, подарки к празднику родным и соседям упоминаются в 9 песнях, а предупреждения об опасностях, пожелания осторожности встречаются - в 17 песнях. Результаты данного анализа убеждают в том, что в колыбельных песнях широко представлены темы, связанные с осознанием мира как важнейшей ценности человеческой жизни.

Важно помнить о психологических особенностях живого восприятия фольклорных текстов ребёнком: помимо их содержания много предопределяет и сама ситуация, в которой они исполняются. М.В. Осорина так представляет психологический контекст восприятия ребёнком материнской песни: Колыбельную песню мать, бабушка или няня поёт вечером, чтобы ребёнок поскорей заснул. С психологической точки зрения, он находится в это время в особом душевном состоянии предсонья: тельце постепенно расслабляется, глазки закрываются, собственные мысли в этом возрасте ещё отсутствуют и не мешают внимательно сосредоточиться на голосе взрослого. «Такому сосредоточению помогает ещё и то обстоятельство, что поющий голос является главным на фоне окружающей тишины и темноты. Можно сказать, что состояние ребёнка подобно тому, что бывает у людей при гипнотическом внушении. Ритм колыбельной песни, обычно соотносённый с ритмами дыхания и сердцебиения матери и ребёнка, играет очень важную роль в открывании души навстречу поющему голосу», - пишет М.В. Осорина.²⁶² По наблюдению Г.В. Луниной, в мотивах многих колыбельных песен присутствует мысль об огромности мира, в котором происходит много таинственного и опасного, а

²⁶¹ См.: Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. – Вып. 1: Младенчество. Детство; 2: Детство. Отрочество; Вып. 3: Девичество.

²⁶² Осорина М.В. Цит. соч., с. 20.

спасительными для ребёнка оказываются как раз самые близкие существа – родители, домашние животные, привычная природа родных мест, защищающие и оберегающие его. Это формировало у ребёнка чувство защищённости, повышая тем самым его эмоциональное благополучие, закладывая в душу ребёнка доброту и миролюбие, давало надежду на то, что будущая жизнь принесёт много радости.²⁶³

Как свидетельствуют тенишевские корреспонденты, колыбельные песни пели не только взрослые, но и девочки, которые присматривали за своими братьями и сёстрами.²⁶⁴ Трудолюбие и терпение естественно перерастало в способность дружить и мирно уживаться с окружающими: «Сама ещё ребёнок, а мастерски и любовно справляется одна с двумя-тремя малышами. И на вопрос: «как ты ладишь с этой «мелюзгой»?» она серьёзно и просто бросит: «Я уже третье лето сижу».²⁶⁵

Колыбельные песни принадлежат к числу самых искренних и интимных видов народной поэзии, это беседа женщины со своей душой; в них отражаются самые сокровенные думы женщины. Поэтому изучение колыбельных песен является одним из самых верных путей проникновения в глубину народного мировоззрения.

Наряду с колыбельными песнями важной формой фольклора, использовавшейся в народной педагогике для воспитания миролюбия и других важнейших нравственных качеств человека, была лирическая песня, называвшаяся также «плачем», «песней-плачем». Изначально они возникли благодаря народным обрядам и лишь постепенно стали отражать, прежде всего, внутренний мир человека, переживания отдельной личности и коллектива. Происхождение лирических песен из обряда как формы межчеловеческого общения, первоначальной формы социальности, сделало её способной устанавливать и закреплять общественно значимые психологические связи между людьми. Неслучайно поэтому важными темами лирических песен становятся важнейшие черты духовного облика человека – любовь к Родине, к родной земле, человечность, сострадание, миролюбие. Исполнение лирических песен требовало многоголосья, которое как бы воспроизводило единение людей в жизни. Плавность и непрерывность помогали сохранить «цепное дыхание», возможное лишь в многоголосье.²⁶⁶ Е.И. Осетров пишет о связи хорового пения и многоголосья с традиционными формами русской социальности:

²⁶³ См.: Лунина Г.В. Цит. соч..

²⁶⁴ См.: АГМЭ, 7, 1, 1661, 4-6.

²⁶⁵ АГМЭ, 7, 1, 1825, 25.

²⁶⁶ См.: Родителява М.И. О народной эстетике русской песенной лирики // Живая старина. 1991, №3. – С. 30-32.

«Народ веками шлифовал свои песни и манеру их исполнения, создал многоголосье, - оно появилось, потому что у нас любили пение «всем миром», то есть хором».²⁶⁷

Содержание лирических песен было связано как с крестьянским бытом, так и с драматическими событиями в жизни народа. Как правило, в сознании исполнительниц лирических песен, «песенниц», именно с важными событиями народной жизни ассоциировалась собственная, часто очень непростая, судьба, что делало их как задушевными и лиричными, так и широкими по выбору тем, богатыми по содержанию, приближало лирические песни к эпическим формам фольклора. «Русские женские плачи, - писал в этой связи Д.С. Лихачёв, - необыкновенное явление. Они не только изъяснение чувств, они – осмысление совершившегося. (...) Плачи проникновенно понимают государственные тревоги и самопожертвование родных, значение событий».²⁶⁸ В русских лирических песнях поэтизируются главным образом темы труда, любви, красоты родной природы, создающие настроение спокойствия, лада с миром, душевной гармонии.

Анализ песенного творчества русского народа убеждает в том, что практически во всех тематических циклах (любовный, свадебный, семейный, шуточный и сатирический, солдатский, аграрный и т.д.) встречаются мотивы, создающие настроение спокойствия, умиротворения, благоговения, которое оказывается психологически легко совместимым с миролюбием как распространённой чертой народного характера. Например, как показывает систематический анализ текстов народных песен, труд в них часто составляет фон, на котором разрабатываются те или иные темы, рисуются различные образы. В том числе и настроение миролюбия часто присутствует в песнях аграрного, бытового циклов, в которых говорится о труде. То же самое можно сказать и о тех песнях, которые посвящены животным (волк, заяц, олень, медведь). В повадках животных и отношениях человека с ними выступает характерное для простого народа предпочтение мирной, трудовой и спокойной жизни. Общераспространённость этого крестьянского мировоззрения, в котором терпение, смирение, стойкость в страданиях, миролюбие, готовность простить другого и принять свою судьбу, какой бы она ни оказалась, становится очевидным для всякого, кто знакомится с песенным творчеством народ.

С целью выявить влияние народной песни на развитие у детей исследуемого качества личности нами был осуществлён анализ содержания лирических песен. В них преобладают песни о любви с

²⁶⁷ Осетров Е.И. Цит. соч., с. 115.

²⁶⁸ Лихачёв Д.С. Прошлое – будущему. – С. 392.

характерными для них темами: страдания от неразделённой любви, песни о сиротской доле и т.п. В этом контексте появляются и мотивы, раскрывающие народное понимание миролюбия. В частности, любимый или соперница в любви в женских страданиях принимаются такими, каковы они есть, без призыва к борьбе с ним, без угроз. Вот некоторые примеры, они типичны и повторяются в народных песнях многократно: девушка поёт: «Уж ты, девушка, девка красная, почто ж молодца перебаяла, почто холоста перекликала?» и слышит в ответ, что это не она её милого перекликала, а её красота.²⁶⁹ Во всех случаях, когда жизненные обстоятельства способны вызвать непонимание и конфликт, ссоры, злобу, песня учит, как миром решить любую проблему. В песнях мы не найдём выражения злобы, а лишь печаль и страдания. Тем самым народные песни подавали детям образец миролюбивого поведения человека в самых сложных жизненных ситуациях. Одним словом, там, где можно было предположить возникновение ссоры, песня даёт пример поведения другого рода. Слушая с ранних лет песни, ребёнок получал своеобразное наставление о том, что естественным для человека является терпимое, доброжелательное отношение к людям, учился находить компромиссы, сотрудничать в решении общих проблем.

Развиваясь и совершенствуясь средства воспитания, народная педагогика сформировала в своём арсенале так называемые малые формы фольклора - пословицы, поговорки, загадки. Под пословицей понимают «меткое образное изречение назидательного характера, типизирующее самые различные явления жизни и имеющее форму законченного предложения».²⁷⁰ «Пословицы не отражали, подобно мифам, фантастических представлений человека. Чего не было в действительности, того не было в пословицах. Они стоят в ряду тех источников, которые больше всего лишены субъективизма и сохранили хотя и фрагментарные, но достоверные сведения о педагогических реалиях далёких времён. Пословицы - своеобразная летопись народной жизни и народного педагогического творчества. Конкретность, образность, ритмичность и краткость пословиц способствовали быстрому запоминанию их детьми и хранению в памяти народа».²⁷¹

Многие пословицы переходили из эпохи в эпоху, не меняя своего смысла, утверждая «вечные» истины мира, добра, справедливости. Смысл всякой пословицы - обобщение опыта прошлого, который дан как завет на будущее. Однако «большая часть

²⁶⁹ См.: *Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре.* – Вып. 3: Девичество. – С. 99.

²⁷⁰ Волков Г.Н. *Цит. соч.*, с. 62.

²⁷¹ *Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII веков / Сост. Д. Бабишин, Б.Н. Митюрков.* - М.: Педагогика, 1985. – С. 16.

пословиц обращена к нравственной сути человека - поискам и определению содержания таких понятий, как добро, зло, правда, кривда, жалость, сострадание». ²⁷² Остротой своего содержания пословицы и поговорки отражают реалистические народные выводы о том, что мир и согласие являются основой человеческой жизни и благополучия, в них воплощалась традиционная система нравственных понятий, требований, суждений целого ряда поколений.

Пословица – это, по выражению В.И. Даля, «цвет народного ума», и ум этот всегда оберегает нравственность. В форме краткого меткого изречения они запечатлевают особенности национального характера, мудрость и жизненный опыт народа. «Струи народной поэзии пребывают в пословицах наших, в которых видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать всё своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живого воображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое принимает насквозь природу русского человека, задирая за всё её живое», ²⁷³ - писал Н.В. Гоголь.

Пословица создаётся всем народом, поэтому выражает коллективное мнение народа. «Худой мир лучше доброй ссоры» - лучше жить в мире, чем враждовать; пусть мир и покой дались с трудом, пусть недовольство друг другом осталось, но зато миновала опасность полного разрушения мира; мир превыше всего в любых сложных и конфликтных ситуациях. Как свидетельствуют тенишевские корреспонденты, в ходу было много пословиц о добрых, мирных соседских отношениях, например: «Себе согрubi, а соседу удружи»; «Не копи имение – наживи соседей»; «Ближний сосед лучше дальней родни»; «С соседом жить – дружить»; «Сам поголодай – нищему отдай». ²⁷⁴

Конечной целью пословиц всегда было воспитательное воздействие, с древнейших времен они выступали в качестве особых педагогических средств. С одной стороны, они содержат педагогическую идею, с другой - оказывают воспитательное влияние, несут образовательные функции: говорят о средствах и методах воспитательного влияния, соответствующих представлениях народа, дают характерологические оценки личности, например: «Конь берёт рывом, а человек смирением»; «На ходу зелёной травы не сомнёт» - о

²⁷² Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост., авт. Предисл. И коммент. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанов. - М.: Современник, 1986. – С. 12.

²⁷³ Гоголь Н.В. В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность // Собр. соч. в 14 томах, т. VIII. - М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. – С. 369.

²⁷⁴ АГМЭ, 7, 1, 1791, 22.

смирении; «Добрый человек зла не помнит, а злой добра не помнит»; «Гнев - человеческое, а злопамятство - дьявольское» - о миролюбии.²⁷⁵

Анализ русских пословиц, собранных В.И. Далем, показывает, что значительная их часть либо прямо связана с высокой оценкой миролюбия и близких миролюбию нравственных качеств (правдолюбие, терпение, кротость, смирение, прощение и т.п.), либо указывает на значимость для нравственного сознания народа трудовых ценностей (трудолюбие, упорство и т.д.). Основные темы русских пословиц, прямо или опосредованно выражающих идеи миролюбия, проанализированные нами по сборнику В.И. Даля «Пословицы русского народа», распределяются следующим образом:

Темы пословиц	Общее количество	Связаны с идеями миролюбия
Мир-Ссора-Спор	345	231
Бог-Вера	313	204
Добро-Милость-Зло	310	165
Правда-Неправда-Ложь	324	68
Строгость-Кротость	43	21
Счастье-Удача	770	204
Терпение-Надежда	285	189
Признательность-Благодарность	208	54
Просьба-Согласие-Отказ	307	111
Драка-Война	77	55
Ссора-Брань-Драка	108	78
Судьба-Терпение-Надежда	205	84
Хорошо-Худо	148	35
Смирение-Гордость	94	42
Земледелие	238	98
Упорство	73	11

²⁷⁵ АГМЭ, 7, 1, 1791, 12.

Заметим, что идеи миролюбия в русских пословицах часто вплетены в высказывания, относящиеся к земледельческому труду, характеристике нравственных качеств простых людей, народному восприятию правды, судьбы, добра и т.д. Идентифицируя их как связанные с идеей миролюбия, мы опираемся на выделенные нами компоненты понятия миролюбия: терпимое, доброжелательное отношение к различным национальным, религиозным, социальным группам, стремление к нахождению компромиссов, сотрудничество в решении общих проблем, уважение к культурной самобытности и индивидуальности каждого народа и человека. Таким образом, из 5953 проанализированных у нас пословиц 1650 (28%) оказались так или иначе выражающими стремление народа к миру, согласию, спокойствию.

Универсальным средством «введения» ребёнка в национально-культурный социум является народная сказка. И.А. Ильин писал, что «сказка - это объективированное созерцание сердца народного, символ его страданий и грёз, иероглифы его души».²⁷⁶ Народная сказка способствует формированию определённых нравственных ценностей, нравственного идеала. Для ребёнка идеал – далёкая перспектива, к которой он будет стремиться всю жизнь, сверяя с ним свои дела и поступки. «Вопросы, на которые отвечает русская сказка, всегда касаются главного: национального мироощущения и национальной судьбы. Сказка отвечает нам на самый главный вопрос о смысле жизни, о судьбе человека, тяготах и опасностях, о мудрости земной, об истинности пути».²⁷⁷

Психология детей, основные законы детской логики и восприятия - всё это «учтено», то есть реально живёт в фольклоре, в закреплённом в нём педагогическом опыте народа. Большая часть сказок основывается на цепочке нарастающих повторов. В науке такие сказки принято называть кумулятивными. Выделяя принцип повтора как наиболее древний, реликтовый, В.Я. Пропп делал следующий вывод: «Нанизывание есть не только художественный приём, но и форма мышления, сказывающаяся не только в фольклоре, но и в явлениях языка».²⁷⁸ Цепочка повторов способствует лучшему запоминанию, приучает к счёту, прослеживанию причинно-следственных связей, а чёткий сюжет сказки, драматизированное изображение событий способствуют тому, чтобы ребёнок, войдя в круг воображаемых обстоятельств, смог мысленно содействовать героям, в

²⁷⁶ Ильин И.А. Русская душа в своих сказках и легендах // Собр. соч. в 10-ти томах, т.6, кн.3. - М.: Русская книга, 1997. – С. 31.

²⁷⁷ Там же, с. 41.

²⁷⁸ Пропп В.Я. Русская сказка. - М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. – С. 349.

которых сконцентрированы лучшие человеческие качества народного характера. О значении сказки, оказывающей непосредственное воспитательное влияние, писал А.И. Запорожец: «Сказка вводит ребёнка в некоторые воображаемые обстоятельства и заставляет его переживать вместе с героями сказки такие чувства, идти к таким новым представлениям, которые окажут влияние на его последующую жизнь».²⁷⁹

Для большинства детей окружающий мир представляет собой мир сказочный; он полон чудовищ, волшебников, превращений. Сказочные образы воспринимаются ребёнком как вполне реальные и способны влиять на его психику, поведение точно так же, как и реальные люди. К.Б. Соколов показывает, что основная функция сказок у всех этносов и во всех формациях заключается в том, что сказки помогают построить первоначальную наиболее приемлемую для детского возраста картину мира.²⁸⁰

Тот факт, что «сценарное программирование» поведения ребёнка закладывается именно в детстве, вовсе не является случайным. К.Б. Соколов указывает, что в детстве человек в большей степени расположен к принятию сценариев поведения, он нуждается в них как в готовых способах структурирования и упорядочивания своей деятельности. Кроме того, ребёнку легче принять сценарий поведения, поскольку его нервная система «сконструирована» как «программирующаяся система»: «она воспринимает чувственные и социальные стимулы и строит из них устойчивые модели, которыми управляется поведение».²⁸¹ В течение первых двух лет поведение и мысли ребёнка программируются матерью, это программа формирует первоначальный каркас его «сценариев поведения». В этот период он ещё ничего не знает о мире, а в его «голове» и «сердце» содержится, в основном, то, что вложили туда родители. Но именно это содержание становится ядром психики человека, во многом предопределяя то, что может произойти с ним в будущем.

А.М. Мехнецов, анализирующий произведения фольклора с точки зрения специфики их воздействия на ребёнка, подчёркивает, что «традиционное народное творчество «конденсирует» в себе

²⁷⁹ Запорожец А.В. Психология восприятия ребенком-дошкольником литературного произведения // Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х томах. Т. 1. – М.: Педагогика, 1986. – С. 71.

²⁸⁰ См.: Соколов К.Б. Сказочный архетип как признак субкультурной картины мира // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Сб. научн. трудов. Вып. 8: Традиционные формы досуга. – М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 1998.

²⁸¹ Там же, с. 239.

нравственно-эстетическую культуру, пронизывающую весь уклад жизни и поведения людей», в соответствии с чем эстетическое и нравственное оказываются неразделимыми в народной культуре.²⁸² Для детей «слова «красивый» и «добрый» имеют одинаковое значение, то есть этическая и эстетическая оценки в представлении ребёнка не просто равны, но слиты и неразделимы».²⁸³

Главные герои русских сказок - Иванушка-дурачок, Иван-крестьянский сын, Иван-запечник и т.д., именно они и воплощают в себе лучшие человеческие качества: это люди добрые, миролюбивые, душевные, близкие к природе. «Простота» выступает в качестве понятной народу метафоры этих героев. «Неприглядный внешний облик, - пишет В.Я. Пропп, - контрастирующая оболочка необычайной внутренней красоты, душевной силы, благородства».²⁸⁴ Всё это обнаруживается при испытании героя, проявляется в дальнейших его поступках. В сказке «Волшебное кольцо» герой отпрашивается у матери из дома. Она даёт ему сто рублей, но он видит, что люди бьют собаку и покупает её - отдаёт за неё всё, что у него есть, все сто рублей. В другой раз ему встречаются мальчишки, которые несут кошку, чтобы утопить её. Он опять покупает кошку за сто рублей, то есть снова совершает неразумный, «дурацкий» поступок. После этого его прогоняют из дома, а кошка и собака становятся его волшебными и всемогущими помощниками. На этом примере видно, что «герой-дурак» поступает вопреки очевидной логике и здравому смыслу. Бессребренничество посрамляет здесь трезвый расчёт, а беззлобность и детскость - рассудительность и практичность. Поступая вопреки житейскому смыслу, «дурак» угадывает какую-то большую правду, которая оказывается истинной мудростью.

Характерной чертой народной педагогики является, стремление обучать детей умению жить в мире и согласии с природой. В сказках, например, большое распространение получили сюжеты о благодарных животных. Герой голоден, нацеливается на пищу, чтобы убить её, но она просит пощады, и он её щадит; в другой сказке он видит, что пташки мокнут под дождём, и накрывает их своим плащом. Птица дарит герою птенца, который оказывается потом волшебным всемогущим помощником героя, спасает его от гибели. Но это происходит только тогда, когда человек не нарушает законов природы. В союзе с ней он становится лучше, чище, добрее.

²⁸² Мир детства и традиционная культура / Материалы III чтений памяти Г.С. Виноградова / Сост. В.М. Григорьев, М.А. Мухлынин. – М.: ВНИЦНТ и КИР им. Н.К. Крупской, 1990. – С. 26.

²⁸³ Коряжкина Е.А. Цит. соч., с. 51.

²⁸⁴ Пропп В.Я. Русская сказка. – С. 210.

Уже из рассмотренных случаев хорошо видно, какие качества обнаруживает герой сказок в испытаниях. «Прежде всего, это качество, противоположное эгоизму. Это умение понимать состояние и страдание другого существа, сострадание к угнетенным, слабым, требующим помощи. Это своего рода гуманность».²⁸⁵ «В сказках всё построено на противопоставлении, на антитезе, на светотени. Этому универсальному художественному приёму подчинены все элементы сказки: сюжет, конфликт, представляющий собой борьбу добра со злом, система сказочных героев, бедность противопоставлена богатству, гордыня - смиренности».²⁸⁶

Мужскому идеалу соответствует и определенный идеал женщины в сказке. Сказка отражает наследие прошлых эпох, поэтому в женском образе отражены старинные идеалы русского крестьянина. Героиня обнаруживает, согласно наблюдениям В.Я. Проппа, «домовитость, трудолюбие, выдержанность, выносливость, терпение, скромность, кротость, готовность услужить и помочь».²⁸⁷ Эти характеристики, без сомнения, могут рассматриваться как составляющие понятия миролюбия. Этот идеал по сегодняшний день отличается красотой, совершенством и нравственной убедительностью.

Например, в одной из сказок Морозко хочет заморозить девушку, а она ему отвечает, кротко и терпеливо: «Тепло, Морозушка, тепло, батюшка!» И он отпускает и даже награждает её. Совершенно иначе реагируют её сводные сёстры: они бранятся между собой, а на вопрос, холодно ли, отвечают: «Поди ты к чёрту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмёрзли».²⁸⁸ Из этого примера видно, сколь разными по характеру являются сводные сёстры. На одной стороне мы видим эгоизм, себялюбие, заносчивость, нетерпимость, несдержанность, лень, грубость. На другой – терпение, миролюбие, способность принять и беззлобно перенести страдание.

Сказочные персонажи - идеальные герои, и поэтому они очень нравятся детям. Таким образом, народная сказка как бы влюбляет ребёнка в добро, показывает радость, испытанную от доброго поступка. Чем больше трудностей приходится пережить герою, тем ярче оказывается его победа. Именно поэтому в сказках часто изображаются страдания героев. Страдание в сказках рассматривается как дар. При этом наблюдается удивительная повторяемость: страдают - добрые, миролюбивые, благородные, бескорыстные; а злые, жестокие - нет.

²⁸⁵ Там же, с. 212.

²⁸⁶ Шамаева С.Е. Апология сказки. – Воронеж: Изд-во «Левый берег», 1996. – С. 40.

²⁸⁷ Пропп В.Я. Русская сказка. – С. 211.

²⁸⁸ Библиотека русского фольклора. Т. 2. Сказки, кн. 2. – С. 303.

Страдает и сострадает человек с добрым сердцем. Бессердечный человек страдать не может. Сказка изображает перед ребёнком путь от страдания к радости, и радость эту герой испытывает не потому, что он разбогател, живёт в достатке. Его радость - другого рода, она выражается в ощущении счастья от того, что сделал добро другому, облегчил его судьбу, сохранил мир и спокойствие. При содействии положительному сказочному герою у ребёнка развивается способность сопереживать с позиции высоких нравственных мотивов: «Отождествляясь с героем, носителем этих мотивов, ребёнок отражает не случайные, а общественно нормативные, эталонные переживания».²⁸⁹

Когда в сказке говорится о трёх братьях (сёстрах), то положительным героем всегда является младший. Но почему именно младший ребёнок не соблазняется в сказках ни «золотым венцом из камней самоцветных», ни «чёрными соболями сибирскими»? Он не такой как все, у него иные ценности. Младший сын или дочь сохранили в себе способность к детскому видению мира, чистоту, которой противопоставлена убогая земная «мудрость», всегда упрощённая и бездуховная. «И как в самом русском человеке всегда есть что-то детское, так просматривается оно и в его сказочных героях: они всегда по-детски храбры, по-детски безоглядно доверчивы, по-детски чистосердечны. Они добродушны, эмоциональны, отзывчивы, кротки, скромны, духовно подвижны».²⁹⁰ «Старшие братья, умники, никогда не выдерживают испытания, они всегда терпят поражение, вытекающее из их внутренней, моральной несостоятельности: они думают только о себе, о награде».²⁹¹

Как замечает С.Е. Шамаева, в сказках получает отражение приблизительная «статистика» нравственного состояния общества: не случайно две сестры или два брата - старший и средний - без колебаний идут по пути корыстолюбия, суетности, бездуховности, они заняты только земным, тогда как младший или младшая выбирают иной путь. Они живут не «умом», а «сердцем», именно «сердце» указывает им дорогу к миру и счастью. Следовательно, две трети людей - «материалисты», находящиеся в плену вещей, то есть ложных ценностей, а одна треть - «идеалисты», которым тесно в мире суетных забот.²⁹²

В русской сказке представлены не только два типа людей, но и два уровня бытия, о чём писал Е.Н. Трубецкой в своей работе ««Иное царство» и его искатели в русской народной сказке». С его точки

²⁸⁹ Запорожец А.В. Цит. соч., с. 72.

²⁹⁰ Ильин И.А. Русская душа в своих сказках и легендах. – С. 37.

²⁹¹ Пропп В.Я. Русская сказка. – С. 210.

²⁹² См.: Шамаева С.Е. Цит. соч..

зрения, в сказке даны разные уровни понимания счастья: «идеал сытого довольства ... - это нижний, житейский уровень сказки, тот её первый этаж, где волшебное в собственном смысле ещё не начинается», высшим же уровнем является изображение духовных ценностей.²⁹³ Если в обыденной жизни всё относительно, а потому «нудно и бесцветно», то в волшебной сказке герой тянется к абсолютному, вечному. По наблюдению Е.Н. Трубецкого, обыденное всегда разочаровывает: «Именно в этом житейском разочаровании - тайна иного, высшего очарования, этого сказочного хмеля. Именно этот подъём над житейским делает её нужной всем народам, всем ступеням культуры».²⁹⁴

Часто сказка заканчивается пиром. Это - и место торжества победителя, и рубеж, черта, в жизни героя. Все его помыслы были направлены к этому часу. «Пир означает некую соборность, общую радость. Если горе в одиночку ещё можно как-то перенести, то радость требует соучастия».²⁹⁵ Другая же концовка сказок - «стали жить-поживать и добра наживать» также вызывает размышления. Что здесь понимается под «добротом»? Вряд ли это материальное благополучие, скорее, это богатство души, которое наживается на протяжении всей жизни. Поиски сказочными героями высокого смысла не могут удовлетвориться достижением материального благополучия. Герой сражался не во имя богатства или достатка, а во имя высших нравственных понятий - правды, справедливости, мира.

Развитию и укреплению у детей чувства дружбы и мира между народами особенно способствуют исторические сказки. «Сказки народов мира связаны между собой. До некоторой степени сказка - символ единства народа. Народы понимают друг друга в своих сказках».²⁹⁶ «Она беспрепятственно переходит все языковые границы, от одного народа к другому, и сохраняется в живом виде тысячелетиями».²⁹⁷ «Народы как бы сообща создают и развивают свое поэтическое богатство».²⁹⁸ «Это происходит потому, что сказка содержит какие-то вечные, неувядаемые ценности».²⁹⁹ В сказках прослеживаются связи между народами, совместная борьба против иноземных захватчиков и эксплуататоров. В целом ряде сказок мы встречаем одобрительные высказывания о соседних народах. Во многих

²⁹³ Трубецкой Е.Н. Избранное. - М.: Канон, 1995. - С. 390.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Шамаева С.Е. Цит. соч., с. 105.

²⁹⁶ Пропп В.Я. Русская сказка. - С. 7.

²⁹⁷ Там же, с. 9.

²⁹⁸ Там же, с. 7.

²⁹⁹ Там же, с. 9.

сказках описываются путешествия героев в чужие страны, и в этих странах они, как правило, находят себе помощников и доброжелателей.

Материалом для сказок служила жизнь народа, его борьба за счастье, его стремление жить в мире, в ладу с другими национальными, религиозными, социальными группами, стремление к нахождению компромиссов, сотрудничество в решении общих проблем, его верования, обычаи, окружающая природа. Сказки пропитаны атмосферой добра, любви, мира, красоты, мудрости. Они раскрывают лучшие нравственные черты народа, говорят о беззлобности народной души и её способности прощать. Воплощение в сказочных героях положительных черт народа, создавшего их, сделало сказки эффективным средством передачи нравственных устремлений из поколения в поколение. «Какое же это счастье - принадлежать своему народу, прислушиваться к его душе, жить его мифами, упиваться его сказками, их толковать! Сказки содержат в себе жизненную философию магической, доисторической эпохи народа. Таковы и русские сказки: в них слышится детство русской народной души, вопрошающей и размышляющей о смысле жизни и природы, о путях добра и зла. В них философия и миф стали искусством; в них - усилия над развязыванием узлов национального характера. В них - начало формирования национального мироощущения и познания жизни», - указывает И.А. Ильин.³⁰⁰

Сказки вводят детей в особый, исключительный мир чувств, глубоких переживаний и эмоциональных открытий. Само построение сказки, ее композиция, фантастические и очень определенные по своей нравственной сути образы, выразительный язык, динамичность событий - все это делает сказку особенно интересной и волнующей для детей. Благодаря сказке ребёнок познаёт мир не только умом, но и сердцем. И не только познаёт, но и откликается на события и явления окружающего мира, выражает своё отношение к добру и злу. Сказка пробуждает активность ребёнка, так как настраивает его на сопереживание и сочувствие. Их захватывают сказочные события, им порой бывает трудно оставаться в роли просто слушателей, а, напротив, хочется действовать и помогать героям сказки.

Нравственное воспитание начинается не с усвоения ребёнком моральных понятий, а с пробуждения в нём добрых чувств. Обострённая восприимчивость, высокая эмоциональная отзывчивость, обусловленная пластичностью нервной системы, способствует формированию у них убеждений, на основе которых воспитываются сознание, руководство к поведению, вырабатывается воля. Сказки всех народов мира всегда поучительны и назидательны. Задача

³⁰⁰ Ильин И.А. Русская душа в своих сказках и легендах. – С. 58.

формирования нравственных качеств решается здесь как бы сама собой, ненавязчиво, без использования назойливого морализаторства. Ведь сказка родилась не из потребности рассказать её детям, а из необходимости закрепления народного опыта в художественном - самом мудром, самом надёжном и самом доходчивом способе. В этом заключается и основание особой педагогической эффективности сказок.

В фольклоре, как и в природе, всё развивается от простого к сложному: сначала односюжетные сказки, затем - соединения двух-трех сюжетов, и, наконец, - многосюжетные композиции волшебных и богатырских сказок и былин. При этом не существует определённой границы между детским и недетским фольклором.³⁰¹ Может быть, имеет смысл выделять «нижнюю черту» (колыбельные песни, пестушки, потешки), а «верхняя черта» постепенно приподнимается вместе с ростом самого ребёнка, который переходит от колыбельных песен к былинам, готовясь исподволь к постижению всей сложности мира.

«Сказка- складка, песня - бль» - эта народная поговорка ещё в начале XIX века была положена в основу жанрового разделения сказок (с их установкой на вымысел) и былин (с их установкой на правдивое отражение действительности). Характерным признаком сказки является то, что она преподносится сказочником и воспринимается слушателем, прежде всего, как поэтический вымысел, как игра фантазии, и вопрос о достоверности отражения действительности здесь не возникает. Такое разделение действительно удобно в жанровой классификации фольклора. Хорошо известно, что одним из неперемных условий былинного и, шире, эпического творчества была вера в реальность описываемых событий. Если человек начинает сомневаться в том, что богатырь мог носить «палицу в сорок пудов» или положить в одиночку целое войско, эпическая поэзия его уже не захватит. Мифология, народная фантазия, мирозерцание, философские и нравственные идеи, огромная поэтическая и музыкальная культура - всё это нашло отражение в былинах.

Возникновение былинного эпоса в древнерусском государстве не было случайным. Если первоначально в устном творчестве преобладали легенды, загадки, предания, песни, поговорки и пословицы, то с образованием государства и складыванием древнерусской народности, с формированием её языковой, территориальной, экономической, политической, культурной общности возникает потребность и создаются условия для возникновения широких эпических произведений устного народного творчества.

³⁰¹ Калугин В.И. Струны рокотану ... Очерки о русском фольклоре. – С. 582-613.

Древнерусский героический эпос, частью которого являются дошедшие до нас былины, начал складываться на юго-восточных границах Руси - в Киеве, Чернигове, Рязани - то есть там, где особенно остро стояла проблема защиты от набегов кочевников. В самом деле, основное историческое «место действия» былин - это именно «дикое поле», хотя лучше сохранились они на Русском Севере, где люди веками жили традиционным укладом. С.М. Соловьев отмечал, что жившие на единой великой равнине племена были просто обречены на то, чтобы слиться в единую народность, создать единое государство и выработать единые формы культуры.³⁰²

В богатом и многообразном содержании русского героического эпоса в особенности привлекают нас сами образы русских богатырей. В образах могучих богатырей дано художественное обобщение силы народа, ведущего борьбу с иноземными нашествиями, высоких нравственных качеств народа, проявляющихся в этой борьбе, в них воплощены представления о подлинной доблести, дан идеал народного героя.

Но и выразителями идеи миролюбия в былинах также оказываются богатыри, воины-стражи Русской земли. Именно с педагогической точки зрения интересны те преобразования, которые переживают образы богатырей в народном сознании. Видимо, оценить это преобразование можно с позиции «золотого правила нравственности», которое побуждает не делать другим того, чего не хотел бы претерпеть сам. Дело в том, что богатыри защищают народ от смерти, порабощения, разорения. Поэтому несмотря на свою силу и принадлежность к воинству, идеалом для них оказывается не война, «брань», а мир и согласие. Показателен в этом смысле быллинный сюжет, повествующий о том, как разгромивший врагов под Черниговым Илья Муромец отпускает их предводителей, трёх царевичей, домой, отказываясь от мести и считая, что их рассказ соплеменникам о силе русского богатыря окажется самой надёжной гарантией от повторения набега.

В былинах, которые рассказывают о людях сильных, мы не встречаемся ни с каким подобием «культы силы». Вовсе не сила составляет для богатыря главную ценность. Сила - только средство, она не может одновременно выступать для себя и как цель. Святогор, самый могучий богатырь, сохранивший в себе мифологические черты родства с землей, не справился со своей силой, в этом и состоит причина его трагедии. Образ Святогора знаменует собой переход народного мышления от сознания единства с природой (внутри которого сила только и может наделяться абсолютным достоинством) к осознанию -

³⁰² Соловьев С.М. История России с древнейших времён. – С. 56.

ещё очень наивному, разумеется, - социальности человека. Важнейшим критерием социальности выступает не сила, а мудрость. Илья Муромец, «идеальный» былинный герой, отказывается принять от Святогора его силу, считая своим главным богатством жизненный опыт, «головушку с проседью». И миролюбие является важнейшей составляющей богатырской мудрости.³⁰³ Для богатыря его сила - это способ утверждения справедливости и мира. Былины показывают, что справедливость и мир должны быть подкреплены силой. Враг, не удостоверившийся по-настоящему в силе богатыря, неизбежно ответит вероломством.

Анализируя былины, В.С. Бахтин замечает, что Илья Муромец старается по возможности избегать кровопролития, например, он не бьёт врагов, а «на их глазах разбивает в щепки дуб, и они, утрашённые его силой, разбегаются».³⁰⁴ «Иногда Илья пугает врагов тем, что показывает в действии свой богатырский лук – со свистом, с шипением летят калёные стрелы. А иногда он просто высоко подкидывает и ловит противника – и тот тоже отказывается от своих злых намерений».³⁰⁵

Эпос для русского народа был неписанной традиционной летописью, передаваемой из поколения в поколение в течение столетий. Это не только поэтическое воссоздание жизни, но и выражение исторического самопознания народа. В своих былинах русский народ осознал своё историческое предназначение. На эту особенность народного эпоса обратил внимание Д.С. Лихачев, утверждавший: «Былины - не остаток прошлого, а художественно-историческое произведение о прошлом. Её отношение к прошлому активно: в ней отражены исторические воззрения народа в ещё большей мере, чем историческая память. Сохранение исторически ценного в эпосе есть результат сознательного, исторического отношения народа к содержанию эпоса. Сознание исторической ценности передаваемого и своеобразные исторические представления народа, а не только механическое запоминание, обуславливают устойчивость исторического содержания былин».³⁰⁶

³⁰³ См.: Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа // Библиотека русского фольклора. Т. 1. Былины / Сост. М.Ф. Селиванова. - М.: Советская Россия, 1988. - С. 5-24.

³⁰⁴ Бахтин В.С. От былины до считалки: рассказы о фольклоре. – Л.: Детская литература, 1982. – С. 53.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Лихачёв Д.С. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X-XI века) // Русское народное поэтическое творчество. Т.1. - М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. - С. 183.

Анализ былин, осуществляемый с целью изучения воплощённых в них идей миролюбия и терпимости, а также педагогического значения этих элементов народного творчества, должен учитывать и те формальные черты, которые характерны для русских былин. Размеры былины свидетельствуют о том, что её жизненное содержание шире, нежели содержание исторической песни или баллады, сюжет развернут, компоненты произведения - картины природы, портреты персонажей, особенно их прямая речь, монологи и диалоги, - оказываются часто весьма значительными по своему объёму. Пространство и время событий в былине также шире, значительнее. Более крупная форма былины обусловлена объёмом и характером её содержания, потребностями её выражения и основными задачами жанра.

Былины отличаются и устойчивостью структуры, которая строится на традиционно сложившихся компонентах: запевах, зачинах, общих местах, повторах, лейтмотивах, концовках. Запев - своеобразный элемент композиции былин. Он не связан с содержанием былины, а создает определенный «настрой», подготавливает слушателя к восприятию произведения, оторвав его от обыденной, будничной обстановки. В этом случае запев играет ту же роль, что и сказочные прибаутки. Прием этот в обоих повествовательных жанрах выработался в процессе устного исполнения и вызван стремлением подготовить аудиторию, сразу же овладеть её вниманием. Но характер былинных запевов и сказочных прибауток принципиально различны в соответствии с различием самих жанров. Сказочные прибаутки нагромождением ряда небылиц настраивают слушателя на восприятие сказочно-необычного, выдумки; былинные запевы изображением широких бесконечных просторов родной земли, величавой русской природы подготавливают к повествованию о важных, значительных событиях, к восприятию образов большого, обобщающего значения.

Значительность событий и героев былин обусловило общий характер их изображения - гиперболизацию. «Гиперболизм в изображении героя имеет своим источником ощущение народом своих собственных сил, художественным обобщением которых и явился образ богатыря. При этом богатырская мощь эпического героя сочетается с его высокими нравственными качествами - патриотизмом, душевным благородством, отвагой. Таков образ главного богатыря русского эпоса - Ильи Муромца, воплотивший идеальное сочетание физической силы и духовного величия».³⁰⁷

Композиция былин отличается ясностью и простотой и, одновременно, большой напряжённостью повествования. В центре

³⁰⁷ Там же, с. 189.

былин обычно стоит одно лицо, один герой, все эпизоды былины концентрируются вокруг него. Характеры героев проявляются в их действиях и поступках. Прямые характеристики героев редки и кратки. Изображение внутреннего мира персонажей в былинах не развито, но оно более разработано, нежели в сказке. Сюжет развивается неторопливо, замедляясь постоянными повторениями и обстоятельными описаниями действий героя. Часто в рассказе богатыря о том, что произошло, дословно повторяется только что данное описание происшествия. «Троекратность повторения, традиционная в других фольклорных жанрах, характерна и для былин. Это искусственное замедление, так называемый «прием ретардации», сообщает повествованию спокойствие и плавность. Подчеркивая в то же время значительность содержания, ретардация способствует также нарастанию интереса слушателя к дальнейшим эпизодам и к развязке».³⁰⁸

Иногда былина заканчивается особыми концовками разного типа. Характер этих концовок также связан с идейным содержанием эпоса, предлагающего вниманию слушателя серьезное повествование о важной, поучительной «были». Былинная концовка утверждает значительность содержания исполненного произведения и противостоит, таким образом, сказочным, обычно шутивным, концовкам, подчёркивающим вымышленность сказки, являющейся только «складкой».

В последние столетия былины исполнялись без музыкального сопровождения, а в более давние времена - под аккомпанемент гуслей. Былинные напевы имели характер своеобразного речитатива. «Речитативность напева, короткая своеобразная мелодия, повторяемая с каждым новым стихом или через несколько стихов, являлась одним из основных средств сосредоточения внимания слушателя на содержании былины, средством отрыва слушателя от окружающей обстановки».³⁰⁹ Эта мелодия формировала былинный стих, придавая ему характерные черты плавности и величавости. Исследователи народного творчества единодушны в том, что вопрос о мелодии былины намного важнее, чем может показаться на первый взгляд. Он связан не только с красотой произнесения текста, с музыкальностью фразировки, но и с морально-этической стороной общения; былины в пересказе и былины в подлиннике оказываются совершенно различными и по силе педагогического воздействия на ребенка.

Многие исследователи (В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачёв, В.И. Калугин) обращали особое внимание на принципиальное отличие

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же, с. 195.

системы ценностей славянского эпоса от одновременно складывающейся системы западных ценностей, нашедшей свое отражение в западноевропейском и скандинавском эпосах.³¹⁰ Сравнение русского эпоса с западноевропейским не только возможно, но и необходимо, поскольку на самом деле домонгольская Русь не была изолирована от Европы, изоляцию принесло именно иго, которое отделило Русь от Европы. Вся история и культура Киевской и докиевской Руси были частью единой общеевропейской культуры. Русский эпос - это эпос именно европейского средневековья, тем более, что героический эпос хронологически совпадает почти во всех европейских странах.

Изучение содержания русского эпоса эпохи средневековья открывает общие сюжеты и темы с западноевропейским эпосом, что указывает на общность путей развития европейской культуры, но открывает оно и существенные различия между ними. И здесь, и там фольклорным героям приходится бороться с иноплеменниками и иноверцами. Но основная идея былин и древнерусских летописных повестей - освобождение, а рыцарских хроник - завоевание, крещение иноверцев. Идея религиозной войны полностью отсутствует в русском эпосе, точно так же, как отсутствует идея расовой или религиозной нетерпимости и вражды. Девиз крестовых походов - «Кто не убит в бою, тот окрещен»; «Символ веры» русских богатырей - только защита Отечества и только освобождение: «Вот постоит-тко за веру, за отечество, Вот постоит-тко за славный стольный Киев-град.» В отличие от западноевропейского, в русском эпосе ни борьба за славу и драгоценности, ни верность вождю, ни кровная месть не стали определяющими темами.³¹¹

В русском эпосе система ценностей ориентирована на соборное высоконравственное оформление человеческого существования как основное условие жизненного успеха человека. В этой системе нет (либо оно не выставляется в качестве идеала, а наоборот, намеренно принижается) корыстного насилия над другими людьми, бессмысленной жестокости, безудержного стремления к личному успеху за счёт окружающих, национальной и религиозной нетерпимости.

³¹⁰ См.: Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. - М., Л.: Гослитиздат, 1963; Лихачёв Д.С. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X-XI века); Калугин В.И. Струны рокотаху ... Очерки о русском фольклоре.

³¹¹ Мир русской культуры. Энциклопедический справочник. - М.: Вече, 1997. - С. 14.

Главные герои русского эпоса обычно предстают «крестовыми братьями», побратимами. Современный этнограф М.М. Громыко в процессе исследования неписанных законов народной жизни также обращается к эпосу, замечая по этому поводу: «Крестовый брат в былинах - заступник и поддержка в трудных делах, соратник в бою с врагами».³¹² Но былины раскрывают не только характер отношений побратимов. Они дают возможность проследить, при каких обстоятельствах возникли между богатырями эти отношения, понять социальные и нравственные основания обычая. В былине «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» подробно описан поединок двух богатырей, схватка достойных друг друга противников. И как исход из состязания равновеликих - выход, при котором оба сохраняют жизнь и объединяют свои усилия в дальнейшем, - побратимство.³¹³ Значение этого мирного исхода поединка богатырей подчеркивается так: «Способность выйти из боя миром после того, как обе стороны проявили храбрость и исключительные воинские качества, превратить соперника в названного брата (при условии соблюдения воинской чести с обеих сторон) - важное свойство излюбленных народом героев».³¹⁴

Изначально обычай побратимства и кровного братства был самым непосредственным образом связан с кровной мстостью. Не случайно и сама клятва скреплялась символическим смешением крови. Становясь братьями по крови, побратимы брали на себя все обязательства выполнения прежде всего кровной мести.

Ничего подобного нет в русском эпосе. Идея воинского побратимства имеет здесь совершенно иное значение и связана только с народными обычаями «крестового братства» как помощи в беде, в болезни, в бою, а не мести и не отмщения. Б.Н. Путилов отмечает, что «побратимство или посестримство трактуются в эпосе как идеально-образцовые формы отношений, противостоящие ненависти, злобе, междоусобной борьбе. Нарушение правил побратимства расценивается как тяжкое преступление».³¹⁵

Нет в русском эпосе натуралистических подробностей в описании битв, невозможно представить себе русских богатырей, пьющих кровь врага, как это делают рыцари-бургунды в «Песне о нибелунгах».³¹⁶ Тем самым вовсе не утверждается какое-то превосходство русского эпоса над западноевропейским, эти две формы

³¹² Громыко М.М. Мир русской деревни. – С. 130.

³¹³ См.: Библиотека русского фольклора. Т. 1. Былины. – С. 96-103.

³¹⁴ Громыко М.М. Мир русской деревни. – С. 135.

³¹⁵ Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. - Л.: Наука, 1976. – С. 213.

³¹⁶ См.: Западноевропейский эпос / Сост. Л.А. Плотникова. – Л.: Лениздат, 1977.

средневекового эпоса не противопоставляются изначально, а сравниваются, и в результате выделяются наиболее характерные, самобытные черты, действительно отличающие русский эпос от западноевропейского. Такие отличия есть в эпосе любого народа, в них проявляются наиболее характерные черты национального самосознания и, опосредованно, - особенности истории народа, породившее эту форму национального самосознания. Крупнейшей исследователь эпоса и литературы разных стран и народов В.М. Жирмунский писал: «Русский крестьянский богатырь Илья Муромец или ушкуйник Васька Буслаев, Марко Кролевич, Ролланд, благородный французский рыцарь эпохи крестовых походов против «неверных», степной богатырь Кобланды или Манас, могущественный вождь воинственных кочевых племен, - каждый из них воплотил в типичной монументальной форме неповторимо своеобразные черты создавшего его народа, идеал воинской доблести и героической человечности, характерные в этой форме только для него».³¹⁷

Конечно, не следует думать, что в самой русской истории не было кровавых распрей и смут. летописи сохранили, например, рассказы о братоубийстве, с которого начиналось княжение Владимира. Подобные примеры действительно были, но мы знаем о них только по летописям, а не по фольклорным источникам. фольклорные произведения рисуют иную картину исторической действительности не потому, что идеализируют эту действительность. Дело не в идеализации истории, а в идеалах народной души. Нравственные основы народного мировосприятия оказывались несовместимыми с историческими фактами жестокости и отвергали их как недостойные исторической памяти народа. Именно этим определяется тот очевидный для всех исследователей русских былин вывод, что русский героический эпос представляет собой ярчайшее свидетельство миролюбия русского народа, неприятие народной душой насилия и жестокости. Драматическая история России только укрепила в народе сложившиеся в его сознании идеалы миролюбия. Беды и страдания не ожесточали сердца простых людей, а, напротив, сформировали у них способность сострадать другим людям.

Механизм воспитывающего воздействия фольклорных произведений сложен. Например, сказки выступают как метафоры, проецируемые в обыденную жизнь, как притчи-нравоучения, как подсказки для разрешения жизненных коллизий. Следует учитывать, что народное воспитание было ориентировано, прежде всего, на пробуждение нравственной сферы ребенка посредством воздействия на его чувства. Приобщение к нормам общественной жизни происходило

³¹⁷ Жирмунский В.М. Цит. соч., с. 44.

путем воздействия на лучшие чувства ребёнка, подсказывая ему пути ориентации в ситуациях морального выбора. Сопереживая героям сказок, дети приучаются «разряжать» свои страсти, их эмоциональный мир делается более гибким. Ребёнок «проживает» сказку, не обсуждая мотивы и эмоции героев. Тем самым сказка выполняет и свою древнюю «психотерапевтическую» функцию.

Под буквальным, очевидным смыслом народных сказок, пословиц, поговорок скрывается накопленная веками мудрость народа, всего человечества. Поэтому и приобщение к фольклору реально обучает и воспитывает ребёнка - оно требует от ребёнка определённых умственных усилий, способствует проявлению его задатков, активизации творческих способностей, раскрывает лучшие нравственные черты детской души. Конечно, духовный рост человека, живущего в стихии фольклора, обнаруживается не сразу, и каждый человек получает от него столько, сколько в состоянии взять сам.

Изучение сложившихся в народной культуре трудовых и праздничных традиций, народной игры, устного народного творчества подтверждает значимость идеи миролюбия в традиционной отечественной культуре и указывает на необходимость обращения к педагогическому опыту народа в воспитании миролюбия. Возможность возрождения народных традиций воспитания миролюбия в условиях современного российского общества определяется ростом интереса к истории национальной культуры, к традициям народной педагогики, ростом национального самосознания и стремлением познать и понять историю и культуру своего народа. Возрождение опыта народной педагогики в воспитании детей в духе миролюбия способствует преодолению нестабильности в области межнациональных отношений и гуманизации педагогического процесса. Приобщение младших школьников к общечеловеческим ценностям, накопление позитивного опыта межнационального общения, воспитание у детей взаимной терпимости, благожелательного отношения друг к другу, чувства товарищества и миролюбия являются сегодня теми ориентирами, без учёта которых невозможно представить современный педагогический процесс.

Заключение.

В условиях современного российского общества воспитание детей в духе миролюбия является актуальной педагогической и социальной задачей. Анализ проблемы воспитания детей в духе

миролюбия в рамках педагогической науки и практический опыт отечественных педагогов убеждают в необходимости обращения к традициям народной педагогики, в которой на протяжении столетий воспитание миролюбия у детей успешно осуществлялось благодаря использованию естественных для ребёнка традиций родной культуры. Анализ народной педагогики в нашей монографии был призван выявить культурно-исторические условия, в которых возникла потребность в целенаправленном воспитании миролюбия, и определить основные педагогические средства, использовавшиеся для решения этой проблемы в истории нашего народа, способные и сегодня снова вернуться в арсенал отечественной педагогики.

Сама история многонациональной России, возникшей и существовавшей в суровых природных условиях и враждебном окружении, требовала установления таких форм жизни, в которых социальная, национальная и религиозная терпимость, психологические согласия и примирения оказывались совершенно необходимыми для самого выживания народа. Именно этим обстоятельством обусловлено то внимание, которое уделялось в традиционной педагогике народов России проблеме воспитания миролюбия.

Выявление исторических предпосылок возникновения идеи миролюбия и анализ причин, способствовавших росту её влияния на все стороны отечественной культуры, позволяет выделить следующие факторы становления идеи миролюбия:

- полиэтничный характер государства, веками складывавшегося на Восточно-Европейской равнине, который исключал возможность неприязни к чуждым социальным и культурным укладам;
- наличие общины как социальной структуры, способствовавшей развитию товарищества, коллективизма и миролюбия;
- проповедь мира, исходившая от православия и других традиционных для России религиозных конфессий.

Анализ факторов, способствовавших осознанию народами России принципиальной важности воспитания детей в духе миролюбия, указывает и на основные средства, которые в народной педагогике особенно активно использовались для решения этой проблемы. Разумеется, в рамках отдельного исследования невозможно было уделить должное внимание всем составляющим этой «копилки» народной педагогической мудрости. Отбор материала в этой части работы определялся не только его концептуальной значимостью, но и возможностью его использования в воспитательной деятельности в современной российской школе и других образовательных учреждениях, а также в процессе семейного воспитания. Именно

поэтому значительное внимание было уделено народным традициям труда и праздника, народной игре и игрушке, а также устному народному творчеству – тем феноменам культуры, которые способны продолжить свою жизнь в каждом новом поколении, поскольку сохраняют свою связь с её глубинными истоками.

Воспитание детей в традиционной народной культуре начиналось с рождения и продолжалось в течение всей жизни. Народная педагогика выработала свои традиционные средства воспитания, которые соответствуют законам физического и интеллектуального развития ребёнка и представляют собой целостную педагогическую систему. При этом именно фольклор реально выполнял свою «человекообразующую» роль. Он был для ребёнка началом всех начал, и каждый простой человек был причастен к нему. Трудно было найти крестьянина, который не знал бы песен, сказок, былин, пословиц. Фольклорные образы являются необыкновенно ёмкими, легко проникают в самые глубины души, в её бессознательные слои, потому что говорят на их языке - и говорят о самом важном, о том, что кристаллизовалось из огромного душевного опыта народа.

Влияние фольклора на сознание современного человека обусловлено, прежде всего, тем, что, как показывают современные исследования, все структурные компоненты фольклорных произведений - сюжет, система художественных образов, игровые элементы - организованы в соответствии с закономерностями естественного человеческого мировосприятия и отражают в своих взаимосвязях объективные общечеловеческие нормы взаимоотношений. Анализ народной игрушки и традиционной детской игры с точки зрения их значения для воспитания миролюбия в современной педагогике показывает, что, являясь феноменом традиционной культуры, они могут служить средством приобщения детей и подростков к народным традициям. Их использование важно для воспитания духовности, культуры общения, формирования общечеловеческих ценностей, к числу которых принадлежит и миролюбие. Исследование проблемы воспитания миролюбия в народной педагогике убеждает в том, что в современной школе и дошкольных учреждениях следует активнее предлагать игры и игрушки, связанные с трудовым опытом и выражающие миролюбивую психологию народа. Использование в педагогическом процессе традиционных народных игр и игрушек препятствует росту эгоизма и агрессивности, характерных для современной общественной жизни и оказывающих самое серьёзное влияние на нравственное воспитание детей.

Проведённое исследование выявило возможность использования традиций народной педагогики в процессе воспитания миролюбия у детей в современных условиях. Более того, изучение

истории народной педагогики убеждает в необходимости привлечения для решения этой задачи тех воспитательных средств, которые были отобраны самой российской историей и сохранились в памяти народов как наиболее естественные и органичные для восприятия ребёнка. Историко-педагогический анализ рассматриваемой проблемы позволил сопоставить содержание, накопленное народной педагогикой в деле воспитания миролюбия, с требованиями, предъявляемыми к нравственному воспитанию детей в современной педагогике, и выявил актуальность восстановления наиболее ценного содержания народных традиций в контексте развития современных педагогических идей и концепций.

Предлагаемая монография не даёт ответа на все вопросы, которые могут возникнуть в ходе теоретического рассмотрения проблемы воспитания миролюбия у детей, тем более, её автор не могла предугадать всех трудностей, которые возникают в практической деятельности педагогов и родителей, работающих в этом направлении. Однако, на наш взгляд, значение монографии не ограничивается тем, что в ней исследуется важная часть истории отечественной педагогики; исследование этой проблемы приобретает и актуальное научно-теоретическое и практическое значение, поскольку выявляет необходимость создания целостной системы воспитания у детей миролюбия на протяжении всего дошкольного и младшего школьного возраста с опорой на опыт народной педагогики и традиции национальной культуры, а также убеждает в необходимости разработки теоретического и методологического обеспечения соответствующего курса в педагогических вузах и других учебных заведениях.

Решение этих задач выявит действительное значение нашего исследования. Его результаты могут быть представлены в качестве следующих концептуальных положений:

- Необходимость обращения к традиционной народной педагогике, накопившей огромный опыт воспитания детей в духе миролюбия, определяется в настоящее время как большой социальной значимостью этой проблемы, так и открывшимися возможностями возвращения к ценностям традиционной культуры народов России.
- Становление в истории отечественной культуры идеи миролюбия осуществлялось под воздействием многообразных природно-географических, исторических, социально-экономических и культурных факторов. История России сложилась таким образом, что именно идея миролюбия оказалась в центре национального самосознания и психологии русского народа и других народов России.
- Народная педагогика осознавала значение миролюбия как важнейшей черты народного характера и на протяжении длительного

времени отбирала педагогические средства, которые в наибольшей степени способствуют воспитанию этого качества личности.

- Коллективный труд и община как социальная структура, в которой коллективный труд приобрёл доминирующее значение, оказались важнейшими историческими предпосылками становления традиции воспитания миролюбия в отечественной народной педагогике. Воспитание миролюбия традиционно начиналось с воспитания товарищества, взаимопомощи и общительности в процессе совместной трудовой деятельности.

- В досуговой деятельности человека – в народной культуре праздника, в играх, в изготовлении игрушек, воплощавших эстетические представления народа, дружелюбие, гостеприимство, терпимость и миролюбие становились естественными спутниками человека, передавались от старших к младшим, закреплялись в качестве фундаментальных установок народной педагогики.

- Глубинное осознание идеи миролюбия в отечественной культуре достигалось в религиозном и морально-этическом сознании народа, а совершенное художественное выражение получило в памятниках фольклора – былинах, песнях, пословицах и поговорках, сказках. Многовековой опыт народной педагогики показывает, что фольклор является самым действенным средством педагогического воздействия, в том числе и в процессе воспитания миролюбия. Родившись в глубокой древности, народное искусство естественно входит в современную жизнь, неся новым поколениям важнейшие культурные ценности, облечённые в совершенную художественную форму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Н.С. Русские народные игрушки как этнопедагогический феномен. Дисс. ... док. пед. н., 2000. – 324 с.
2. Алексеев В.А. Русская народная песня в нравственно-эстетическом воспитании младших школьников. Дисс. ... канд. пед. н. - М., 1986. – 161 с.
3. Аникин В.П. Русский богатырский эпос. - М.: Просвещение, 1964. – 191 с.
4. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII веков / Сост. Д. Бабишин, Б.Н. Митюров. - М.: Педагогика, 1985. – 363 с.
5. Архив Государственного Музея этнографии (Фонд В.Н. Тенишева), г. Санкт-Петербург.
6. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х томах. Т. 2. - М.: Современный писатель, 1995. – 400 с.
7. Барграм Н.Д. Игрушка, её историческое значение. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1912. – 246 с.
8. Батурина Т.И., Кузина Т.Ф. Народная педагогика в воспитании дошкольников. - М.: Ассоциация «Профессиональное образование», 1995. – 72 с.
9. Бахтин В.С. От былины до считалки: рассказы о фольклоре. – Л.: Детская литература, 1982. – 191 с.
10. Белов В. Лад: Очерки о народной эстетике. - М.: Молодая гвардия, 1989. - 420 с.
11. Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы: Очерки прикладной философии образования. – Волгоград: Перемена, 2000. – 461с.
12. Белоусова Е.В. Использование традиций русского народа в нравственном воспитании младших школьников. Дис. ... канд. пед. н. – Ульяновск, 1998. – 172 с.

13. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Республика, 1990. – 276 с.
14. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии, 1990. №1. С. 36-52.
15. Березина Т.И. Трудовое воспитание детей в народной педагогике Сибири. Дис. ... канд. ист. н. – Новосибирск, 1991. – 203 с.
16. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX- нач. XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. - Л.: Наука, 1988. - 274 с.
17. Библиотека русского фольклора. Т. 1. Былины / Сост. М.Ф. Селиванова. - М.: Советская Россия, 1988; - 576 с.
18. Библиотека русского фольклора. Т. 2. Сказки, кн. 1 / Сост. Ю.Г. Круглов. - М.: Советская Россия, 1988. – 544 с.
19. Библиотека русского фольклора. Т. 2. Сказки, кн. 2 /Сост. Ю.Г. Круглов. - М.: Советская Россия, 1989. – 576 с.
20. Библиотека русского фольклора. Т. 2. Сказки, кн. 3 / Сост. Ю.Г. Круглов. - М.: Советская Россия, 1989. – 624 с.
21. Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1983.
22. Бланк А.Ф., Фомина З.М. Русская народная одежда и современное платье. - М.: Легкая и пищевая промышленность, 1982. – 175 с.
23. Борисова Е.В. Традиции воспитания детей в крестьянской семье в России (1861-1917 г.). Дис. ... канд. пед н. – М., 1997. – 155 с.
24. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. – М.: Мысль, 1995. – 637 с.
25. Вардугин В.И. Русская одежда: История народного костюма от скифских до советских времён. – Саратов: Регион. Приволжское изд-во «Детская книга», 2001. – 352 с.
26. Василькова Ю.В. Страницы отечественного образования: из истории России, православия, литературы. - М.: Изд-во МНЭПУ, 1996. – 376 с.
27. Виноградов Г.С. Народная педагогика. (Отрывки и наброски.) – Иркутск: Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества, 1926. – 30 с.
28. Виноградов Г.С. Детский русский фольклор. – М., 1928. – 48 с.
29. Виноградов Г.С. Русский детский фольклор. Кн.1. - Иркутск, 1930. – 234 с.
30. Возвращение к истокам: Народное искусство и детское творчество: Учебно-методическое пособие / Под ред. Т.Я. Шпикаловой, Г.А. Паровской. – М.: Владос, 2000. – 272 с.
31. Волков Г.Н. Этнопедагогика. - М.:«Академия», 1999. – 168 с.

32. Гоголь Н.В. В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность // Собр. соч. в 14 томах, т. VIII. - М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. С.369-409.
33. Григорьев В.М. Народная педагогика игры: Вопросы методологии и теории. - М.: ОДИ-Intern., 1996. – 70 с.
34. Григорьев В.М. Этнопедагогика игры // Традиционная культура: Научный альманах, 1/2000. С. 99-106.
35. Гришина Г.Н. Народная игра как средство развития взаимоотношений между родителями и детьми в семье. Дисс. канд. пед. наук. – М., 1990. - 169с.
36. Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. – М.: Наука, 1986. – 278с.
37. Громько М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 447с.
38. Гумилёв Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – М.: Экопрос, 1992. – 336 с.
39. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. - М.: Экопрос, 1993. – 450 с.
40. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
41. Гусев В.Е. Проблема фольклора в истории эстетики. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 204 с.
42. Давлетов К.С. Фольклор как вид искусства. - М.: Наука, 1966. – 365 с.
43. Дайн Г.Л. Русская народная игрушка. – М.: Лёгкая и пищевая промышленность, 1981. – 192с.
44. Дайн Г.Л, Дайн М.Б. Русская тряпичная кукла: культура, традиции, технология. – М.: «Культура и традиции», 2008. – 120 с.
45. Даль В.И. Пословицы русского народа. - М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. – 999 с.
46. Доброхотов А.Л. Введение в философию. - М.: Изд-во гимназии «Открытый мир», 1995. – 80 с.
47. Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Достоевский Ф.М. Собр. Соч. в 30-ти томах, т.26. – Л.: Наука, 1984. С. 129-136.
48. Достоевский Ф.М. «Дневник писателя» за 1873 год (Статьи «Среда», «Власть») // Дневник писателя: Избранные страницы. – М.: Современник, 1989. – 555 с.
49. Егорцева Н.Н. Народная игра как средство формирования культуры общения у младших подростков. Дис. ... канд.пед.н. – Курган, 2000.-156с.
50. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. - М., Л.: Гослитиздат, 1963. – 435 с.

51. Западноевропейский эпос / Сост. Л.А. Плотникова. – Л.: Лениздат, 1977. – 752 с.
52. Запорожец А.В. Психология восприятия ребенком-дошкольником литературного произведения // Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х томах. Т.1. – М.: Педагогика, 1986. - С.66-77.
53. Ильин И.А. За национальную Россию // Слово, 1991. IV.
54. Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. - М.: Республика, 1992. С. 436-444.
55. Ильин И.А. Русская душа в своих сказках и легендах // Собр. соч. в 10-ти томах, т.6, кн.3. - М.: Русская книга, 1997. С.31-58.
56. Исенко С.П. Русский народный костюм и его сценическое воплощение: Учебное пособие. - М.: Издательство Московского государственного ун-та культуры, 1999. – 144 с.
57. Кабатченко М.В. Педагогика мира. Постановка проблемы и теоретическое обоснование // Педагогика мира: история, теория, практика. Вып. 1. - М., 1992. С. 11-20.
58. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. - М.: Мысль, 1989. – 529 с.
59. Калугин В.И. Струны рокотаху ... Очерки о русском фольклоре. - М.: Современник, 1989. – 623 с.
60. Капица О.И. Живая вода (Сб. материалов для рассказывания детям младшего возраста). - М.-СПб.: Гос. изд-во, 1923. – 198 с.
61. Капица О.И. Детский фольклор. Изучение. Собрание. Обзор материала. – Л., 1928. – 222 с.
62. Каптерев П.Ф. Педагогический процесс // Каптерев П.Ф. Избр. пед. соч. - М.: Педагогика, 1982. С.163-232.
63. Каргин А.С. Народная художественная культура: Курс лекций для студентов высших и средних учебных заведений культуры и искусств. Учебное пособие. – М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 1997. – 288 с.
64. Квач Н.В., Квач С.И. Нижегородская игрушка. – Нижний Новгород, 2010. – 200 с.
65. К.Д. Ушинский и русская школа: Беседы о великом педагоге. Под общ. Редакцией Е.П. Белозерцева. - М.: Роман-Газета, 1994. – 192 с.
66. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 / Под ред. В.Л. Янина // Сочинения: В 9 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.
67. Ключевский В.О. Два воспитания // Ключевский В.О. О нравственности и русской культуре. – М.:Институт российской истории РАН, 1998.С.118-134.
68. Князева О.Л., Маханёва М.Д. Приобщение детей к истокам русской национальной культуры. - СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 1998. – 304 с.

69. Ковычева Е.И. Народная игрушка: Учебно-методическое пособие. – М.: ВЛАДОС, 2010. – 159 с.
70. Козлова О.Н. Национальные модели воспитания и гуманизм: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. – М.: МГОПИ, 1993. – 155 с.
71. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. - СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. - 326 с. (Серия «Филология и культура»).
72. Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / Сост. Сорокин В.В. - М.: Московский рабочий, 1995. - 659 с.
73. Коряжкина Е.А. Теоретико-методическое обоснование комплексного использования фольклора в эстетическом воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста. Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000. - 176с.
74. Котова И.Н., Котова А.С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. – СПб.: «Паритет», 2008. – 240 с.
75. Кошаев В.Б. Композиция в русском народном искусстве (на материалах изделий из дерева): Учебное пособие. – М.: ВЛАДОС, 2006. – 120 с.
76. Кракова Я.А. Мир и сотрудничество: как это можно делать в классе. (Пособие для учителя). - М., Новосибирск: Совет Сиб. движения «Педагоги за мир и взаимопонимание», 1994. – 19с.
77. Кудрявая Н.В. Лев Толстой о смысле жизни. Образ духовного и нравственного человека в педагогике Л.Н. Толстого. - М.: РИО ПФ «Красный пролетарий», 1993. – 176 с.
78. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. Учебное пособие для вузов. - М.: Высшая школа, 1989. – 208 с.
79. Латышина Д.И. Живая Русь. Быт, культура, обычаи русского народа с древних времён / Учебное пособие по чтению. Кн.1. – М.: Владос, 1995. – 158с.
80. Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X- нач. XX века). - М.: Издательский дом «ФОРУМ», 1998. – 584 с.
81. Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли). – М.: Гардарики, 2002. – 603 с.
82. Лебедева О.В. Использование национального компонента содержания образования в современной практике обучения и воспитания младших подростков. Дисс. ... канд. пед. н. - М., 1992. – 157с.
83. Лихачёв Д.С. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X-XI века) //

Русское народное поэтическое творчество. Т.1. - М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 141-216.

84. Лихачёв Д.С. Предисловие к книге М.А. Некрасовой «Народное искусство как часть культуры» // Некрасова М.А. Народное искусство как часть культур: Теория и практика. – М.: Изобразительное искусство, 1983. С.5-6.

85. Лихачёв Д.С. Заметки о русском. – М.: Советская Россия, 1984. – 64 с.

86. Лихачёв Д.С. Прошлое – будущему. – Л.: Наука, 1985. – 575 с.

87. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. - М.: Советский писатель, 1989. – 605 с.

88. Лосский Н.О. Характер русского народа. - М.: Мысль, 1990. – 412 с.

89. Лунина Г.В. Гуманистические идеи русской народной педагогики в воспитании оптимистического мироощущения у дошкольников. Дис. на ... канд. пед. н. – М., 1995. - 368с.

90. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. - М.: Наука, 1978. - 392 с.

91. Майоров Г.Г. Этика в средние века. - М.: Мысль, 1986. – 46 с.

92. Макарцева Н.Н. Духовные ценности русской народной педагогической культуры // Педагогика, 1998, №1. С. 81-86.

93. Малиновская Н.И. Формирование у младших школьников представлений и понятий о характерных чертах русского народа. Дисс. ... канд. пед. н. - М., 1999. - 171с.

94. Мир детства и традиционная культура / Материалы III чтений памяти Г.С. Виноградова / Сост. В.М. Григорьев, М.А. Мухлынин. – М.: ВНИЦНТ и КПр им. Н.К. Крупской, 1990. – 175 с.

95. Мир русской культуры. Энциклопедический справочник. - М.: Вече, 1997. – 624 с.

96. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. – Вып. 1: Младенчество. Детство /Сост. В.П. Аникин. - М.: Художественная литература, 1991. – 589 с.

97. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. – Вып. 2: Детство. Отрочество /Сост. В.П. Аникин. - М.: Художественная литература, 1994. – 525 с.

98. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. – Вып. 3: Девичество /Сост. Л.А. Астафьева, В.А. Бахтина. - М.: Художественная литература, 1994. – 525 с.

99. Музейная педагогика: Из опыта методической работы / Под ред. А.Н. Морозовой, О.В. Мельниковой. – М.: ТЦ «Сфера», 2006. – 416 с.

100. Некрасова М.А. Народное искусство России // Народное творчество как мир целостности. - М.: Советская Россия, 1983. – 219 с.

101. Нестеров Ф.Ф. Связь времен. - М.: Молодая гвардия, 1987. -237 с.
102. Николаев В.А. Истоки русской народной педагогики. - М.: МПГУ, Орел: ОГУ, 1997. – 134 с.
103. Николаев В.А. Этнопедагогическая подготовка учителя русской национальной школы. - М.: МПГУ, Орел: ОГУ, 1998. – 178 с.
104. Новицкая М.Ю. Программа «Мир народной культуры» в начальной школе // Живая старина. 1999, № 4. С. 55-57.
105. Орлова А.П. Студентам о народной педагогике // Советская педагогика, 1987, №8. С.91-93.
106. Оршанский Л.Г. Игрушки. Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. - М.-СПб.: Гос. изд-во, 1923. – 155 с.
107. Осетров Е.И. Живая Древняя Русь. – М.: Просвещение, 1984. – 304с.
108. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. - СПб.: Питер, 2000. – 288с.
109. Петракова Т.И. Гуманистические ценности образования в процессе духовно-нравственного воспитания подростков. Дис. ... докт. пед. н. – М., 1999. – 387с.
110. Пирлиев К. Народная педагогика и современность: методические указания / Под ред. Г.С. Ершовой. – Ашхабад, 1983. – 70 с.
111. Платон. Собр. Соч. в 4-х томах. Т.4. - М.: Мысль, 1994. - 830 с.
112. Платонов О.А. Русская цивилизация. – М.: Роман-Газета, 1995. – 224 с.
113. Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. - СПб., 1895. – 387с.
114. Политология: энциклопедический словарь. - М.: Издат. Моск. комер. ун-та, 1993.- 431 с.
115. Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост., авт. Предисл. И коммент. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанов. - М.: Современник, 1986. - 512 с.
116. Пропп В.Я. Русский героический эпос. – Л.: ЛГУ, 1955. – 552 с.
117. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избр. статьи. - М.: Наука, 1976. – 325 с.
118. Пропп В.Я. Русская сказка. - М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. – 416 с.
119. Пространный христианский катехизис православной католической восточной церкви. Сост. Митр. Филаретом (Дроздовым). - Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. – 104 с.
120. Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. - Л.: Наука, 1976. - 244 с.

121. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней, т. 2. Средневековье. - СПб.: Петрополис, 1994. – 368с.
122. Родителева М.И. О народной эстетике русской песенной лирики // Живая старина. 1991, №3. С. 30-32.
123. Романова Г.А. Социально-педагогические условия возрождения и развития празднично-обрядовых форм народной культуры. Дис. ... канд. пед. наук. – М.,1997. - 186с.
124. Российский Этнографический музей – детям: Методическое пособие для педагогов дошкольных образовательных учреждений / Ботякова О.А., Зязева Л.К., Прокофьева С.А. – СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2001. – 192 с.
125. Рудь Ю.А. Методологические и теоретические проблемы изучения народной педагогики. Дисс. ... канд. пед. н. - М., 1980.-147с.
126. Русская игрушка (Из коллекции Художественно-педагогического Музея игрушки АПН СССР, г. Загорск) / Автор-составитель Г.Л. Дайн. – М.: Советская Россия, 1987. – 198 с.
127. Русская народная игрушка в собрании Государственного Русского музея / Альманах. Вып. 18. – СПб.: Palace Editions, 2002. – 175 с.
128. Русская школа / Духовно-нравственные проблемы воспитания. – М.: Русское слово, 1996. – 224с.
129. Русские. - М.: Наука, 1997. – 828с.
130. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О.А. Платонов. – М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. – 1040 с.
131. Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа // Библиотека русского фольклора. Т. 1. Былины / Сост. М.Ф. Селиванова. - М.: Советская Россия, 1988. - С. 5-24.
132. Селивёров А.В. Национальный характер русских и его влияние на становление современной российской государственности. Дис. ... канд. филос. н. – М., 1997. – 172 с.
133. Сенигов И.П. Народное воззрение на учение и воспитание. - СПб., 1896. – 15 с.
134. Ситаров В.А., Маралов В.Г. Психология и педагогика ненасилия. - М.: Клуб «Реалисты», 1997. – 336 с.
135. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб.: Наука, 2000. – 278 с.
136. Словарь русского языка 11-17 веков. - М.: Наука, 1982. – 357 с.
137. Словарь русского языка: В 4-х томах. Т. 2. - М.: Русский язык, 1981. (2-е издание.) - 736 с.
138. Словарь современного русского литературного языка. Т.6. - М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. - 1460 с.

139. Смирнов П.И. Ценностные основания общества. Дис. ... д. фил. н. - М., 1994. -289с.
140. Соколов К.Б. Сказочный архетип как признак субкультурной картины мира // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Сб. научн. трудов. Вып. 8: Традиционные формы досуга. – М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 1998. С. 239-247.
141. Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Кн. 1, т. 1-2 / Подготовка текста: Цинзерлинг Г.Д., Рыкалов В.С. // Сочинения: В 18 кн. / Отв. ред. Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С. - М.: Мысль, 1988. – 798 с.
142. Соловьев С.М. Об истории Древней России. - М.: Просвещение, 1993. – 544 с.
143. Солоневич И.Л. Народная монархия. - М.: «Феникс», 1991. – 511 с.
144. Сорока-Росинский В.Н. Молитва // Вестник знания. 1908, №6.
145. Толстой Л.Н. О народном образовании // Педагогические сочинения. - М.: Педагогика, 1989. С. 54-70.
146. Трубецкой Е.Н. Избранное. - М.: Канон, 1995. – 475 с.
147. Успенский Г.И. Избранное. - М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1953. – 775 с.
148. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.1. – М.: Педагогика, 1988. С.194-256.
149. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.2. – М.: Педагогика, 1988. С.27-57.
150. Ушинский К.Д. Родное слово // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.2. – М.: Педагогика, 1988. С.108-121.
151. Ушинский К.Д. Детский мир // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.3. – М.: Педагогика, 1989. – 512с.
152. Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.4. – М.: Педагогика, 1989. С.8-22.
153. Ушинский К.Д. Родное слово, книга для учащихся: советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику «Родное слово» // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.4. – М.: Педагогика, 1989. С.23-88.
154. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Педагогические сочинения: В 6 томах. Т.5. – М.: Педагогика, 1990. – 528с.
155. Ханбиков Я.И. Народная педагогика. – Казань, 1966. – 126 с.

156. Христова Е.Л. Народная педагогика: историографические и теоретико-методологические проблемы. Дисс. ... канд. пед. н. – М.1988. – 184 с.
157. Черник Т.В. Идеи и традиции русской педагогики в воспитании культуры отношений современных дошкольников. Дис. ... канд. пед. н. – М.1996. – 158с.
158. Шадриков В.Д. Происхождение человечности. - М.: Логос, 1999. – 200 с.
159. Шайдурова Н.В. Традиционная тряпичная кукла: Учебно-методическое пособие. – СПб.: ООО «Издательство «ДЕТСТВО_ПРЕСС», 2011. – 176 с.
160. Шамаева С.Е. Апология сказки. – Воронеж: Изд-во «Левый берег», 1996. – 270 с.
161. Шангина И.И.Русские дети и их игры. - СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 296 с.
162. Шоров И.А. Адыгская народная педагогика. – Майкоп: Краснодарское книжн. изд-во, 1989. – 334 с.
163. Шумунова Т.В. Психолого-педагогические основы развивающей среды музея игрушки. Автореферат дис. ...канд. психол. н. – М.,1999. – 18с.
164. Шутова В.А. Педагогические условия воспитания милосердия у детей младшего школьного возраста. Дис. ... канд. пед. наук. - Смоленск, 1999. – 156с.
165. Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гуссейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
166. Юдин А.В. Русская народная духовная культура: Учебное пособие для студентов вузов.- М.: Высшая школа, 1999. – 331 с.

Содержание

Вступительные замечания.....	3
Часть первая. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МИРОЛЮБИЯ КАК ФЕНОМЕНА РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ.....	5
Часть вторая. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ МИРОЛЮБИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ.....	17
Часть третья. ИСТОРИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕИ МИРОЛЮБИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ.....	42
Часть четвертая. ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ МИРОЛЮБИЯ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ: НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ТРУДА И ПРАЗДНИКА.....	76
Часть пятая. ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ МИРОЛЮБИЯ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ: КУЛЬТУРА ДЕТСКОЙ	

ИГРЫ	И	НАРОДНОЙ
ИГРУШКИ.....		93
Часть шестая. ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ		
МИРОЛЮБИЯ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ: УСТНОЕ НАРОДНОЕ		
ТВОРЧЕСТВО.....		124
СПИСОК		
ЛИТЕРАТУРЫ.....		158
Содержание.....		170